

Историческая библиотека

Пол
ДОГЕРТИ

АЛЕКСАНДР
ВЕЛИКИЙ.
СМЕРТЬ БОГА

ТРАНЗИТКНИГА

Москва
2005

УДК 821.111(73)
ББК 84.4
Д59

Серия «Историческая библиотека» основана в 2001 году

Paul C. Doherty
ALEXANDER THE GREAT
The Death of A God

Перевод с английского Н. Омелянович

Серийное оформление С. Власово

Компьютерный дизайн О. Качаевой

Печатается с разрешения издательства Constable & Robinson Ltd.
и литературного агентства Александра Корженевского.

Подписано в печать 21.07.05. Формат 84×108 1/32.
Усл. печ. л. 18,48. Тираж 5 000 экз. Заказ № 338.

Книга подготовлена издательством «Мидгард» (Санкт-Петербург)

Догерти, П.

Д59 Александр Великий. Смерть бога / Пол Догерти; пер. с англ. Н. Омелянович. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2005. — 345, [7] с. — (Историческая библиотека).

ISBN 5-17-032452-9 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9713-0416-X (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)

ISBN 5-9578-2373-2 (ООО «Транзиткнига»)

Александр Македонский.

«Сын Зевса». «Правитель Ойкумены».

Самый молодой и дерзкий из прославленных полководцев мировой истории. Великий завоеватель, обожаемый собственной армией и почитаемый покоренными народами.

История его жизни описана неоднократно и, казалось бы, во всех мельчайших деталях. Но в ней по-прежнему таится НЕМАЛО ЗАГАДОК и ТАЙН.

Знаменитый английский историк и непревзойденный мастер исторического романа Пол Догерти предлагает самые НЕОЖИДАНЫЕ разгадки этих тайн!..

УДК 821.111(73)
ББК 84.4

© Paul C. Doherty, 2004
© Перевод. Н. Омелянович, 2005
© ООО «Издательство АСТ», 2005

*Посвящается
Мей-Цзин Фуа и ее брату Бобу из Малайзии
с самыми теплыми пожеланиями*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Александром Великим я, похоже, занимаюсь всю сознательную жизнь. Скажу точно, с чего все началось: в темном зале кинотеатра «Палладиум» в Мидлсбро я смотрел, широко раскрыв глаза, на Ричарда Бартона, исполнявшего роль великого завоевателя. Голливудская версия истории захватила тогда не одного меня. Много воды утекло с той поры, и я прошел долгий путь от почитания сложившегося в моем воображении образа идеального героя. Изучение классического греческого языка и его диалектов лишь распалило аппетит: об Александре мне хотелось знать как можно больше, и я читал работы Плутарха, Ариана и других античных авторов.

В разные времена и для разных людей Александр Великий значил что-то свое. Европейцы XIX столетия смотрели на него как на идеального человека, рассказы о его милосердии были сильно преувеличены, я и сам в них свято верил, пока в руки мне не попало написанное Квинтом Курцием жизнеописание Александра, тогда и возникли

у меня первые сомнения. Я вспомнил эпизод из этой книги (гл. 8) — встречу Александра с двадцатью скифскими послами. Речи их, возможно, излишне приукрашены, но я отчетливо помню слова старшего из них, обвинившего Александра в развязывании войн: посол недоумевал, зачем Александр нападает на народы, которые ни в чем перед ним не провинились? Как может он наказывать грабителей, в то время как сам ограбил все народы на Земле?

У меня изменилось отношение к личности Александра и его завоеваниям. Никто не усомнится в безграничном мужестве Александра, его гениальном полководческом даре, неиссякаемой энергии и магнетической харизме. Изучая античные источники, я сосредоточил внимание на смерти Александра, на последних днях его жизни — в конце концов, умер он совсем молодым и смерть эта была внезапной и странной. Может, своей смертью он добровольно расплатился за громкую славу? А что, если вечная тьма была расплатой за прижизненную славу и кто-то намеренно укоротил его блестящую карьеру? Основательно изучив обстоятельства, сопутствовавшие смерти Александра, я предлагаю читателям свой ответ на этот вопрос.

Мне бы хотелось поблагодарить всех, кто помогал мне, особенно сотрудников Лондонской библиотеки. Я очень признателен миссис Анджеле Франческотти, которая напечатала эту рукопись.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

- 356 г. до н. э. Александр родился в Пелле, Македония, возможно, 20 или 26 июля. Сын Филиппа и его третьей жены Олимпиады.
- 354 г. до н. э. Демосфен критикует планы войны против персов.
Середина лета: Филипп захватывает Мефону; во время сражения теряет глаз.
- 348 г. до н. э. *Август:* Филипп захватывает и разрушает Олинф.
- 343–342 гг. до н. э. Аристотеля приглашают в Македонию в качестве учителя Александра. Он поселяется возле священной рощи Миезы.
- 342–341 гг. до н. э. Единокровный брат Олимпиады Александр занимает (с помощью Филиппа) престол Эпира.
- 340 г. до н. э. Шестнадцатилетний Александр, оставленный регентом Македонии, одерживает во Фракии победу над медами. Основывает Александрополь в Парфии.

- 338 г. до н. э. *2 августа:* битва при Херонее в Беотии. Знаменательная победа Филиппа над Афинами и Фивами.
Александр и Антипатр возглавляют македонское посольство в Афинах.
Филипп женится на племяннице Аттала Клеопатре.
Олимпиада и Александр в ссылке.
- 337 г. до н. э. *Весна:* заключение союзного договора эллинов в Коринфе.
Александра вызывают в Пеллу.
Осень: Коринфский союз одобряет кампанию против Персии.
- 336 г. до н. э. *Весна:* Парменион и Аттал отправлены в Малую Азию для подготовки военных операций.
Июнь: Дарий III Кодоман вступает на персидский трон.
Клеопатра рождает Филиппу сына Карана.
Александр Эпирский женится на дочери Олимпиады Клеопатре.
Убийство Филиппа.
Александр вступает на престол Македонии.
Конец лета: Александр созывает собрание Коринфского союза, и его провозглашают стратегом эллинов.
- 335 г. до н. э. *Начало весны:* экспедиция Александра против трибаллов и иллирийцев.

- Восстание в Фивах, уничтожение этого города.
- 334 г. до н. э. *Март—апрель*: Александр и его армия входят в Малую Азию.
Май: битва при Гранике.
Генеральная реорганизация греческих городов в Малой Азии.
Блокада и взятие Милета.
Осень: взятие Галикарнасса.
- 333 г. до н. э. Экспедиция Александра в Келены, Фригию и в Гордий.
Ранняя весна: смерть Мемнона Родосского.
Сбор персидских войск в Вавилоне.
Эпизод с Гордиевым узлом.
Дарий уходит из Вавилона в западном направлении.
Сентябрь: Александр приходит в Тарс; болезнь.
Дарий переходит через Евфрат.
Сентябрь—октябрь: битва при Иссе.
Александр идет на юг через Финикию.
- 332 г. до н. э. *Январь*: покорение Библа и Сидона.
29 июля: падение Тира.
Сентябрь—октябрь: захват Газы.
Александр провозглашен фараоном в Мемфисе.
- 331 г. до н. э. *Начало весны*: Александр посещает оракула Амона в Сиве.

Апрель: основание Александрии Египетской.

Александр возвращается в Тир.

Дарий выводит войско из Вавилона.

18 сентября — октябрь: битва при Гавгамелах.

Македонцы наступают на Вавилон, и в середине октября город сдается.

Победа Антипатра над Агисом в Мегалополе.

Начало декабря: Александр без боя занимает Сузы.

330 г. до н. э.

Январь: Александр захватывает и грабит Персеполь.

Май: поджог дворца в Персеполе.

Начало июня: Александр наступает на Экбатаны.

Дарий отступает к Бактрии.

Парменион остается в Экбатанах, Гарпал — казначей.

Возобновление преследования Дария.

Дарий найден убитым возле Гекатомпил.

Бесс провозглашает себя в Бактрии «царем царей».

Конец августа: продвижение к озеру Сейстан.

«Заговор Филоты».

329 г. до н. э.

Март—апрель: Александр переходит через Гиндукуш.

- Апрель—май:* Александр занимает Бактрию; Бесс отступает через Окс.
Июнь: Александр переправляется через Окс.
Бесс сдается.
Александр входит в Мараканд.
Бунт Спитамена.
- 329—328 гг. до н. э. Александр занял зимние квартиры в Зариаспах.
Казнь Бесса.
- 328 г. до н. э. Кампания против Спитамена.
Осень: убийство Клита Черного.
- 328—327 гг. до н. э. Спитамен схвачен и убит.
- 327 г. до н. э. *Весна:* захват Согдианы.
Александр женится на Роксане.
Александр рекрутирует 30 000 персидских «последователей».
«Заговор пажей» и смерть Каллисфена.
Начало лета: Александр снова переправляется через Гиндукуш; подготовка индийской кампании.
- 327—326 гг. до н. э. Александр в Нисе; «эпизод с Дионисом».
- 326 г. до н. э. Александр у Таксила.
Сражение у Гидаспа (Джелам) против раджи Пора.
Смерть Буцефала.
Июль: бунт у Гифаиса.
Возвращение к Джеламу.
Начало ноября: флот Александра и армия следуют вниз по течению.

- 326—325 гг. до н. э. Кампания против городов брахманов;
Александр серьезно ранен.
- 325 г. до н. э. *Сентябрь*: Александр идет через пустыню Гедросия.
Гарпал бежит из Малой Азии в Грецию.
- 324 г. до н. э. *Январь*: Неарх с флотом отправлен в Сузы.
Эпизод с могилой Кира.
Возвращение Александра в Персеполь.
Весна: прибытие 30 000 тренированных персидских «последователей».
Массовые свадебные церемонии в Сузах.
Март: декреты об изгнанниках и об оказании царю божественных почестей.
Кратер ведет ветеранов домой, в Македонию.
Александр переправляется из Суз в Экбатаны.
Смерть Гефестиона.
- 323 г. до н. э. Убийство Гарпала на Крите.
Александр подчиняет коссеев; возвращение в Вавилон.
Поход Александра к Евфрату; путешествие по болотам.
Прибытие сына Антипатра, Кассандра, для переговоров с Александром.
29/30 мая: после пирушки у Мидия Александр заболевает; умирает *10/11 июня*.

323—322 гг. до н. э. Ненадежное мирное соглашение между наследниками.

Птолемей забирает Египет.

322—321 гг. до н. э. Мирное соглашение между военачальниками нарушено: начало борьбы за престолонаследие.

ГЛАВНЫЕ ПЕРСОНАЖИ

Род македонских царей:

Филипп	царь Македонии, отец Александра
Олимпиада	царица, мать Александра, третья жена Филиппа
Александр	сын Филиппа и Олимпиады
Арридей	известен и как Филипп, сын Филиппа II, единокровный брат Александра
Клеопатра	сестра Александра
Клеопатра	племянница Атгала и четвертая жена Филиппа
Никесиполида	фессалийка, любовница Филиппа

Главные македонские военачальники:

Птолемей	вероятно, единокровный брат Александра
Пердикка	} служили при Александре
Аттал	
Аттал (II)	

Неарх	уроженец Крита, командующий флотом Александра	
Леоннат	} служили при Александре	
Лисимах		
Эвмен		служил Филиппу и Александру
Гефестион		близкий друг Александра
Гарпал		казначей Александра
Клит	Черный Клит, личный телохранитель Александра и военачальник. Клит служил и Филиппу	
Антигон	Антигон Одноглазый. Военачальник при Филиппе и Александре	
Кратер	стратег Александра и командующий	
Кен	командир	
Полисперхонт	командир	

Другие македонские придворные

Павсаний	убийца Филиппа
Мидий из Лариссы	македонский морской командир
Харет Митиленский	распорядитель двора Александра
Аристотель	учитель Александра
Калисфен	официальный историк Александра
Аристандр	некромант, прорицатель из Тельмеса
Леонид	учитель Александра
Лисимах	учитель Александра
Калан	брахман, философ
Анаксарх	философ при дворе Александра
Клеомен	наместник Египта
Аполлодор	стратег Вавилонии

Пифагор	ученый
Мелеагр	македонский военачальник
Протей	племянник Клита
Таис	афинская куртизанка при дворе Александра
Гермолай	царский паж

Род Пармениона:

Парменион	военачальник, служил при Филиппе и Александре
Филота, Никанор, Гектор	сыновья Пармениона и командиры в армии Александра

Род Антипатра:

Антипатр	полководец, ветеран, служил при Филиппе; оставлен Александром наместником Македонии
Кассандр	сын Антипатра, одна из основных фигур в войне за престолонаследие
Иолл	сын Антипатра, виночерпий Александра
Никанор	сын Антипатра

Персы:

Ксеркс, Кир, Дарий	персидские цари V века до н. э.
Артаксеркс III Ох	современник Филиппа
Дарий III Кодоман	противник Александра
Мемнон из Родоса	греческий военачальник-наемник у Дария III
Мазей	персидский сатрап Вавилонии

Сисигамбис	мать Дария III
Батс, евнух	командующий защитой Газы
Роксана	персидская царевна, жена Александра
Барсина	наложница Александра, мать его сына Геракла
Багой	евнух, друг Дария III, а позднее — Александра
Бесс, Спитамен	персидские сатрапы, выступившие против Александра
<i>Афиняне:</i>	
Демосфен	оратор, яростный противник македонцев
Исократ	оратор, страстный защитник греческой кампании против Персии
<i>Другие правители:</i>	
Ада из Кари	царица Галикарнаса и прилегающих земель
Пиксодар	правитель Галикарнаса в Кари, соперник царицы Ады
Гермей	мелкий греческий тиран, правитель Атарнея
Александр из Эпира	единокровный брат Олимпиады, правитель маленького, но стратегически выгодно расположенного царства на границе с Македонией; был женат на сестре Александра Клеопатре

ПРОЛОГ

Май 323 года до н. э. Вавилон

То божия судьба... то божья воля.
Еврипид. «Андромаха», строка 1203¹

Если бы тридцатитрехлетний Александр Македонский верил в привидения, то они толпой окружили бы его в купальне дворца Навуходоносора². Дворец этот стоял среди роскошных лугов и садов, настоящий рай, оазис в страшной жаре вавилонско-

¹ Здесь и далее цитаты из трагедий Еврипида приводятся в переводе И. Ф. Анненского.

² Навуходоносор, царь Вавилонии в 605—562 гг. до н. э. По легенде, он разрушил восставший Иерусалим, ликвидировал Иудейское царство и увел в плен большое число жителей Иудеи.

го лета. Признаки подступающей трагедии, по словам Плутарха, предзнаменование неведомого ужаса, беспричинный страх поселились в сердце Александра с тех самых пор, как он приехал в Вавилон. Прорицатели, предсказатели судьбы, в великом множестве собравшиеся во дворце, наверняка поведали ему историю о том, как вавилонский царь Валтасар своими глазами увидел ужасное *предначертание* будущего (в буквальном смысле этого слова) — собственной смерти и развала созданной им империи. Во время большого пиршества, устроенного Валтасаром для тысячи вельмож, «вышли персты руки человеческой и писали против лампы на извести стены чертога царского, и царь видел кисть руки, которая писала»¹. «И вот что начертано: МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ, УПАРСИН. Вот — и значение слов: МЕНЕ — исчислил Бог царство твое и положил конец ему; ТЕКЕЛ — ты взвешен на весах и найден очень легким; ПЕРЕС — разделено царство твое и дано Мидянам и Персам»².

Во время веселого пира у Александра началась лихорадка, она продолжалась и на следующий день. Накануне он принес богам щедрую жертву и вместе с друзьями чествовал командующего флотом Неарха, вернувшегося из опасного похода в Индию. В планах Неарха был поход к берегам Аравийского полуострова. Александр ушел с пира, поддавшись на-

¹ Дан 5:5.

² Дан 5:25–28.

стойчивым уговорам старого друга — Мидия из Лариссы. Мидий родился в Фессалии, отличался веселым нравом, умел польстить и всегда был готов присоединиться к веселой попойке в кругу приближенных друзей царя. Как свидетельствуют документы, болезнь Александра не остановила: вместе с Мидием он отправился на вторую пирушку. Лихорадка усилилась, и Александр переместился в императорскую купальню. Там улегся на берегу большого бассейна в надежде, что жар ослабеет. Неизвестно, взял ли тогда он с собой любимую книгу, «Илиаду», которую с детских лет держал при себе и знал почти наизусть: на ночь он клал ее под подушку вместе с кинжалом. Книга эта, исправленная Аристотелем, была для него такой ценностью, что он хранил ее в красивой шкатулке, которую в качестве трофея захватил из сокровищницы Дария, персидского царя царей. Александр сумел одержать победу над Дарием в битве при Гавгамелах за восемь лет до описываемых событий.

Александр полагал себя воином, равным описанным Гомером героям, вторым Ахиллом, которого считал своим предком по линии матери — Олимпиады из Эпира, пылкой молосски. Происходила она от Неоптолема, сына Ахилла, и его жены Андромахи, вдовы Гектора, плененной после падения Трои. Александр, как и все его современники, не сомневался в достоверности своей родословной. «Илиада» вдохновляла Александра: описанное Гомером сражение являлось в его глазах воплощением подлинной войны, а Ахилл — «самый грозный среди мужей» — идеалом, к которому он стремился. Только в «цар-

стве Аида», приняв смерть от руки Париса и изведав скуку вечности, начинает Ахилл сомневаться в правильности принятого им решения и узнает, каково «быть царем мертвых». Речь об этом идет уже не в «Илиаде», а в «Одиссее», когда преисподнюю посещает Улисс.

Страдая от приступов лихорадки, Александр Македонский размышлял, должно быть, о «своих бессмертных устремлениях». Вспоминал предупреждение из «Илиады»: «Но приближается день твой последний» а может, и другие строки: «Должен он... от немощи тяжкой в оконечности в отеческом доме скончаться»¹. Александр, новоявленный Ахилл, и в самом деле серьезно заболел. Болезнь его развивалась так же, как и у друга Гефестиона, который сыграл в жизни Александра роль Патрокла. Гефестион умер годом раньше, в 324-м, в Экбатанах, столице Мидии, что в Северной Персии. Умер, несмотря на все молитвы и жертвоприношения Александра (см. гл. 7). Нравилось ли Гефестиону, как и Патроклу в «Илиаде», являться к своему царю из загробного мира? Напоминал ли он Александру о днях юности, что провели они вместе в роще, посвященной нимфам, возле Миезы, расположенной к югу от Пеллы, новой столицы Македонии? То было время приготовлений, Александр впервые тогда ощутил в себе те самые «бессмертные устремления» — *pothos* — глубокое, непоколебимое желание стать таким, каким был его герой Ахилл.

¹ Гомер. «Илиада» 19:409 и 13:667. Перевод Н. Гнедича.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Бог

От малой искры часто до пожара
Людей язык доводит. Оттого
С друзьями в спор и не вступает
мудрый.

Еврипид. «Андромаха»

С самого начала приметы, предвещавшие появление бога, были столь явными, что сомнениям не оставалось места. Филипп Македонский — завоеватель земель между Грецией на юге и Балканами на севере — взял себе новую жену. Отогнал соперников от трона Македонии, собрал армию и, поглядывая на юг, задумал распространить свою власть на всю Грецию: к 357 году до н. э. она состояла из независимых мощных городов-государств. Главной целью Филиппа были Афины и Фивы — «очи Эллады». Столетняя

война не погасила ревностного духа этих городов, но все же ни один из них не был силен настолько, чтобы утвердить превосходство над соперником или над другим городом-государством, таким как Спарта. Греки лелеяли мечту объединиться, как об этом поведал афинский оратор Исократ, они мечтали создать вдоль всего Геллеспонта братский союз государств, и первоочередная задача состояла в освобождении от персидского влияния греческих колоний, городов Малой Азии, таких как Эфес и Милет. Для этого требовалось покарать самопровозглашенного царя царей, правителя персидской империи, деспота Ксеркса, осмеливавшегося вторгаться в Грецию, разоряя города и подчиняя себе вольнолюбивых греков. Как и любые мечты, эти устремления были далеки от реальности. Греческие города-государства сотрясала политическая борьба между сторонниками демократии и олигархии. Если даже внутри полиса в результате компромисса и наступала гармония, то не прекращались междоусобицы между городами. Спартанцы одержали победу над Афинами и под рев труб снесли длинные стены Пирея и заставили афинян существенно сократить флот. Затем пришла в упадок и Спарта, а Афины, напротив, возродились после черных дней 404 года до н. э. Афиняне возвели новые стены, навели порядок на флоте, обновили гавани и арсеналы, а фиванское войско под городом Левктры в 371 года до н. э. нанесло чувствительный урон армии Спарты.

Пока греческие полисы пребывали в грезах, варварская Македония с ее богатыми природными ре-

сурсами — лесами, лугами, тучными стадами, рыбными реками, залежами серебра и золота — расправляла мускулы. До сих пор македонским властителям было недосуг: разбирались с собственными племенными войнами. Внезапно этот период закончился, когда в 360 г. до н. э. в историю вошел Филипп, царь-воин. Титул царя Филипп фактически не использовал, по статусу он был скорее «первым среди равных» — главнокомандующий армией, успешный боевой командир, заслуживший преданность других македонских военачальников. Был он плотного сложения, с могучей грудью, густой бородой, любил женщин и пил неразбавленное вино. Филипп сразу же зарекомендовал себя амбициозным командиром. Носил шляпу с широкими полями и пурпурный плащ по моде македонских аристократов. Раскованные манеры, острый язык и чувство юмора сочетались с жестоким, необузданным нравом и гибким стратегическим умом. Он был прирожденным интриганом. Армия при нем добилась невиданных успехов, и в коннице, и в пехоте воины были обучены не хуже профессиональных наемников. Филипп постиг науку использования артиллерии при осаде города, усилил флот, подыскал для него надежные гавани. Однако главная военная сила македонцев заключалась в создании прекрасно организованной, отлично обученной фаланги сариссофоров¹ с их пятнадцатифу-

¹ Сариссофоры — тяжелая македонская пехота, вооруженная длинными (до 5 м) копьями (сариссами).

товыми сариссами, или копьями. Фаланга сражалась плотным строем и, словно молот, обрушивала удар по легковооруженным вражеским наемникам, стрелкам и пращникам. При этом фалангу поддерживали быстрые, хорошо организованные конные отряды, готовые в любое мгновение проникнуть в брешь, образовавшуюся в стане противника.

Несмотря на всю свою воинственность, Филипп понимал значение дипломатии: ведь она давала ему возможность добиться своей цели. Он часто повторял такую максиму: «Юнцов надо обманывать игральными костями, а взрослых — клятвами». Для достижения компромисса он всегда готов был подписать договор или вступить в альянс, впоследствии в зависимости от обстоятельств он легко нарушал данные им обещания. Филипп предпочитал откупиться или подкупить, не проливая драгоценной крови своих воинов. Историк Диодор Сицилийский рассказывает о похвальбе Филиппа, что «царство свое он расширил более с помощью золота, нежели оружия». Если добиться цели помогали мирные договоры, то скрепляли их брачные узы. В Греции шутили: «Раз Филипп Македонский затеял новую кампанию — значит возьмет себе новую жену».

В 357 году до н. э. Филипп женился в третий раз. Девушку звали Миртала, и была она молосской, дочерью царя Эпира, маленького, но важного в стратегическом плане государства на юго-западе Македонии. Порты и гавани Эпира давали выход к Ионическому морю.

Невесте не исполнилось и восемнадцати, когда ее посвятили служению богу вина Дионису. Была она своенравной и вспыльчивой, терпеть не могла, когда ей противоречили. После выдающихся успехов македонцев на Олимпийских играх она сменила имя и стала называться Олимпиадой. Игры состоялись после свадьбы с Филиппом и до рождения в 356 году возлюбленного ее сына Александра. Олимпиада вошла в общество, которое смотрело на интриги и насилие как на неизбежный профессиональный риск. Южные соседи презирали отсталую и варварскую с их точки зрения Македонию, издевались над ее грубым языком, смеялись над обычаями. Ну разве не смешно, когда жрец убивает собаку, вынимает из животного внутренности, разрезает пополам, а потом солдаты ходят между этими кусками, полагая, что тем самым очищают себя?

Тем не менее Олимпиада сделалась женой монарха, оказавшегося блестящим полководцем и смелым политиком. Когда он не мог проложить себе путь к успеху деньгами, пускал в дело замечательно организованную армию и добивался поставленной цели.

Войдя в беспокойное и постоянно меняющееся высшее македонское общество, Олимпиада заявила о себе как о личности, ревностно оберегающей как собственные права, так и статус своего сына. У них с мужем была общая черта — поклонение Дионису, богу вина. Филипп, несмотря на явную грубость, был не чужд культуры. Столицу своего царства он перенес из Эг в построенную у подножия гор более удоб-

ную Пеллу. Он создал новый город, который словно магнитом притягивал к себе художников, как, впрочем, и пьяниц. Филипп как настоящий македонец был большим любителем выпить. Эфипп из Олинфа отзывается о македонцах как о людях, «которые в питии никогда не знают меры». Пили они, по его словам, так много и так быстро, что пьянели прежде, чем на стол приносили первое блюдо. Снобы-афиняне, смотревшие на македонцев как на бедных дальних родственников, считали сдержанность и умеренность признаками людей цивилизованных, неумеренное же потребление неразведенного вина было достойно лишь варваров, к коим они, соответственно, македонцев и причисляли, и Филипп, царь последних, являлся лучшим тому примером. Демосфен, великий свободолюбивый оратор Афин (как он сам себя именовал), назвал Филиппа «пьянчугой», а Феопомп из Хиоса назвал Филиппа «любителем выпить, спавшим с золотым кубком под подушкой». Страсть к вину отличала двор Филиппа, а, как говорится, свой своего ищет. Филипп и его придворные то и дело припадали к алтарю Диониса. Двор в Пелле, как писал Феопомп, «был прибежищем для самых развращенных и наглых людей... чуть ли не каждый такой человек — грек или варвар — распутный, отвратительный, с бандитскими наклонностями — являлся в Македонию». Тем не менее, признавал Демосфен, македонцы были «прекрасными солдатами, отлично подготовленными в военной науке». Филипп заработал репутацию прожигателя жизни и ве-

сельчака, и о его похождениях ходило бесчисленное множество рассказов.

Однажды полупьяный Филипп председательствовал на суде по делу двух грабителей. Первому он вынес приговор: бежать из Македонии, а второму — устремиться за ним вдогонку. В другой раз, захватив какой-то город, Филипп с кубком в руке развалился на захваченном троне, а мимо него вереницей шли пленники. Один человек попросил возможности поговорить с ним без свидетелей. Филипп поманил его к себе, пленный приблизился и шепнул царю, что тот оголился. Пьяный победитель поспешно оправил тунику и плащ и, поблагодарив человека, тут же его освободил.

Невоздержанность в вине ближайшего окружения оказала сильное влияние на Александра. Пьянство приводило к конфликтам, насилию и трагедиям в жизни великого завоевателя. Одна из попоек спровоцировала самую серьезную ссору Филиппа со своим наследником. Алкоголизм самого Александра сыграл значительную роль в возникновении главных кризисов его правления, да и самой смерти. И хотя македонский двор превратился в глазах людей в место вакханалий, а на Филиппа смотрели как на веселого старого плута, такая репутация служила царю удачной маской. Филипп мог быть беспощаден, особенно в борьбе с претендентами на его корону. Кровь в Македонии была погуще воды, но коли дело доходило до борьбы за политическое выживание, цена этой самой крови сильно падала. В таких битвах о

милосердия не просили: никто никому ничего не прощал. Филипп доказал это в 348 г. до н. э., когда захватил Олинф. Он взял в плен двух единокровных братьев, потенциальных соперников, и немедленно казнил их. Двор Филиппа можно было назвать святилищем Диониса, где неразбавленное вино лилось, словно вода, только все было не так просто. Филипп сформировал узкий круг единомышленников. Феопомп называл их «вульгарными пьяницами», однако царь нашел среди них тех людей, «с кем он мог обсудить жизненно важные вопросы». «Жизненно важным» для Филиппа было объединение Греции под его началом, и сделать это надо было либо силой оружия, либо тонкой дипломатией. Сам он хотел стать главнокомандующим Греции, после чего начать войну против персов. За столом Филиппа, без сомнения, сидел бог вина в черной козлиной шкуре, но был там и огненноглазый Элелей, македонский бог войны, чье имя войска Филиппа и Александра выкрикивали как боевой клич, когда шли на врага от Гема возле Херонеи до мутных вод Гидаспа (ныне эта река в Пакистане называется Джелам).

Филипп не был пустым мечтателем, не был и политическим утопистом. Великий оратор и глашатай панэллинизма Исократ Афинский в своем «Панегирике» выступал за такую войну. Он призывал всю Грецию начать совместный освободительный поход против персов, будь то под флагами Афин или Спарты. «Панегирик» впервые был опубликован в 380 году до н. э. К 346 году Исократ, отчаявшись докричаться

до тех, кому поначалу адресовал свой призыв, направил Филиппу Македонскому письмо «Обращение к Филиппу», в котором предложил ему осуществить идею панэллинизма. Филипп был польщен. Наконец-то великие Афины увидели в нем нечто большее, нежели македонского пирата. Демосфен, также афинянин, знал Филиппа лучше и решил, что за согласие Филиппа придется заплатить большую цену. Демосфен постоянно предупреждал о «варваре с севера», утверждал, что Филиппа интересует не столько свобода, сколько власть. Поначалу Филипп мало что мог сделать: Персией правил Артаксеркс III, человек, железной рукой насаждавший свою власть любой ценой, даже если для этого ему требовалось искоренять своих родственников независимо от их возраста или пола.

Вот в эту горячую пору и встретил Филипп Олимпиаду. Девушка произвела на него сильное впечатление еще пять лет назад, когда он увидел ее впервые во время инициации на острове Самофракия¹. Филипп ездил туда, должно быть, ради вина и удовольствий. Олимпиада отнеслась к этой встрече гораздо серьезнее. Став женой Филиппа, она принесла в Македонию культ змеи, неразрывно связанный с обрядами Диониса. Было бы неверно заключить, что наступившие впоследствии разногласия в браке

¹ Самофракия — гористый остров у побережья Фракии, в древности была известна мистериями святилища Великих богов кабиров.

были вызваны супружеской неверностью Филиппа. Олимпиада не была столь впечатлительна. Многочисленные брачные союзы Филиппа были частью нормального на ту пору социального устройства, и женолюбие царя являлось неотъемлемой составляющей его натуры. Смотреть на Олимпиаду как на обиженную женщину, на оскорбленную зеленоглазую богиню, было бы ошибкой. Плутарх рассказывает любопытную историю об одной из любовниц Филиппа, фессалийке Никесиполиде, которая в 354 году до н. э., то есть через три года после его женитьбы, попала к нему на глаза. До Олимпиады дошли слухи, будто новая любовница околдовала Филиппа зельями и приворотами. Олимпиада заинтересовалась, послала за Никесиполидой и нашла ее совершенно очаровательной. Все слухи о колдовстве молодой женщины она со смехом отвергла и сказала сопернице: «Ты, моя милая, сама чудо, и привороты тебе не нужны». Они подружились, а после смерти Никесиполиды Олимпиада вырастила дочь подруги — Фессалонику — как свою собственную.

В июле 356 года до н. э. Олимпиада родила Александра, а годом позже — Клеопатру. Судя по документам, это были ее единственные дети. Олимпиада боготворила своего сына. Когда статусу Александра что-то угрожало или значение его личности умалялось, Олимпиада превращалась в легендарную Медузу Горгону. Конечно, такая сильная любовь и яростные ее проявления заставляли окружающих проявлять осторожность. Историк Тарн утверждал, что

Александр не любил ни одну женщину, «за исключением ужасной своей матери». Ему следовало бы употребить прилагательное «ужасающей». Афинский оратор Гиперид говорил, что Олимпиады для них слишком много, мол, это заметно даже на расстоянии. Афины ощутили это сполна, когда решили отреставрировать Додонское святилище¹ в родном городе Олимпиады — Эпире. Присущее Олимпиаде собственническое чувство сквозит в каждом слове предупреждения, которое направила она в Афины: «Земля молоссов — моя. И не вам, афинянам, прикасаться к камням этого храма». Когда в 334 году до н. э. Александр покинул Македонию навсегда, Олимпиада осталась там в качестве царицы-матери, а старый полководец Антипатр выступил в роли регента. Это был тонкий ход: Антипатр терпеть не мог Олимпиаду, она отвечала ему тем же, и взаимная их неприязнь обеспечивала в Македонии политическое равновесие. Олимпиада и Антипатр объединялись, если требовалось подавить оппозицию, а достигнув цели, следили друг за другом, как два сторожевых пса. Оба докучали Александру своими письмами, но на-

¹ Додона — город в Эпире; в святилище Зевса в Додоне находился знаменитый Додонский оракул. Жрицы-пифии прорицали в этом святилище по шелесту священного дуба Зевса, по журчанию ручья, протекавшего у его корней, а позднее — по звуку от удара плетей при дуновении ветра по бронзовому тазу. В 219 г. до н. э. храм был razoren этолийцами.

стоящего соперничества за его расположение между ними не было. Александр мог бы предъявить матери претензию — она требовала от него слишком высокую плату за то, что девять месяцев носила его в утробе, — и тем не менее он ее обожал. Друг его сказал как-то: «Одна слеза, пролитая его матерью, может погасить десять тысяч писем Антипатра». Первое, что сделал Александр после великой победы над персами при Гранике (334 г. до н. э.), — это послал драгоценные трофеи в дар своей возлюбленной матери. Александр, по словам Квинта Курция, признался, что самой большой наградой за его дела было бы дарованное богами бессмертие матери после ухода ее из жизни. Такое признание не только подтверждает любовь Александра к Олимпиаде, но и свидетельствует о его отождествлении себя с Ахиллом, мать которого была бессмертной богиней. Не было у Александра лучшего защитника и опоры, чем эта необыкновенная женщина. Она пережила сына на несколько десятилетий и умерла, натравив на себя его врагов. Олимпиада была прирожденным бойцом в прямом и переносном значении этого слова. Она посеяла страшное семя, давшее кровавые всходы. Олимпиада твердо верила в божественную миссию Александра, потому и сын ее стал человеком исключительным. Мир, в котором он жил, отличался от мира других людей. В Александре была божья искра, и перед собой он ставил невиданную цель. Неудивительно, что такой сын во всех отношениях превзошел харизматического отца — Филиппа. Не стоит

винить и Филиппа за то, что тот прислушивался к сплетням: мол, чужестранная и властная жена наставила ему рога и высокомерный ее сынок — кукушонок в их семейном гнезде.

По Плутарху, зачатие и рождение Александра Олимпиада окутала тайной, намекающей на божественное участие. Накануне той ночи, когда невесту с женихом закрыли в брачном покое, Олимпиаде привиделось, что раздался удар грома и молния ударила ей в чрево и от этого удара вспыхнул сильный огонь; языки пламени побежали во всех направлениях и затем угасли. Спустя некоторое время после свадьбы Филиппу приснилось, что он запечатал чрево жены; на печати, как ему показалось, был вырезан лев. Предсказатели были настроены скептически и посеяли в душе Филиппа сомнения. Они истолковали этот сон в том смысле, что Филиппу следует строже охранять свои супружеские права, и посоветовали ему приглядывать за поведением жены. Аристандр из Тельмесса осмеял эти слухи. Человек этот впоследствии при покровительстве Олимпиады стал официальным предсказателем Александра и сумел сколотить себе состояние. По словам Аристандра, сон Филиппа доказывал, что царь не мог запечатать ничего пустого: Олимпиада беременна сыном, который будет обладать отважным львиным характером. Когда царские врачи подтвердили беременность, Филипп был немало поражен, однако, по словам того же Плутарха, старый циник все еще испытывал сомнения. Он стал шпионить за женой и однажды, подглядывая в щель

двери, ужаснулся, увидев змея, спавшего вместе с Олимпиадой. Весьма понятно, что увлечение жены ручными змеями охладило страсть Филиппа к Олимпиаде, он уже не так охотно проводил время в ее объятиях. Плутарх добавляет, что за кощунственное подглядывание Филипп был наказан Амоном¹ и потерял глаз, который прижимал к замочной скважине: при осаде Мефоны ему проткнули этот глаз копьем. Некоторые из этих историй, без сомнения, вымышлены, однако многие из них основаны на фактическом материале. Рассказы эти окутывают Олимпиаду, ее взаимоотношения с Филиппом и происхождение Александра флером спиритической и сексуальной интриги.

Прославляя происхождение сына, Олимпиада одновременно заронила подозрения в душу Филиппа. Он, должно быть, не слишком верил в свое отцовство, сомневаясь в верности супруги. То, как сама Олимпиада рассказывала об этом событии, делу отнюдь не помогало. Согласно Плутарху, публично Олимпиада опровергала ходившие о ней сплетни и сетовала, что «Александр часто не различает мать и Геру». В то же время она потихоньку поощряла такие

¹ Амон — египетский бог плодородия, божество-покровитель Фив, с возвышением города приобрел статус всеегипетского божества. Обычно изображался в образе человека с двумя перьями на голове или с бараньей или гусиной головой. Отождествлялся с такими богами, как Хнум, Птах, Мин и Ра (Амон-Ра).

разговоры. В соответствии с другим рассказом в изложении Плутарха, рождение Александра летом 356 года до н. э. вызвало ужас за пределами Македонии. В тот самый день был сожжен храм Артемиды Эфесской. Сжег его сумасшедший, но льстец Гегесий¹ из Магнесии сказал, что произошло это потому, что богиня была в это время занята, помогая Александру появиться на свет. В городе Эфесе маги, поклонявшиеся персидскому богу Ахурамазде², узнав о рождении Александра, бегали по городу, били себя по лицу и кричали, что этот день породил великое горе и бедствие: явился бич божий, и он уничтожит Азию.

Ранние годы «бича божьего» не изобилуют подробностями. Кормилица его, Ланика, была сестрой Черного Клита, начальника царской охраны, первый учитель, Леонид, — родственником Олимпиады, старым солдатом сурового нрава. В соответствии с от-

¹ Гегесий (320—280 гг. до н. э.) — греческий философ, имел прозвище *Pesithanatos* («ходатай смерти»), так как рисовал жизнь в столь мрачных красках, что некоторые из его слушателей решались на самоубийство.

² Ахурамазда — в иранской традиции верховное божество пантеона, олицетворение вселенского Добра, противопоставленного злу, которое воплощено в Ангро-Майнью, творец мироздания и прародитель всего сущего. Согласно учению Заратуштры, Ахурамазда — единственный несотворенный и предвечный бог, все прочие божества, как и мир в целом, произошли из него.

четом, данным Александром царице Аде из Карики, кормил его Леонид скудно, муштровал нещадно, проверял, не положила ли мать ему украдкой какие-нибудь лакомства. Суровую дисциплину Леонида до какой-то степени компенсировал дядька Александра, Лисимах. Он льстил мальчику, поддерживал его фантазии насчет Ахилла. Самого себя Лисимах называл Фениксом (имя учителя Ахилла), Филипп в его интерпретации превратился в Пелея, отца Ахилла, ну а в Александре, конечно же, живет дух Ахилла.

Пока они невинно развлекались, Олимпиада вынашивала коварные планы. По словам Плутарха, в 358 году до н. э., за год до свадьбы с Олимпиадой, Филипп женился на принцессе Филе из Лариссы. Фессалийка родила ему сына Арридея. Если верить Плутарху, «в детстве Арридей подавал надежды и отличался приятным нравом», пока Олимпиада не дала ему лекарство, которое, в соответствии с нашим источником, «ухудшило функции его организма и нанесло непоправимый ущерб разуму». Олимпиада считала Арридея возможным соперником Александра. Через шесть лет после смерти возлюбленного сына Олимпиада окончательно расправилась с несчастной жертвой: в 317 году до н. э. его казнили по распоряжению царицы.

Чтобы уменьшить пагубное влияние Олимпиады и одновременно дать сыну отличное образование, Филипп нанял ему лучшего педагога Греции. Афинские философы смотрели на Филиппа как на невежду и хама, не лучше относились и к его придворным,

однако Филипп продолжил политику своих предшественников: он старался привлечь ко двору ученых и художников. Интеллектуалы великого города откровенно осмеивали это его стремление. «Неужто мы, греки, — восклицал оратор Фрасимах, — станем рабами варвара?» Демосфен был более снисходителен: «Филипп не грек и к грекам никакого отношения не имеет».

Филипп выдерживал эти оскорбления с каменным выражением лица, ему удалось уговорить одного из величайших философов — Аристотеля (тот был почти македонцем по происхождению — из Стагиры на полуострове Халкидика — и сыном придворного врача) заняться образованием Александра. Аристотель был блестящим ученым, но в то время глубоко разочарованным человеком, потому что не занимал достаточно высокого положения в знаменитой афинской школе. Ученый был настроен против Персии, для Филиппа это было важнее, чем классическое образование. Аристотель, как и Исократ, был уверен в превосходстве греческой культуры. Филипп основал академию в роще нимф около Миезы, месте, славившемся своей красотой и привлекавшем внимание путешественников еще и во времена Плутарха (137 г. до н. э.). Кроме Александра учились там и другие молодые люди. Несколько юношей, ставших Александром друзьями на всю жизнь, — Гефестион, Кассандр, Птолемей и другие — были студентами той же академии. Три года — с 343 по 340 год до н. э. — Александр жил и учился в сем идиллическом месте, на-

зывавшемся также Садами Мидаса, потому что, согласно легенде, Мидас удерживал здесь силена¹, поил его вином, смешанным со священной водой, желая узнать тайну жизни. Затем Мидас в качестве выкупа отдал силена Дионису, а тот на радостях наделил Мидаса даром превращать все, к чему он прикасался, в золото.

В 340—339 гг. академическая жизнь Александра внезапно завершилась. Ему было шестнадцать, когда в отсутствие отца его назначили регентом и ему пришлось начать оборонительную кампанию против

¹ Силены — в греческой мифологии демоны, имеющие отношение к плодородию. Вместе с сатирами силены составляют свиту бога Диониса. Подобно сатирам, у них лошадиные хвосты и копыта; они уродливы — толстогубы и с глазами навывкате. Силены задиристы и склонны к пьянству. Тем не менее их отличает мудрость; так, у Вергилия в «Эклогах» полупьяный силен излагает слушателям космогонию. Известен миф о царе Мидасе, который поймал силена. Дионис попросил Мидаса отпустить пленника, пообещав выполнить любое желание царя. Мидас пожелал, чтобы все, к чему он прикасался, превращалось бы в золото. Но царь чуть не умер с голоду, ибо пища, которую он брал, мгновенно становилась золотой. Тогда он обратился к Дионису с мольбой; бог велел ему искупаться в источнике, который с той поры стал золотосносным, а Мидас избавился от божественного «подарка».

восставших племен медов. К 330 г., когда кампания закончилась, Александру исполнилось семнадцать. Он был образован и обладал не только боевым опытом, но и опытом управления государством. Александр является на политическую арену человеком взрослым — физически и духовно. Его характер сформировали не идеалистические представления и не романтические теории, а практический опыт, подлежащий анализу и оценке. То есть, как писал об этом географ Страбон, те вещи, чью истинность можно по крайней мере изучать, а после и проверить.

Внешность Александра производила сильное впечатление. Роста он был ниже среднего, знаем мы это потому, что, заняв дворец Дария после великой победы над персами, он уселся на царский трон и ноги его даже не доставали до скамеечки. Конфуз был исправлен: скамеечку моментально заменили столиком. Тело у Александра было мускулистым и подтянутым. Волосы были разделены пробором по середине, а лоб окружали завитки. Рыжевато-светлые локоны ниспадали сзади на шею, словно львиная грива. Кожа у него была светлая, щеки румяные, глаза разные: один серо-голубой, другой — карий. Зубы заостренные, нос прямой, губы полные, подбородок круглый. Лоб слегка выступал над глазами, голос — обычно высокий — при волнении становился хриплым. Походка — быстрая и нервная. Придворный скульптор Лисипп создал лучший, хотя и стилизованный, портрет. Александр предстает в излюбленной позе: легкий наклон шеи влево и устрем-

ленный вверх взгляд придают ему мечтательное, почти девическое выражение. Этой его манере часто подражали молодые придворные. Трудно сказать, был ли то врожденный дефект шеи и плеч Александра или просто привычка.

Трехлетний курс у Аристотеля дал Александру хорошее образование, и время, проведенное в роше Миезы, оказало на него, должно быть, сильное влияние. Аристотель поощрял его любовь к Гомеру. На имевшемся у царевича экземпляре «Илиады» он поставил свой автограф. Позднее, во время кампании в Персии, несмотря на тяготы сражений, Александр попросил своего казначея Гарпала, чтобы тот прислал ему что-нибудь почитать. Чтобы порадовать своего хозяина и друга, Гарпал уложил в посылку сочинения Эсхила, Софокла и — самое главное — Еврипида. Когда происходили значительные события, например те, что привели к убийству его отца, или когда сам Александр, допившись до безумия, убил Черно-го Клита, Александр цитировал строки знаменитого драматурга. Довольно таинственный источник по имени Никобуле уверяет, что Александр знал наизусть все сочинения Еврипида, а потому должен был помнить строки:

*Смертные, это безумье,
Что острой лишь медью копейной
Доблесть добыть сердцем горите вы...
Или предела страданьям
Не будет для смертного рода?*

*Если кровавым лишь боем решать
Споры будем, они не умолкнут¹,*

однако всю жизнь советами этими пренебрегал.

Аристотель оказал большое влияние на формирование политических взглядов Александра. Он помог своему ученику подвести теоретическую базу под его автократические наклонности. В бытность Аристотеля в роде Миезы близкий его друг и тесть Гермей был схвачен персидскими агентами и отвезен к Артаксерксу, где его замучили, стараясь выяснить у него намерения македонцев. Отвечать Гермей отказался и умер как герой. Аристотель сочинил «Гимн добродетели» в честь Гермея и высказал Александру все, что он думает о Персии. Исполненные горечи и злости слова учителя запали в душу слушавшего его со вниманием молодого человека. Аристотель заявлял, что все варвары — рабы по природе, а потому совершенно справедливо то, что греки хотят управлять ими. Александру учитель советовал встать во главе греков и завоевать варварскую Персию. С греками ему следует вести себя как с друзьями и родственниками, а с варварами поступать как с животными или даже растениями. Аристотель не сообщил ничего нового. Подобные рассуждения можно обнаружить в речах Демосфена и у Исократ в исполненных чувства национального превосходства высказываниях «Обращения к Филиппу». Аристотель, например, в

¹ *Еврипид. «Елена».*

«Политике» (кн. III), хитроумно обходя свойственную грекам неприязнь к автократии и единоличному правлению, заявляет, что, если выдающиеся достоинства лидера превосходят достоинства его граждан, автократическое правление себя оправдывает. Его царственный ученик придерживался трех главных идей. Первая — *aniketos* — непобедимость (позднее дельфийский оракул провозгласил Александра непобедимым). Вторая — *pothos* — сильное, непреклонное желание добиться цели, как бы трудна она ни была. Наконец, непоколебимая уверенность самого Александра в собственной прекрасной и исключительной судьбе.

В авторитарной политике македонского двора такие амбициозные настроения были весьма уместны, а потому Олимпиада активно поддерживала сына. На отца Александр смотрел как на некое мерило, по которому он судил о самом себе. С самого начала, как бы ни любили, как бы ни восхищались они друг другом, соперничество оказывало сильное влияние на их взаимоотношения. Даже знаменитый эпизод с конем Буцефалом говорит о растущей конкуренции, хотя Александру в то время было не более девяти лет. Филипп увидел у торговца лошадьми прекрасного черного жеребца с белой звездочкой на лбу. С лошадью никто не мог справиться. Присутствовавший при покупке Александр сказал, что они просто не знают, как его укротить. Филипп, поддразнивая мальчика, предложил ему показать, как это сделать. Молодой царевич тут же откликнулся. Он схватил коня за узду

и повернул его так, чтобы тот не пугался собственной тени, отбрасываемой солнцем. Убедившись, что конь успокоился, Александр вскочил на него и поехал на нем без седла, пробуя разные аллюры. Отец и его свита пришли в восхищение. Восторженный Филипп подарил коня Александру. Дружба, возникшая между мальчиком и конем, продолжалась тридцать лет, пока Буцефал не пал возле реки Джелам в Пакистане. Александр в честь коня построил там город.

Филипп, без сомнения, гордился сыном; по словам Плутарха, он дал ему исполненный гордости и горечи совет: «Ищи, сын мой, царство по себе, ибо Македония для тебя слишком мала». Есть и еще одно свидетельство о взаимоотношениях отца с сыном, датируемое годом позже (346 г. до н. э.). Филипп развлекался в Пелле, Александр пришел в восторг от гостей, играющих на лире, и Филипп — с ноткой ревности в голосе — спросил у сына, не стыдно ли ему, что сам он не умеет так хорошо играть. Дескать, царевич мог бы найти время для занятий музыкой, а не слушать, как играют другие.

Такие уколы и ответная реакция на них Александра проявились три года спустя, когда Филипп нанял Аристотеля учителем к сыну. Филипп наказал Александру усердно учиться и добавил: «Чтобы ты не сделал так много промахов, которые, к сожалению, сделал я». Замечание это весьма достойно. Филипп признавал свои ошибки и хотел, чтобы у сына все сложилось по-другому. Пример этот также пока-

зывает, что Филипп замечал честолюбие сына, видел его желание вступить в соревнование и считал, что сын превзойдет своего отца, если будет прилежно учиться.

Однажды Александр сделал отцу выговор за то, что «у него были дети и от других женщин, кроме жены». Тринадцатилетний Александр под влиянием матери постепенно увлекался идеей наследования царства, после того как отец отправится к богам. Отповедь Филиппа была столь же красноречива: «Докажи свою честь и права на царство не просто как мой сын, а сам по себе». Филипп ловко истолковал слова Александра, обратился к его амбициозной натуре, и все же фраза его была зловещей и даже угрожающей. Филипп таким образом предупреждал Александра, что тот не должен полагаться на то, что царство достанется ему по наследству, он еще должен это право заслужить. Александр с матерью, должно быть, обдумывали свое положение. Удар был нанесен. Александр не мог считать свое наследование делом решенным.

Соперничество между Филиппом и Александром привело к трещине в их взаимоотношениях, и трещина эта становилась все шире. Какому отцу понравится, если сын перенесет свою привязанность на другого человека? Тем не менее это произошло. Молодой царевич, обиженный суровыми словами Филиппа, позднее заявил, что Аристотель стал ему ближе родного отца, «хотя один из них дал ему жизнь,

другой научил, как можно достойно жить». В этих словах сквозит намерение унижить отца. Они выдают также страстное желание Александра превзойти достижения отца. Арриан рассказывает, как любовь Александра к славе сделала для него отцовские военные успехи источником расстройства, потому что, как пишет Плутарх:

Всякий раз, как приходило известие, что Филипп завоевал какой-либо известный город или одержал славную победу, Александр мрачнел... Стремясь не к наслаждению и богатству, а к доблести и славе, Александр считал, что чем больше получит он от своего отца, тем меньше сможет сделать сам... Он хотел унаследовать власть, чреватую не роскошью, удовольствиями и богатством, но битвами, войнами и борьбою за славу.

Филипп старался также в разговорах с сыном подчеркнуть, что, каковы бы ни были его амбиции, ему еще многому надо учиться. Когда Филипп обнаружил, что сын пытается путем подкупа заключить альянс с некоторыми македонскими придворными, он дал сыну суровый урок в области политической теории. Филипп, виртуозный шантажист и взяточдатель, написал сыну: «Как пришла тебе глупая идея, что ты можешь купить себе верных друзей?»

Александр заявил себя на политической арене как безжалостный, амбициозный, эгоцентричный деятель. Его однажды спросили, примет ли он участие в

Олимпийских играх, и он ответил, что «только если его соперниками будут другие цари». Он сознавал свою уникальность, полагая себя новым Ахиллом. Его зачатие и рождение были делом богов, у него великое предназначение, в которое смертным не дано вмешиваться. И образование свое он считал исключительным. Спустя годы, во время его борьбы с Дарием, Александр узнал, что Аристотель намеревается опубликовать свою «Метафизику», посвященную философским проблемам, которые Александр изучал с Аристотелем в Миезе. Великий завоеватель пришел в ужас от мысли, что то, что до сих пор он считал жемчугом, будет разбросано перед свиньями.

«Как смогу я,— возмущался Александр в письме, отправленном бывшему учителю,— превзойти других людей, если доктрины, которые изучал я, станут доступны всем?»

К двадцати годам эгоцентризм Александра, сосредоточение всех его помыслов на удовлетворении собственных амбиций сделали его человеком, игнорирующим удовольствия. Даже его мать Олимпиаду обеспокоило отсутствие у возлюбленного чада интереса к противоположному полу. Она наняла фессалийскую куртизанку Калликсению и попросила сына вступить с ней в связь. Александр решительно отказался. Однажды он сказал, что сон и близость с женщиной более всего другого заставляют его ощущать себя смертным, так как утомление и сладострастие проистекают от одной и той же слабости человеческой природы.

Такое самоотречение ни в коем случае не следует распространять на интерес к македонскому царскому двору с его дикой политикой. У Александра хватало чутья, чтобы понять: наследование трона вряд ли пройдет мирно. Если он вообще уцелеет, то станет солдатом, воином, полководцем и докажет великим военачальникам Македонии, что он не только не уступает своему отцу, но и превосходит его. Он использовал любую возможность добиться этого. Во время первой своей кампании (340—339 гг. до н. э.) против медов — фракийского племени — Александр не только разбил захватчиков, но и основал город и назвал его по примеру отца собственным именем. Документы свидетельствуют, что в тот же период Александр пришел на помощь Филиппу в войне с другими племенами. Более важно, что в лесных боях, где засада была обычным явлением, Александр спас жизнь отцу, хотя нельзя с уверенностью сказать, был ли тот эпизод искренним поступком или являлся — если выразаться современным языком — «пиаром» Александра.

Появление Александра на политической военной сцене счастливо совпало с заметным изменением баланса сил в материковой Греции. Чувствуя себя дома более уверенно, Филипп поглядывал на юг, желая распространить свое влияние на Афины и Фивы. Демосфен, как обычно, определил суть проблемы. Наблюдая за военным строительством Филиппа, за усилением мощной милитаристской машины, он про-

комментировал это так: «Афины с Филиппом не воюют, это Филипп воюет с Афинами». Постепенно расширение власти Филиппа на юг, захват городов, контроль за важными торговыми путями стали очевидны для всех. В августе 338 года македонская фаланга Филиппа привела объединенные силы Фив и Афин в Херонею, в Беотию, где и состоялось сражение. Филипп на правом фланге командовал пехотой македонцев, Александр на левом фланге вел вперед конницу. Филипп действовал с обычным своим хитрым умением: он разрушил вражеские ряды, устроив ложное отступление, в результате чего «священный отряд» фиванских войск остался неприкрытым. Это была классическая македонская тактика: разбить линию противника и выпустить конницу на разрозненные вражеские силы. Согласно отчетам об этом сражении, Александр, словно ударом молота, разбил «священный отряд», блестяще завершив стратегический замысел отца. Если верить документам, Александр первым ворвался в стан врага и после яростной схватки «священный отряд» прекратил свое существование.

Херонея стала поворотным пунктом в греческой истории и судьбе Македонии. Филипп, став отныне правителем Греции, выказал милосердие побежденным и даже посылал Александра в Афины с предложением выгодных условий. Филипп не хотел завоевывать Грецию, он хотел в ней доминировать. Взор его уже обратился на Восток. Он сформировал Ко-

ринфский союз¹ и пытался с помощью этой организации вести пропаганду против персов. Переход греков через Геллеспонт снова стал возможен и желателен, особенно после того, как убили Артаксеркса III Оха и в стране начался хаос. Чем не момент для наступления?

В жизни Александра Херонею также можно назвать поворотным пунктом. Он придавал этому сражению эпохальное значение. Александр сыграл в нем главную роль, однако Филипп воспользовался плодами победы единолично. Александр позже так и сказал: «Знаменитая победа в Херонее была моей заслугой, а зависть отца обратила ее в ничто». Такие разговоры, без сомнения, поддержанные Олимпиадой, начались сразу же после сражения. Утверждалось даже, что македонцы смотрят теперь на Филиппа «как на командующего, а на Александра — как на царя». Филипп заявил, что он в восторге от таких разговоров, на самом деле ничего подобного он не испытывал. Александр был уже взрослым воином, про-

¹ Коринфский союз был заключен в 337 г. до н. э. греческими городами-государствами (за исключением Спарты) с Филиппом II Македонским ради установления всеобщего мира и предотвращения государственных переворотов. Филипп II был провозглашен гегемоном Греции и верховным командующим союзного войска. В 337—336 гг. до н. э. союз объявил войну персам, дабы отомстить за разрушение персидским царем Ксерксом греческих святилищ.

веренным в бою командиром. Да, он был сыном Филиппа, но стал уже и соперником, день ото дня все более опасным. История Македонии ясно доказала, что кровь и родство значили мало в яростных династических битвах этого царства. Сводные братья Филиппа стали ему соперниками, поэтому он их и убил. Если бы угроза со стороны сына стала слишком большой, Филипп, без сомнения, поступил бы с ним так же. Старый царь, должно быть, пожалел о том, что предложил подростку бороться за права наследования. После Херонеи сын того и гляди последует данному совету. У царя и царевича были собственные партии. За свитой Александра неусыпно следили. Возможно, Филипп внедрил в нее своих шпионов.

В это время первенство было за Филиппом: у него были совет и люди, на которых он опирался. Царю они напоминали, что Олимпиада не македонка и сын ее Александр наполовину молоссец. Для ксенофобски настроенных македонских командиров этот факт имел немаловажное значение. Они относились недружелюбно к Олимпиаде и ее надменному сыну. Амбиции этих двоих и уверенность в предначертанной им божественной миссии командиры толковали как претензию на верховенство, где другим места уже не было. Олимпиада намекала на божественное зачатие Александра, Александр верил в то, что он превосходит Филиппа, и надо признать, размышляли командиры, что для обоих этих утверждений имелись серьезные основания, а потому они поспешили пу-

стить слух, что Олимпиада — неверная жена, а Александр — кукушонок, подброшенный в царское гнездо, для того чтобы завладеть всем тем, что завоевал Филипп. В династической борьбе в Македонии часто использовали обвинение в незаконном рождении. В 337 году случилось еще кое-что, послужившее той искрой, которая раздула костер ненависти, злобы и горечи в царском дворе Пеллы. Филипп влюбился.

После Херонеи Филипп поверил в себя. Он сделался гегемоном Греции, а Персия становилась все слабее и уязвимее. Филипп демонстрировал чувство собственного превосходства разными способами. Он приказал построить в Олимпии *толос* — круглое храмовое здание. Для прославления достижений Филиппа с помощью этого великолепного здания наняли архитектора Леохара. В храме должны были стоять статуи членов семьи Филиппа, выполненные из золота и слоновой кости. В то же время Филипп начал делиться властью и с другими группами людей. Особенно поддерживал он интересы двух самых влиятельных македонских военачальников — Пармениона и Аттала. Эти два ветерана были связаны родством через женитьбу: Аттал был зятем Пармениона. Филипп усилил союз с ними, женившись на племяннице Аттала Клеопатре (Арриан в своих исторических документах называет ее Евридикой). Браки Филиппа всегда были источником насмешек его современников, однако в этот раз вышло по-другому. Филипп не просто породнился со знатным и богатым македонским домом, в Клеопатру он влюбился

по-настоящему. Что было еще важнее, такой альянс, в глазах всех наблюдателей, означал решительное удаление Филиппа от жены и амбициозного сына, чересчур вмешивающихся в его дела. Биограф Сатир, цитируемый Афинеем, точно обрисовал ситуацию: «Филипп женился на Клеопатре по любви. Он привел ее домой, чтобы заменить ею Олимпиаду, и с этого момента вся его жизнь погрузилась в хаос». Олимпиада смотрела на Клеопатру как на соперницу. Новая жена Филиппа была по меньшей мере на двадцать лет моложе супруга. Здоровая македонка способна была родить второго наследника. Описание сложившейся ситуации, данное Аррианом, — пример его типичной сдержанности. «После того как Филипп женился на Евридике [Клеопатре] и тем самым унизил Олимпиаду, у них с Александром наметился недостаток взаимного доверия». И Сатир, и Арриан говорят об очередном браке и об отстранении Олимпиады, они указывают, что любовный роман с Клеопатрой происходил одновременно с разводом, а это — неприкрытая атака на статус царицы, а следовательно, и на Александра. Короче, Филипп более не доверял Олимпиаде и ее сыну и рассматривал их как угрозу для себя.

Это не просто предположение. Свадебный пир Филиппа и Клеопатры спровоцировал кризис, вскрывший глубокий разрыв отношений между отцом и сыном. Александр с неохотой пришел на пир и уселся на почетное место напротив царя. Остальные гости, напившись неразведенного вина, небрежно откину-

лись на ложах — на головах гирлянды, в сердцах — злорадная радость: унижение принца им было очень приятно. Когда отец фальшиво поприветствовал Александра, сын объявил: «Когда моя мать выйдет замуж во второй раз, я приглашу тебя на ее свадьбу». Это была не просто колкость, а предупреждение. Олимпиада была родом из Эпира, маленького, но стратегически важного царства на границах Македонии. Плутарх продолжает рассказ: «Аттал поднялся и обратился ко всем македонцам: молитесь богов, чтобы у Филиппа и Клеопатры родился законный наследник престола».

Насмешка была столь жестокой и недвусмысленной, с выделением слова «законный», что не осталось никакого сомнения: призыв Аттала был подготовлен и на эту тему Филипп со своей свитой шутили неоднократно. Слова Олимпиады о возможно божественном происхождении ее сына были брошены ей же в лицо, и Александр немедленно на них среагировал: «Так что же, негодяй, я, по-твоему, незаконнорожденный, что ли?» — и он швырнул в Аттала чашу. Вбежала вооруженная охрана. Филипп обнажил свой меч, вскочил с ложа, на котором пил вино, но раненая нога подвернулась, и он растянулся на полу.

Издеваясь над отцом, Александр сказал: «Смотрите, друзья! Этот человек собирается переправиться из Европы в Азию, а не может дойти от ложа до ложа».

В этот же вечер Александр ушел из дворца, забрав с собой мать. Она нашла приют в Эпире, а сын поселился в Иллирии и жил там с грубыми иллирийскими племенами. Зимой 337/336 г. до н. э. Филипп никаких действий не предпринимал, просто наблюдал и ждал. Он понимал, что опасность велика. Филипп готовил поход через Геллеспонт, и вряд ли ему могла понравиться перспектива создания Александром правительства в изгнании и вмешательство в дела Македонии, когда все помыслы были направлены на Персию. Благодаря дипломатии коринфянина Демарата, человека, купившего для Филиппа Буцефала, между отцом и сыном было достигнуто натянутое перемирие. Олимпиада должна была оставаться в Эпире, а Александру разрешили вернуться.

Ничего, однако, не изменилось. Александр ни о чем не забыл. В 336 году до н. э. Филипп попытался женить умственно отсталого сына Арридея на дочери Пиксодара, правителя стратегически важного города-государства Галикарнас в Карии. Александр решил, что Филипп снова пытается его обойти. Через трагического актера Фессала он повел с Пиксодаром собственные секретные переговоры. Узнав об этом, Филипп страшно разгневался, но решил до времени не предпринимать серьезных карательных действий. Ему не хотелось провоцировать новый кризис. Филипп встретился с сыном, публично его выбранил, а многих людей из окружения Александра отправил в ссылку.

Весной 336 г. началась персидская кампания. Царь Филипп послал первые войска через Геллеспонт под началом Пармениона и Аттала, где поначалу они добились выдающегося успеха: захватили стратегический город Эфес. Филипп выжидал: надо было утрясти дела дома. Он знал, что в Эпире Олимпиада пылает гневом, и, чтобы разрядить обстановку, предложил устроить брак царя Эпира, сводного брата Олимпиады (его также звали Александром), со своей дочерью Клеопатрой.

Филипп решил совместить дело с удовольствием. Свадебное торжество наметили провести в прежней резиденции Македонии — Эгах. За исключением Спарты, туда должны были съехаться посланники из всех греческих городов-государств и предложить Филиппу золотые венки. Он предвкушал упоение славой. Еще бы не радоваться: вся Греция отныне ему покорна, Олимпиада сослана, Александр изолирован. Новая жена Филиппа Клеопатра родила здорового сына, а совсем недавно и дочь. Полководцы Филиппа испытывают сейчас на прочность могущество персидского государства. Все, чего в данный момент хотелось Филиппу, — это поощрения богов, благословения его на новое великое свершение. Он отправил гонцов к Дельфийскому оракулу. Оттуда ему привезли послание: «Видишь, бык увенчан; конец близок; жертвоприноситель готов». Филипп решил, что под быком подразумевается Персидская империя и он, Филипп, принесет ее в жертву богам. Последовав-

шие за этим события показали, что интерпретация его оказалась неверной.

Празднества и пиры в Эгах должны были достигь кульминации в древнем театре Там царь собирался устроить большую процессию. Первым пойдет Филипп, за ним понесут двенадцать статуй олимпийцев, собственная его статуя замкнет шествие. В амфитеатр ему надлежало войти с двумя Александрями — сыном-нечестивцем и будущим зятем. Филипп примет послов, произнесет тронную речь и объявит о своих планах. Царь собирался сыграть роль большого демократа. В то утро он оделся просто — в тунику и плащ, голову украсил венком. Надо было показать, что никакой он не диктатор и не тиран, он и от телохранителей отказался. Большая часть успешных убийств свершается в отсутствие охраны. Так произошло и в Эгах. Филипп не подозревал, что один из его охранников, Павсаний, затаил на него зло. Историк Диодор описывает события, в результате которых Павсаний совершил цареубийство.

Македонец Павсаний происходил из семьи, жившей в области Орестида. Он был личным телохранителем царя, и Филипп любил его за его красоту. Когда Павсаний заметил, что царь начинает отдавать предпочтение другому телохранителю, его тезке, он обратился ко второму Павсанию с гневной речью, назвал его гермафродитом, готовым отдаться кому угодно. Не в силах вынести такое оскорбле-

ние, второй Павсаний на время затаился, но после конфликта со своим другом Атталом (полководцем Филиппа) он добровольно и на глазах у всех принял смерть. Случилось это так: Филипп участвовал в сражении с царем Иллирии Плеврием. Павсаний загордил собой Филиппа и принял на себя все удары, обращенные царю. Инцидент это повсеместно обсуждался, и Аттал, тот самый человек, в которого Александр запустил чашей, и близкий придворный царя пригласил первого Павсания отобедать с ним. Напоив его допьяна неразбавленным вином, Аттал передал бесчувственного Павсания погонщикам мулов, чтобы они надругались над пьяным человеком. Павсаний, очнувшись и поняв, что с ним сделали, пришел в бешенство и обвинил Аттала перед царем. Филипп посочувствовал Павсанию, однако Аттала не наказал — как-никак родственник да и услуги его сейчас необходимы. Аттал был дядей Клеопатры, на которой царь недавно женился. К тому же он храбрый воин, командующий отрядом, посланным в Азию. По этим причинам царь попытался смягчить праведный гнев Павсания: подарил ему дорогих подарков и выделял среди других членов своей охраны.

Филипп позабыл о Павсании, который все еще являлся членом его свиты. Он был ослеплен праздничным действием, которое, по выражению Диодора, «вызывало благоговейный трепет в тех, кто его видел». Вот уже и двенадцать олимпийских богов про-

шли перед зрителями, но удивление, вызванное тринадцатой статуей, изображавшей царя, мгновенно испарилось: вытеснили его драматические события, развернувшиеся у входа в амфитеатр. Павсаний выхватил спрятанный под одеждой кельтский кинжал, выскочил из рядов телохранителей, бросился к царю и вонзил кинжал ему под ребра. Царь мгновенно скончался. Убийца попытался бежать к городским воротам, где его дожидались лошади, однако споткнулся о корень виноградной лианы. Трое его преследователей — Пердикка, Леоннат и Аттал (не тот, что был военачальником при Филиппе, а другой) — догнали его и закололи своими дротиками. «Таков был конец Филиппа, — сокрушался Диодор, — он сделался величайшим царем Европы, владения его были столь обширны, что он по праву мог считать себя тринадцатым богом».

Филипп поздно узнал истинную природу бессмертия, теперь он был мертв, а Александр, его сын и наследник, немедленно заявил права на корону. Скорость и относительная безболезненность перехода власти невольно наталкивают на вопрос: а был ли Павсаний убийцей-одиночкой или же просто орудием в руках других людей? И кем были заказчики? Олимпиада? Александр? Оба? Первоисточники противоречат друг другу. Арриан описывает убийство Филиппа как дело рук одинокого мстительного убийцы, однако Арриан пристрастен. Историю свою он писал во втором столетии новой эры, и тогда убийство успешного правителя, такого как Филипп, рас-

ценивалось как наихудший образец отцеубийства, святотатство, страшное преступление. Арриан мог быть объективным, но то, что в конце своей работы он восхваляет Александра, ясно показывает искреннее его восхищение блестящим полководцем и успешным политиком.

Другие авторы более осторожны. Аристотель в своей «Политике», рассуждая о правителях, которых убили скорее по личным, нежели политическим причинам, утверждает, что Павсаний был убийцей-одиночкой. «Павсаний, — пишет он, — напал на Филиппа, потому что тот позволил Атталу и его друзьям оскорбить его». Превосходный философ не предлагает другой версии опять же по причине пристрастности. Александр был его учеником, студентом. Он говорил когда-то, что Аристотель для него больше отец, чем Филипп. К тому же у Аристотеля хватало проницательности, чтобы понять: делая выбор между жизнью и смертью, лучше пойти на компромисс. А потому философ и заявил: смерть Филиппа — дело рук одного человека и никакой ответственности за нее Александр не несет. Заключение Аристотеля весьма значительно еще и из-за слухов, которые ходили по Вавилону шестнадцать лет спустя. Согласно им, великий философ и бывший царский учитель Аристотель был замешан в этом убийстве. (См. гл. 4.)

Диодор Сицилийский также описывает Павсания как одинокого, погруженного в свои мысли человека, вынашивающего план мести. «И не только тому,

кто причинил ему зло, но также и тому, кто отказался за него отомстить». Тем не менее он делает довольно неожиданное замечание о том, что на цареубийство Павсания натравил софист Гермократ. Павсаний спросил его: «Как можно достигнуть величайшей славы?» Гермократ ответил: «Убей того, кто совершил величайшее».

Плутарх, однако, идет дальше и делает причастной к убийству Олимпиаду: «Это она подговорила и побудила к действию разъяренного молодого человека». Юстин, не столь надежный источник, повторяет это утверждение:

На это действие Павсания спровоцировала Олимпиада <...> она испытывала не менее горькие чувства из-за развода и женитьбы Филиппа на Клеопатре, чем Павсаний от нанесенного ему оскорбления <...> нет никакого сомнения, что это она приготовила лошадей для того, чтобы убийца мог скрыться с места преступления.

Юстин подробно затем описывает, как после убийства Филиппа Олимпиада поспешила в Македонию, чтобы выказать уважение распятому на кресте трупу убийцы, вместо того чтобы оказать почести бывшему супругу.

В ту же ночь она [Олимпиада] приехала и возложила на голову висевшего на кресте Павсания золотой венок. Такого поступка — пока жив был ее сын —

никто, кроме нее, совершить бы не осмелился. Несколько дней спустя, когда тело убийцы было снято, она сожгла его на останках своего мужа и уложила его в одну с ним могилу. Она распорядилась также ежегодно приносить жертвоприношения духу Павсания <...> и, наконец, кинжал, которым убит был царь, посвятила Аполлону, назвавшись при этом своим прежним именем Миртала. Все эти поступки были совершены публично, так чтобы все знали, от кого они исходят.

В последнем утверждении Юстина есть ядовитый намек. Если Олимпиада боялась, что поступки эти припишут не ей, то, стало быть, тем самым она выгораживала кого-то другого — кого же, как не возлюбленного сына Александра? Другие авторитетные лица в этом отношении настроены не столь категорично. Хотя Плутарх и обвиняет Олимпиаду, он добавляет: «Часть вины за содеянное ложится и на Александра». Плутарх рассказывает довольно любопытную историю о том, как Павсаний обратился к Александру за помощью. Царевич выслушал строки из Еврипида, в которых Медея угрожала «всем отмстить — отцу, невесте, жениху». Стих относится к той части трагедии, где Креонт очень беспокоится о том, что может сделать Медея ему, его дочери и зятю, после того как ее отверг и унизил муж. Персонажи пьесы могли быть аналогами живых людей — Аттала, его племянницы Клеопатры и Филиппа. Медея, конечно же, ассоциировалась с Олимпиадой. Все

трое — Аттал, Клеопатра и Филипп — умерли в один и тот же год. Плутарх добавляет также, «что между Павсанием и семейством Аттала существовала глубокая неприязнь». Нет сомнений, Плутарх, поклонник Александра, попытался сгладить сказанные им же самим слова о том, как новый царь «постарался отследить и наказать заговорщиков». Юстин, однако, заявляет, что именно Александр побудил Павсания к этому «страшному преступлению».

Естественно, что вопрос об участии Александра в убийстве отца является предметом горячей дискуссии историков. Я считаю, что Александр в лучшем случае был пассивным свидетелем преступления, а в худшем — активным его участником и даже, возможно, организатором убийства собственного отца.

- Большинство источников высказываются в пользу Александра. Арриан был страстным его почитателем, и он основывался на ныне утерянной информации от огромного числа источников о Птолемее, сыне Лага. Птолемей был приятелем Александра, будущим полководцем и основателем новой династии в Египте. Он забрал тело умершего Александра, чтобы похоронить его в Египте. Тем самым он заявлял о своей дружбе с покойным и одновременно давал понять, что он отныне законный наследник Александра в Египте (см. гл. 8). Птолемей никак не мог назвать Александра отцеубийцей. Помимо того, к моменту смерти Филиппа Птолемей входил в близкое окружение Александра, и если бы вдруг начали подозревать наследника, то лишилось бы дове-

рия и все его окружение. Птолемей, как будет видно из дальнейшего повествования, сыграл особенную роль в смерти Филиппа. Возможно, тогда он проявил истинно дружеские чувства к Александру: ходили слухи, что убитый царь был его отцом. Пристрастный Аристотель тоже не осмелился бы бросить тень на имя Александра. Диодор Сицилийский тоже проявил сдержанность: отсутствие реальной дискуссии или анализа смерти Филиппа в его работе заставляет задуматься. Другие авторы защищают Александра не столь рьяно. Плутарх лишь подозревает его в соучастии, зато Юстин твердо в нем убежден.

- Заявление Плутарха о том, что Александр выследил всех заговорщиков, кто был повинен в смерти отца, не вполне соответствует истине. Александр скор был на обвинения других людей, в том числе Демосфена и даже царя Персии Дария. Абсолютно верно то, что некоторые македонские аристократы, принадлежавшие к соперничавшему клану (дому Аэропа), были казнены, а прах их высыпали на могилу Филиппа, однако и в этом случае удаление потенциальных соперников было на руку Александру: он скорее защищал себя, нежели мстил за отца. Источники не указывают никаких свидетельств о том, что Павсанием руководила какая-то группировка или фракция македонского двора. Арриан мельком замечает об устранении возможных соперников.

- Раскопки, произведенные на могиле Филиппа в Вергине, показывают: царю устроили пышные похороны как национальному герою. Позднее Алек-

сандр серьезно намеревался обожествить Филиппа. Было это скорее попыткой откупиться, нежели чем-то еще. Мертвого Филиппа можно было славить, потому что мертвый Филипп проблем не создавал. Историки, не согласные с моим тезисом, отмечали, что в 331 году до н. э. Александр совершал долгий и опасный поход через пески Ливии к храму Амона-Ра. Он спросил у оракула, живы ли еще убийцы его отца. Шестисотмильное паломничество Александра к святилищу (оракул которого славился наряду с Дельфийским) являлось смесью фактических событий и пропаганды. Амон-Ра был богом, обладавшим всеми характеристиками греческого Зевса и египетского Ра. Причиной паломничества, свершившегося после покорения Египта армией Александра и перед грядущим столкновением с Дарием, был *пoтoс* — непреодолимое стремление утвердить свою божественную власть и завершить путь Геркулеса и Персея. Александр не отвергал Филиппа, но, подобно другим великим героям, обнаруживал двойную природу своего происхождения, при этом его смертный отец исполнил подчиненную роль, посеяв божественное семя в лоно матери. В таком контексте следует рассматривать вопрос об отношении Александра ко все еще живым убийцам отца. И такой подход представляется примечательным: ведь Олимпиада наверняка принимала участие в подготовке убийства мужа. К тому моменту она была жива и здорова, и ее присутствие явственно ощущалось в Македонии. Историки ухватились за вопрос Александра как за до-

казательство не только полной его невинности, но и незнания о том, кто готовил убийство отца. Тем не менее можно предложить более жесткий вариант его обвинения. Во время походов в Персию вера Александра в собственное божественное происхождение становилась все крепче, и в этой мысли его укрепляли выдающиеся военные успехи. Влияние Олимпиады на умонастроения юного Александра оказалось определяющим. Она говорила сыну «правду» о его происхождении незадолго до его похода в Азию, а победы Александра, казалось бы, неопровержимо подтверждали ее правоту. Одной из причин его паломничества к оракулу было желание задать вопрос о родстве с Амоном, почитаемом эллинами египетским богом, которому Филипп принес жертвоприношение, еще когда он шпионил за женой и спрашивал совета у Дельфийского оракула. Вопрос, который Александр задал оракулу, может иметь три варианта подтекста. Первый: живы ли до сих пор убийцы моего отца? Так можно было проверить правдивость оракула, ведь он должен был видеть все насквозь: знать прошлое и предсказывать будущее. Во-вторых, вопрос этот можно было рассматривать как своего рода признание в том, что Александр, хотя и не был активным участником убийства отца, но все же искал себе оправдания в том, что позволил этому убийству совершиться. В-третьих, Александр впал в некую ментальную казуистику, пытаясь освободить себя от какой-либо вины в смерти отца. То есть если отцом его был Амон, то Александр не виновен в от-

цеубиистве, потому что Филипп ему человек посторонний. Ответ оракула был столь же изворотливым: отец Александра не из числа смертных, а потому как же он мог умереть? Имеются сведения, что Александр перефразировал свой вопрос: не избег ли наказания кто-либо из убийц его отца? Ответ, такой же двусмысленный, должен был порадовать и освободить Александра: Филипп отомщен полностью. Всю жизнь преследовала Александра память об отце, в каждом кризисе (Филота, Черный Клиг, мятеж македонян в Опесе) Александр не подражал Филиппу, но его постоянно сравнивали с отцом, и он на это яростно реагировал. Это обстоятельство наводит на подозрение, что многие втайне считали истинным убийцей Филиппа его сына. На такое обвинение Александр не мог отвечать публично, а потому и отвечал намеками: рассказывал, например, в подробностях о посещении оракула.

- У Александра хватило силы выдержать моральные испытания. В 336 году до н. э. ему исполнилось двадцать, к этому времени он уже был закаленным в боях воином и обладал некоторым опытом государственного управления, поведение его отличалось самонадеянностью, а характер — горячностью. Он твердо верил в собственное высокое предназначение и открыто выражал недовольство отцом — не только потому, что тот обидел Олимпиаду, но в первую очередь потому, что отец принижал его самого. В 336 году до н. э. Александр смотрел на Филиппа как на препятствие, мешавшее исполнению его собственных

амбиций. Он высказывал свое мнение публично. После Херонеи он уверовал в то, что именно он был настоящим победителем, и — по слухам — видел себя царем. Дело Пиксодача показало, что Александр готов был, несмотря на предупреждения, участвовать в переговорах вопреки воле отца, словно уже стал верховным правителем. Обида Александра на отца так и не прошла. Через двенадцать лет, после того как он одержал самые свои выдающиеся победы, уничтожил Персидскую империю и приблизился к границам Индии, обида на отца ничуть не утихла. Арриан сообщает: в 324 году до н. э., обращаясь к македонским войскам в Описе, Александр упомянул достижения Филиппа, имевшие большое значение для государства и армии, однако, заметил он, все они меркнут в сравнении с его собственными успехами: «Достижения моего отца сами по себе велики, но стоит их сравнить с моими успехами, как они становятся ничтожными». Говорят, что время лечит, с Александром, однако, этого не произошло. Он готов был начать кампанию по обожествлению своего отца, но лишь для того, чтобы люди говорили о нем самом как о гомеровском Ахилле: «Он и отца превосходит»¹. Даже античные авторы, открыто восхищавшиеся Александром, говорят о его безграничных амбициях. Плутарх писал, что Александр «ценил свое доброе имя более собственной жизни и короны... его страстное желание славы давало ему гордость и спо-

¹ Гомер. «Илиада», 6. 479.

способность видеть будущее». Арриан говорит, что Александр был «одержим любовью к славе, и его жажду похвал невозможно было насытить». Амбиции Александра, упоение собственными достижениями доходили до патологии. Он и к людям относился в зависимости от того, как они на него смотрели. Соответственно ему не нравились советы и критические замечания его отца, а уж тем более предупреждения и угрозы. Действия Филиппа после Херонеи должны были серьезно обеспокоить амбициозного и безжалостного сына. Филипп слишком поздно осознал, что Александр — чрезвычайно опасный молодой человек. Насмешка Аттала на свадебном пиру являлась лишь отражением мыслей Филиппа и его окружения: на Александра смотрели как на чужака, сомневались в том, что он сын царя, и уж во всяком случае помнили, что в жилах его текла не только македонская кровь. Такое оскорбление можно было приравнять к объявлению войны. Александру угрожали, и он об этом не забыл. Он, должно быть, отдалился от собственного народа, его культуры и обычаев и с безграничной энергией пустился на поиски своего собственного «я». В 334 году он покинул Македонию и возлюбленную мать, чтобы никогда уже туда больше не вернуться. Историки согласятся с тем, что Александр просто хотел отправиться на край света, однако дело было не только в этом. Александр смотрел на себя как на уникальную личность, совершенно отличавшуюся от тех, кто хотели жить и даже умереть рядом с ним. Наиболее серьезные конфликты

Александра и его командиров, таких как Клит, были вызваны попытками сына отойти от македонских обычаев отца (см. гл. 5). Одна история, рассказанная во многих письменных источниках, дает возможность понять, что думал Александр сразу после смерти отца, еще до отбытия в Азию.

В 336 г. до н. э. Александр созвал на собрание представителей полисов, членов Коринфского союза. Когда переговоры завершились, Александр решил отыскать знаменитого философа-киника Диогена из Синопы. Диоген жил отшельником, нимало не заботясь об Александре, в отличие от других философов и писателей, спешивших оказать царю почести. Когда Александр нашел философа, гревшегося на солнце возле стены, Диоген ничуть не взволновался. Вместо того чтобы вскочить и преклонить перед царем колени, Диоген приложил к глазам руку козырьком и взглянул на Александра. Молодой царь спросил философа, нет ли у него какой-нибудь просьбы.

— Да,— ответил Диоген.— Ты заслонил мне солнце. Будь любезен, отступи в сторону.

После спутники Александра посмеялись над философом.

Александр же им ответил: «Если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном».

Рассказ этот известен, и его можно было бы опустить, однако он показывает широту характера Алек-

сандра. Если бы он не был царем, связанным поставленными самому же себе целями, он мог бы сделаться ошельником, ни в чем не нуждающимся и никому не прислуживающим. Александр, конечно же, находился на другом фланге, у него была власть, но этой власти ему было мало. Насмешки и оскорбления таких людей, как Аттал, возможно, способствовали взрослению Александра. Немаловажную роль в его становлении сыграли присущая ему гордость и влияние матери; впрочем, «прирожденному герою» слова, в отличие от палок и камней, повредить не могли. Действия Филиппа после Херонеи являлись прямой угрозой. Филипп заключил новый политический союз, продвигавший интересы Пармениона и Аттала. Филипп женился на любимой женщине, и она родила ему дочь и сына Карана. Сын этот мог разрушить надежды Александра на престолонаследие. Филипп контролировал Грецию. Он собирался в завоевательный поход в Персию, и Александр был у него теперь не в чести. Его оставили бы в Македонии под домашним арестом или — что более вероятно — назло матери могли удерживать как своеобразного заложника, отвели бы ему ничтожную роль при дворе Филиппа, и он грелся бы в слабых лучах отцовской славы. Друзья Александра были к тому времени сосланы, мать удалена от двора, и благодаря стараниям Филиппа даже маленькое государство Эпир не могло ей ничем помочь. Неудивительно, что после смерти Филиппа Александр и Олимпиада принялись безжалостно сокрушать оппозицию и восста-

навливать баланс сил. Двое сыновей из рода Аэропа, ведущего клана Македонии, заявлявшего свои права на трон, умерли сразу же после гибели Филиппа. Третьего — Линкестида — спасла женитьба на дочери полководца Антипатра, и он сделался потенциальным заложником в лагере Александра. Другой возможный соискатель македонского трона Аминта, живший в уединении, немедленно бежал в Персию. Лично Александр был непричастен к расправе над новой женой Филиппа и ее детьми: с этим справились Олимпиада. В соответствии с одним из письменных свидетельств, она бросила обоих детей в костер, а их матери предложила выбор — яд или виселицу. Бедная женщина предпочла виселицу. Александра в то время при дворе не было. Позднее он ужаснулся, но тем не менее раз он царь, значит, за все в ответе. Олимпиаду не наказали, у нее остался титул царицы-матери, а военачальник Антипатр осуществлял обязанности регента.

• Александр был мастером стратегии, блестящим полководцем, его умение выбрать нужный момент и выявить слабости противника было непревзойденным. Такие способности сыграли свою роль в кризисе 336 года до н. э. Смерть Филиппа подставила его сторонников под удар: ближайшие его союзники — Парменион и Агтал были по ту сторону Геллеспонта, а потому никак не могли повлиять на македонские войска, и они подтвердили права Александра на престолонаследие. Еще один командующий, Антипатр, оставался в Македонии. Должно быть, он за-

видовал Пармениону и Атталу, обогнавшим его по служебной лестнице. В тревожные дни, последовавшие за убийством Филиппа, Антипатр оказал Александру неоценимую помощь.

Антипатр действовал решительно, используя авторитет командующего при представлении войскам Александра как их нового царя, законного наследника Филиппа. Вместе с Александром они обсуждали военные и политические маневры. Став царем, Александр начал действовать против Аттала. Он вступил в тайные переговоры в Азии с Парменионом, а для этого направил туда Гекатея Кардианского с наказом: соединиться с войсками Пармениона и доставить Аттала в Македонию живым или мертвым. Гекатей действовал успешно. Парменион был отдален от Аттала с помощью взятки или обещания продвижения по службе для него и его сыновей. Во время похода на Персию Александру приходилось опираться на Пармениона, однако о прошлом он не забыл. За пять лет после завоевания Персии и Парменион, и трое его сыновей были уничтожены. Но в 336 году до н. э. Александр преследовал другую добычу — Аттала. Тот безуспешно попытался оправдаться перед новым царем, однако на милосердие нечего было надеяться: его казнили.

• Наконец, подробности самого убийства обличают Александра. Есть свидетельства, что Павсаний испытывал враждебные чувства к Атталу, а потому он обратился к Александру за помощью, однако услышал от него лишь загадочную цитату из Еври-

пида: «Убей того, кто совершил величайшее». Более того, в день убийства при Филиппе не было охраны, однако, как явствует из письменных источников, рядом с ним находились два молодых воина — сын его, исполненный обиды на отца, и Александр из Эпира, сводный брат Олимпиады. Источники не сообщают о какой-либо попытке обоих Александров защитить Филиппа или отомстить за его смерть. Те же, кто преследовал и убил Павсания, были друзьями Александра Македонского: Аттал [II], Леоннат и Пердикка. Убийство Филиппа доказывает безжалостность Александра, однако ирония судьбы: люди, окружавшие Филиппа в день его гибели, были теми же, что и тринадцать лет спустя, в день загадочной смерти Александра в Вавилоне.

Александр быстро наладил отношения с македонской знатью, несмотря на кровопролитие и казни соперников. Он заверил двор в том, что продолжит политику Филиппа, с одним лишь исключением: все македонские граждане будут освобождены от прямых налогов. Такой подкуп обеспечил Александру быстрое признание за ним прав на престолонаследие внутри Македонии, хотя ситуация за ее границами была не столь однозначной.

Новость о гибели Филиппа мгновенно распространилась на север и вызвала возбуждение среди варварских племен. Они заблокировали главные дороги и проходы. В греческих Фивах начались волнения, из Кадмеи изгнали македонский гарнизон. В Афи-

нах Демосфен, оплакивавший смерть дочери, первым услышал новость о смерти Филиппа. Он снял траурное платье, надел лучший свой наряд, возложил на голову венок и заявил, что видел сон, согласно которому Афины скоро узнают об очень хорошем событии. Александру стало об этом известно. Приближенные предлагали ему не вмешиваться в дела Греции и не прибегать там к насилию, но, согласно Плутарху, «Александр этот совет отверг, он стремился добиться безопасности и спасти положение дерзостью и неустрашимостью, так как полагал, что, прояви он хоть малейшую уступчивость, и все враги тотчас на него набросятся».

В конце весны и в начале лета 336 года до н. э. Александр совершил молниеносную блестящую операцию. Главный проход Темпе был захвачен фессалийцами. Из этого места открывался путь в Южную Грецию. Если Александр хотел через него пройти, пришлось бы договариваться. К югу от главного прохода находились скалистые горы Осса, и Александр приказал вырубить в камнях ступени со стороны моря. Вот так его войска обошли врага с тыла. Фессалийцы немедленно запросили мира. Александр вслед за отцом сделался архонтом¹ их федерации, он получил тот же статус и ту же власть, что и Филипп, получал с племен доходы, но что для него было более важно — в его распоряжении теперь была пре-

¹ Архонт — высшее должностное лицо в древнегреческих полисах.

восходная конница. Александр смог теперь добраться до Коринфа, где его провозгласили гегемоном Коринфского союза. Фивы покорились Александру немедленно, едва он пригрозил напасть на город, а Афины постарались не показывать своей радости по поводу смерти Филиппа и не сделали попытки восстать против его преемника.

Александр намерен был заполучить одобрение всех влиятельных сил Греции, будь то союзы или храмы. По окончании дел в Коринфе Александр отправился в святилище Аполлона в Фокиде, к знаменитому в Греции Дельфийскому оракулу, чтобы осведомиться у него о будущем предстоящего похода в Персию. Случилось так, что его приезд совпал с одним из несчастливых дней, когда закон запрещает предсказания. И пифия, прорицательница, отказалась прийти в священную пещеру. Александр разозлился, пошел за ней сам, чтобы силой притащить ее в храм, а когда жрица воскликнула: «Ты непобедим, сын мой!», Александр отпустил ее. Он сказал, что не нуждается больше в прорицании, так как уже получил ответ на свой вопрос. Он уехал из Дельф, уверенный, что будущее Греции принадлежит ему.

Весной 335 года Александру пришлось иметь дело с новыми мятежами во Фракии, дикой суровой северной стране. Тамошние племена пользовались своим преимуществом: жили они в труднодоступных горах. Снова Александр проявил свой гений, сделав то, чего от него не ожидали: он сумел подавить дикие племена, в частности трибаллов, и даже организовал

на другом берегу Дуная карательную операцию против гетов¹. Операция была долгой и жестокой. Александр продвинулся столь далеко на север, что в Грецию просочились слухи, будто он убит, а его армия уничтожена. Демосфен, считавший Александра трусом, настроил своих соотечественников и фиванцев на мятеж. Александр вынужден был поспешить назад и увидел, что Греция охвачена восстанием. Его войска преодолели за тринадцать дней расстояние в 300 миль. Афины немедленно сдались. Фивы отказывались верить тому, что Александр все еще жив, и он направил в город гонцов с приказом сдаться. Подстрекаемые недавно вернувшимися беженцами-земляками, фиванцы объявили Александра угнетателем Греции. По словам Диодора, эти слова оскорбили Александра. Он дал волю гневу и поклялся покарать фиванцев и их город. Он занял позицию возле ворот Электры. Фиванцы развернули свои войска, но им было далеко до закаленных в боях воинов Александра: те прижали их к стене. Ворота в город оказались открыты, и македонская армия влилась в город. Около 6000 фиванцев были убиты, в плен взяли по меньшей мере 30 000 солдат.

На следующий день царь созвал собрание Коринфского союза и предоставил его членам решать судьбу захваченного города, ибо в союзе имелось несколько сторонников Фив. Постановили, что город дол-

¹ Геты — фракийский племенной союз, живший в нижнем течении Дуная.

жен быть сравнен с землей, так чтобы там камня на камне не осталось. Тридцать тысяч его жителей должны были быть проданы в рабство. Александр выполнил постановление. Свобода была дарована лишь жрецам и жрицам, пощадили также дом поэта Пиндара и его семью. В ужасе от происшедшего, афиняне просили о милосердии и, как ни странно, его получили. Плутарх рассказывает: «То ли потому, что Александр, подобно льву, уже насытил свой гнев, то ли потому, что он хотел противопоставить жесточайшему и бесчеловечнейшему деянию милосердный поступок, однако царь не только простил афинянам все их провинности, но даже дал им наказ внимательно следить за положением дел в стране». Александр совершил чудовищное преступление — вырвал «око Эллады». Позднее, к концу своей карьеры, он горько сожалел об уничтожении одного из древнейших священных городов Греции. По словам Плутарха, Александр верил, что большинство его ошибок в течение последующих двенадцати лет «были вызваны гневом Диониса, который хотел отомстить за уничтожение своего любимого города».

Александр показал себя безжалостным властителем. Он осушил источник мятежа, и это дало ему возможность обратить взор на восток. Александр вместе с армией пришел в Пеллу и начал серьезно готовиться к походу через Геллеспонт. Аттал был казнен, и Александр остался без ключевого командира экспедиционных войск. И это была одна из многих проблем, которые необходимо было решать, прежде чем

отправляться в поход. Как раз в тот момент Дарий III, новый персидский царь, нанявший профессионального греческого наемника, полководца Мемнона из Родоса, заставил отступить Пармениона. Александр вызвал военачальника к себе и сделал его своим заместителем.

Весной 334 года до н. э. Александр вышел из Пеллы и проследовал в обратную сторону тем же путем, каким шел великий персидский царь Ксеркс, когда захватывал Грецию. Александр взял с собой армию, насчитывавшую примерно 50 000 человек. Костяк ее составляли 15 000 пехотинцев, разделенных на шесть фаланг. Это были ветераны Филиппа, вооружены они были сариссами — копьями длиной 14—16 футов с наконечниками в форме листа. Сариссу, весившую около 7 кг, приходилось держать обеими руками, и воина защищал крошечный щит, он висел на шее и прикрывал левое плечо. Фаланга выстраивалась в шестнадцать рядов. В бою передние шеренги держали копья низко, выставив их вперед, следующие ряды клали свои сариссы на плечи передних и пробивали брешь в строе противника. Головы воинов защищали беотийские круглые шлемы с козырьками спереди и сзади. Каждой шеренге соответствовали свой цвет и опознавательный знак. Кроме тяжелой пехоты у Александра было примерно 2000 отличных всадников, ездили они без стремян, и шлемы их — беотийские или финикийские — украшали султаны, окрашенные в цвета их подразделения, седельные чепраки были той же окраски. Наемники из Фесса-

лии (конница), фракийские разведчики (легкая конница), пращники из Родоса, лучники из Крита и пехота из северных племен составляли остальную часть войска. Александр взял с собой также музыкантов, ученых и писателей. У него был даже собственный официальный историк Каллисфен — родственник Аристотеля. Армейские писцы состояли под началом Эвмена из Кардии; Диад отвечал за осадные орудия, значительно модернизированные при Филиппе. Многие соратники Александра учились с ним в Миесе, например Аттгал (II), Пердикка и Леоннат. Их часто называли «друзьями», «товарищами» и «телохранителями» царя. Александр им доверял и использовал как охрану либо в администрации: Птолемей, сын Лага, был также из их числа.

Александр совершил трехсотмильный марш-бросок из Пеллы через Геллеспонт, а основная часть его армии под командованием Пармениона перешла из Сеста в Абидос. Александр, до сих пор находившийся под впечатлением от «Илиады», двинулся в Илион, как некогда Агамемнон, отплывший из Европы спасать Троию. Он принес жертвоприношение на могиле Протесилая, потому что во время Троянской войны этот легендарный герой первым из греческого войска ступил на азиатскую землю. Так Александр начал завоевание Азии. У него был свой флот, которым управляли в основном неблагонадежные капитаны, нанятые Коринфским союзом. К счастью, во время перехода через Геллеспонт работы им выпало немного: дело в том, что навигация еще не началась

и персидский флот не собрался. Поднявшись на борт флагмана, Александр принес быка в жертву Посейдону. Когда в тумане показалась береговая линия противника, царь был уже в полном боевом снаряжении. Флагман подошел к берегу, Александр спрыгнул с носа судна и — по словам Диодора — метнул копье, оно вонзилось в песок. «И он получил от богов Азию, словно приз в соревновании лучников». Александр был уверен в том, что причалил свой корабль в той же гавани, что и древние греки, атаковавшие Трою. Он немедленно совершил жертвоприношение и отправился смотреть руины Трои. Александра, словно современного туриста, провели по развалинам древнего города и показали все реликвии. Александр взял то, что хотел, и с близким другом Гестеионом почтил место, где, как предполагалось, находились могилы Ахилла и Патрокла.

После посещения Трои Александр, словно волк, пронесся по Персидской империи. Это была война против Дария III Кодомана, царя царей, правителя Персии, управлявшего империей, состоявшей из медов, вавилонян, ассирийцев. Сейчас на этой территории находятся современные Палестина, Сирия, Израиль, Египет, Турция, Ирак и Иран. Дарий III пытался даже распространить свою власть на дикие племена к северу от Дуная — скифов и гетов. Он дал ощутить свое влияние и далеко на востоке: там, где сейчас находятся западный Пакистан и северо-западные провинции Индии. Персия была империей, где воля царя имела силу закона. Царь царей признавал лишь

Ахурамазду, создателя, бога небесного огня. Священное вечное пламя горело в пышном царском дворце Персеполя, в колонном зале, и вели к нему 111 ступеней.

Греки смотрели на Персидскую империю как на своего естественного врага. Предыдущие нападения на Грецию персидских императоров — Ксеркса, Кира и Дария — считались кощунственной попыткой отнять независимость у свободолюбивых греков. Персы были тиранами, без всякого на то права занявшими греческие поселения и города Малой Азии, такие как Эфес и Милет. Империя Дария III обладала огромными материальными и человеческими ресурсами. Она могла сформировать армию из ста национальностей и призвать в свои ряды лучших наемников со всей Греции.

Автор этой книги не ставит себе целью описание одиннадцати лет опустошительного похода Александра в Персидскую империю. Если обобщить, то успехи молодого царя превзошли все ожидания. Он разбил армию персов при Гранике (334 г. до н. э.), Иссе (333 г. до н. э.) и Гавгамелах (331 г. до н. э.). Он захватил так называемые неприступные города — Милет, Галикарнас (334 г. до н. э.), Тир, Газу (332 г. до н. э.). Он уничтожил персидскую военную машину, забрал сокровища Дария и аннексировал все его провинции, которые раздал потом своим друзьям и союзникам. Он сжег Персеполь, захватил сокровищницу Дария, взял в плен его семью и преследовал несчастного царя царей, умершего в колодках в те-

леге с впряженным в нее ослом и раненного собственными подданными. Последние минуты жизни Дария засвидетельствовал простой македонский солдат, отправленный на поиски воды.

Победа Александра над царем царей была полной, но, отмахиваясь от протестов соратников, Александр продолжал поход на восток, на территорию, относящуюся ныне к Западному Пакистану, шел он и на север, к Инду, чтобы помериться мощью с раджей Пором и его индийскими войсками (326 г. до н. э.). Затем Александру пришлось совершить утомительный обратный марш из Азии — через пустынное плато Гедросия — в Западную Персию (325 г. до н. э.), при этом армия его сократилась из-за голода и лишений, а военачальники выказывали неповиновение. Постепенно они изверились в непобедимости Александра и отказывались от участия в его замыслах — достичь того, чего он пока не достиг.

Александр заплатил за все содеянное огромную цену: македонская армия одиннадцать лет была на марше, в кочевом дворе царя не утихали интриги, заговоры и неожиданные смерти. Междоусобная политическая борьба между различными фракциями не была вызвана поиском всепобеждающей идеи. Так случилось с семьей Пармениона, военачальника Филиппа II: Александр приказал убить его из страха мести за гибель его сына Филоты, казненного им в 320 году до н. э. Против Александра выступали консервативно настроенные придворные, возглавляемые такими людьми, как Черный Клит, историк Кал-

лисфен, а также некоторые его пажи. Александр безжалостно с ними расправился. И даже вернувшийся в 325 году до н. э. в Македонию Антипатр, охранявший дом царя от возможных захватчиков, попал под подозрение. Один из сыновей Антипатра — Иолл был виночерпием царя, другой сын — Кассандр служил у Александра посланником. Но такая близость в глазах Александра не была гарантией лояльности, и люди эти могли быть в любой момент уничтожены. В ближайшем окружении Александра всегда об этом помнили даже такие видные фигуры, как Пердикка, Селевк, Птолемей, Антигон и пр. В Вавилон Александр вошел с новыми планами, однако к концу мая 323 года до н. э. завоеватель мира слег в суровой лихорадке. Он возлежал, завернутый в одеяла, около купальни бывшего царя царей, чью жизнь, богатство и империю когда-то уничтожил. Конец великого завоевателя был близок, но как это все случилось?

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вавилонские предзнаменования

Горе мне... Ужас какой
К дому подходит, в ворота стучится!
Еврипид. «Андромаха»

После великой победы при Гавгамелах в 331 году до н. э. Александр вскоре пошел на Вавилон, однако при этом испытывал большое беспокойство: персидский сатрап Мазей, правитель города, успел себя зарекомендовать, в сражении при Гавгамелах он командовал правым флангом. Александр шел вперед в полном боевом порядке, войско его настраивалось на встречу с противником. Тем не менее его ожидал приятный сюрприз. Римский историк Квинт Курций дает подробное описание города и приема, оказанного Александру.

Когда Александр приближался к Вавилону, Мазей смиренно вышел к нему со взрослыми своими сыновьями и сдал царю на милость и город, и самого себя. Приход его был приятен царю, иначе предстояла бы трудная осада столь укрепленного города. Казалось также, что столь знатный, столь опытный и прославленный муж может своим примером побудить к сдаче и других. Поэтому царь благосклонно принимает его с детьми, но все же приказывает войску войти в город, построившись в боевом порядке, во главе которого шел он сам. Много вавилонян стояло на стенах, надеясь скорее увидеть нового царя, еще больше их вышло навстречу. Среди них был и хранитель крепости и царской казны Багофан; чтобы не отстать в усердии от Мазея, он устилал весь путь цветами и венками, поставил с двух сторон серебряные алтари и возжигал на них не только фимиам, но и всякие другие благовония. За ним следовали подарки: стада мелкого скота, табуны лошадей, в клетках везли львов и барсов. Затем шли маги, певшие гимны по местному обычаю, и халдеи, которым были ведомы тайны движения небесных светил и дни смены времен года. За ними шествовали со своими инструментами музыканты, чьей обязанностью было славить монарха. Последними шли всадники, украсившие себя и своих коней, выставляя напоказ больше роскошь, чем свое величие.

Царь в сопровождении вооруженной свиты приказал толпе горожан идти за последними пехотин-

цами, сам же въехал в город, а потом и в царский дворец на колеснице. На другой день он осматривал имущество Дария и денежные запасы.

В этой столице вождь Македонии задержался дольше, чем где-либо еще, ни одно место не оказалось более губительным для воинской дисциплины. С разворотом в этом городе ничто не могло сравниться, никакая застарелая коррупция не предложила бы больше стимулов и соблазнов для распутства. Мужья и родители, словно бы надеясь на награду, предлагали гостям своих жен и детей. Персидская знать не вылезала из оргий. Вавилоняне пристрастились к вину, а результатом этого пристрастия стало пьянство. Женщины садились за стол в прекрасных нарядах, через какое-то время они начинали освобождаться от одежды и постепенно — если выразиться помягче — скидывали последнюю вуаль. И ведь так поступали не только известные куртизанки, но и почтенные матроны с юными дочерьми, причем проституцию свою они рассматривали как любезность.

Квинт Курций добавляет также, что македонские войска получили столь восторженный прием, что случись в это время вражеское нападение, оно застало бы их врасплох. Тем не менее Александр вернулся сюда в 323 году до н. э. и не был разочарован. Диодор Сицилийский пишет: «Население, как и раньше, радушно приняло солдат, и все предалось отдыху и наслаждениям». И добавляет: «Так как всяких припасов было в изобилии». Последняя строка

весьма красноречива. Вавилон стратегически хорошо расположен: у него крепкие крепостные стены, рядом плодородные поля. Самое главное, в чем нуждался Александр, особенно после ужасного своего отступления из Индии, — это в создании административного центра, который управлял бы обширной империей. Во время индийской кампании к Александру явился брахман Калан. Философа этого звали, собственно, Сфин, но так как он приветствовал всех встречных по-индийски словом «кале», греки прозвали его Калан. Он удивлялся постоянным походам великого завоевателя. Плутарх рассказывает, как Калан наглядно показал Александру, что представляет собой его царство. Бросив на землю высохшую и затвердевшую шкуру, Калан наступил на ее край, и вся она поднялась вверх. Обходя вокруг шкуры, Калан наступал на нее с края в разных местах, и всякий раз повторялось то же самое. Когда же он встал на середину и крепко прижал ее к земле, вся шкура осталась неподвижной. Александр понял его: если он хочет, чтобы его империя не развалилась на куски, то он должен утвердиться в середине своего царства и не слишком от нее удаляться. По словам географа Страбона, «Сузы (еще один имперский город) Александр как свою резиденцию не рассматривал, в таком качестве он видел Вавилон, и он намеревался способствовать его процветанию». И снова в шестнадцатой главе той же работы Страбон добавляет: «Александр безусловно предпочитал Вавилон, так

как видел, что он во всех отношениях превосходит другие города».

Вавилон был домом богов — домом бога Мардука. Этот город ярко описал Геродот. Спустя 350 лет, во времена правления Нерона, о дворцах Вавилона поведал путешественник Филострат. Он живописал красоту и изысканность царских построек в книге «Жизнь Аполлония Тианского»¹. В окружении плодородных земель с роскошными пальмами раскинулся Вавилон между двумя огромными сверкающими змеями — Тигром и Евфратом. Вода из этих великих рек орошала посевы по сложной системе ирригационных каналов. Берега рек скрывали густые камышовые заросли, за ними раскинулись рощи финиковых пальм, благоухали дикие цветы. Над этим царством цветов и деревьев возвышались построенные Навуходоносором крепостные стены. Крепость была разрушена Ксерксом и восстановлена позже другими правителями. Геродот писал, что покрытые цветной эмалью стены, сложенные из жаропрочного кирпича, были такими толстыми, что проходы между ними казались вырубленными в скале туннелями. Перед огромными бронзовыми дверьми вход охраняли каменные быки и драконы. За стенами вздымались дворцы, сверкали на солнце крытые медью

¹ Аполлоний Тианский — древнегреческий маг, странствующий чудотворец, жизнь которого окутана многочисленными легендами.

купола храмов, башни зиккуратов¹. Вавилонские храмы строились на высоких холмах. Вдоль прямых улиц стояли дома в три-четыре этажа. Город был так устроен, что каждая улица располагалась поблизости от крепостной стены, а что еще важнее — проходила недалеко от одной из многочисленных узких бронзовых дверей, через которые можно было пройти за водой. Вавилонские фортификации устанавливали границы города и защищали его от врагов. Стоит ли удивляться, что Александр смотрел на него как на потенциальную столицу? Ему доводилось проводить осаду больших городов, и он оценил мощь стен, на которых четыре колесницы могли проехать одновременно, ничуть не помешав друг другу. Такие фортификации выдержат любую осаду врага. Вавилон к тому же обладал императорским величием. Прекрасные, инкрустированные лазуритом ворота Иштар охраняли львы и драконы, написанные яркими красками. Неподалеку от ворот находился главный зиккурат — храм, на котором стояла статуя Мардука, сделанная из чистого золота. Потом Ксеркс присвоил ее и, переплавив, отправил в собственную сокровищницу. Александр поклялся отреставрировать храм во всем его былом великолепии.

¹ Зиккурат — в древнем Двуречье культовое сооружение, представлявшее собой сырцовую башню из поставленных друг на друга усеченных пирамид; на верху зиккурата располагалось святилище. Рядом с зиккуратом обычно находился храм.

В 323 году до н. э. Александр, должно быть, проследовал по Священной дороге к дворцам, этот путь описан Филостратом в «Жизни Аполлония Тианского». Стены дворцов были украшены золотом, серебром и драгоценной резьбой. У каждого дворца имелся свой райский уголок — нежная зелень на плодородной земле, фруктовые сады и рощи, а в них роскошные беседки, фонтаны, пруды с зеркальной водой. Асфальт на дорожках спрыскивался три раза в день. Чтобы земля была прохладной, слуги выливали на нее воду из мешков, сделанных из овечьих шкур. Это великолепное место стало последним пристанищем Александра Великого, но, несмотря на окружающую его красоту, царь обратил внимание на различные дурные предзнаменования.

Индийская кампания 326 г. до н. э. породила серьезный мятеж. Кончилось дело тем, что царю пришлось отступать через Гедросию, под палящим зноем пустыни, населенной множеством змей. Здесь умерли десятки тысяч человек. Эта неудача положила начало появлению примет, предсказывающих близкую смерть. Александр был маниакально суеверным человеком, а потому страшно забеспокоился. При нем было несметное множество прорицателей и колдунов. Возглавлял это полчище Аристандр, ликийский толкователь. Должность прорицателя он занимал еще при дворе родителей Александра. Религиозные приготовления Александра до его похода через Геллеспонт поражают воображение и демонстрируют его суеверия: он провел девятидневное рели-

гиозное празднество, сделал богатые жертвоприношения богам, пересекая пролив, принес в жертву быка, по прибытии в Азию последовали новые дары. Все это обнаруживает человека в высшей степени суеверного, на него, без сомнения, оказала большое влияние мать.

Ни одна кампания Александра не обходилась без какого-либо знака свыше. В 332 г. до н. э. перед осадой Тира Александру приснился сон: он увидел сатира, который издалика заигрывал с ним, но увертывался и убегал, когда царь пытался его схватить, и дал себя поймать лишь после долгой погони и уговоров. Плутарх рассказывает, что прорицатели истолковали этот сон, разделив слово «сатир» на две части: «Са» [твой] и «Тир».

«Государь,— сказали они,— сон означает, что Тир будет твоим». Город взяли штурмом, он пал и был уничтожен. Убиты были десятки тысяч человек и по меньшей мере две тысячи его защитников распяты на крестах вдоль побережья. «В назидание,— пишет Курций,— другим здешним городам». Тридцать тысяч жителей были проданы в рабство, хотя Александр заявил, что тот, кто укроется в храме, будет спасен. Прежде чем начать осаду Тира, Александр потребовал от его жителей позволить ему принести жертву Гераклу. Они отказались, и потому их город был уничтожен. Чуть позже Александр обратился с той же просьбой к евнуху Батсу, правителю Газы, самого большого города Сирии. Получив отказ, он начал осаду. Во время подготовки к взятию города на голо-

ву Александра упал камень, сброшенный сверху пролетавшей мимо птицы. Царь спросил у Аристандра — главного из легиона его прорицателей, что это могло бы значить, и тот ответил, что город он возьмет, но с большим ущербом для здоровья. Аристандр оказался прав. Квинт Курций рассказывает, как во время осады в Александра попал камень из пращи; полет его был столь стремительным, что он пробил наплечник и нанес царю серьезную травму плеча. Немного погодя, когда его саперы взорвали часть стены, Александра ранило в ногу. Тем не менее он первым ворвался в город. Весь гарнизон был порублен мечами, а гражданское население продано в рабство. (С Батсом повременили: ему готовили особое наказание, и Курций его детально описывает: в ступнях Батса проделали отверстия и продернули сквозь них веревки. Затем его тело привязали к колеснице Александра и тащили по разрушенному городу, пока он не умер.) В сознании великого завоевателя религия и война были нераздельны. Плутарх описывает мрачную сцену, когда Александр и прорицатель Аристандр приносили жертву богу Фобосу, богу страха, перед сражением в Гавгамелах: «Александр же, пока македоняне спали, вместе с предсказателем Аристандром совершал перед своей палаткой какие-то тайные священные обряды и приносил жертвы богу Фобосу».

Тем не менее Александр сам признавал, что был суеверным. Следует отметить: если суеверия или религиозные убеждения шли вразрез с его амбициями, то

побеждали амбиции. Обращение с Батсом показало, что суеверия Александра никак не затрагивали вопроса о ценности человеческой жизни. Не помешали они ему и сжечь Фивы, а ведь этот город был посвящен богу Дионису. В 333 году до н. э. Александр столкнулся с подобной проблемой — с Гордиевым узлом, и было это за год до его завоевания Тира и Газы. В городе Гордион имелась легендарная колесница, посвященная Зевсу. Говорят, когда-то она принадлежала мифическому Мидасу, и ярмо колесницы утолщенной виноградной лозой было привязано к дышлу сложным узлом без видимых концов. Развязать его было невозможно, однако существовало пророчество, согласно которому человек, развязавший узел, будет править Азией. Александр посчитал, что ему брошен вызов. Существует множество версий относительно последовательности его действий, однако, намучившись, он не пожелал связывать себя религиозными условностями. Рассмотрев узел, он понял, что ему его не развязать, а потому он вынул меч. Узел был разрублен, и проблема решена.

Под влиянием амбиций Александр становился другим человеком. Квинт Курций описывает, как в Индии Александру не терпелось взять сопротивлявшийся ему город. «Царь уже готовил штурм, когда прорицатель стал убеждать его не делать этого или хотя бы отложить осаду, ибо его жизни угрожает опасность. Царь, распалившись, ответил:

— Если кто-нибудь так прервет тебя, когда ты погружен в свое искусство и изучаешь внутренности

жертвы, я уверен, это может показаться тебе неприятным и тягостным.

Прорицатель поспешно согласился. Царь продолжил:

— Как ты думаешь, может ли кто-нибудь больше помешать человеку, занятому великими заботами, а не рассмотрением внутренностей, чем суеверный жрец?»

Так Александр лавировал между мистическим суеверием и откровенным цинизмом. То же самое произошло в Вавилоне в 323 году до н. э., когда он советовался с авгурами. Александр не мог решить, какую позицию ему избрать. Он знал, что стоит ему однажды принять во внимание предзнаменования, и все воспримут это как слабость: с этого момента каждый, кто хорошо знает Александра, будет пугать его неминуемой катастрофой. Зато предзнаменования полезны для объяснения свершившихся событий намерениями богов и хитросплетениями судьбы.

Предвестия грядущей смерти Александра появлялись уже во время ужасной индийской кампании. По словам Плутарха, Александра встревожили сообщения о том, что «овца принесла ягненка, у которого на голове был нарост, формой и цветом напоминающий тиару, а по обеим сторонам нароста — по паре яичек. У Александра это знамение вызвало такое отвращение, что он пожелал проконсультиться с халдеями. После продолжительной дискуссии царь сказал друзьям, что беспокоится он не о себе, а о них, что он страшится, как бы божественный случай пос-

ле его смерти не вручил верховную власть человеку незнатному и бессильному». Удивительно, что Александр мог думать о том, что произойдет после его смерти. Можно счесть такое его заявление первым признаком того, что ему было известно о нарастающем недовольстве среди его командиров, поэтому он и озвучил собственное завуалированное предостережение о том, что может случиться, когда его не станет. Впоследствии оказалось, что такое предупреждение не остановило тех, кто готовил покушение на жизнь Александра.

Во время индийской кампании к свите Александра присоединился брахман Калан. Он оставался с македонцами во время их отхода из Индии. В 324 г. до н. э., за год до смерти Александра, Калан заболел в Персии. Ему было семьдесят три года, и он объявил, что кремацию предпочитает постепенному разложению тела. Александр протестовал, но Калан настоял на своем. Птолемею было приказано зажечь погребальный костер. Калан спокойно приблизился к нему, принес жертвоприношение и предложил македонцам порадоваться за него. По словам Страбона, Калан «обнялся со всеми друзьями царя, а с Александром прощаться отказался: сказал, что встретится с ним в Вавилоне, и улегся в костер. Александр забеспокоился, но затем избавился от суеверных страхов, принеся богам щедрое жертвоприношение». Короткое время спустя большой друг Александра Гэфестион умер в Экбатане, причем симптомы его заболевания были такими же, как впоследствии и у

самого царя. Александр страшно горевал и, согласно Диодору, приказал:

Всем соседним городам содействовать по мере сил роскошному устройению похорон, всем обителям Азии загасить до окончания погребения так называемый священный огонь: персы это обычно делают при похоронах царей. Народ счел этот приказ дурным предзнаменованием; решили, что божество предрекает смерть царя.

После смерти Гефестиона Александр приказал забальзамировать тело друга и распорядился, чтобы Пердикка привез его в Вавилон для пышных похорон. Александр поехал следом. До того как он въехал в город, Александр узнал, что Вавилон будет ему опасен. Плутарх пишет: приблизившись к стенам города, царь увидел множество воронов, которые ссорились между собой и клевали друг друга, причем некоторые из них падали замертво на землю у его ног. Арриан сообщает, что халдеи вышли из города и убеждали Александра не въезжать в него. Александр отпустил их со словами: «Лучшие пророки — это те, кто предсказывают правильно». Эта строка из Еврипида показывает, что Александр в то время не воспринимал предсказания слишком серьезно. Диодор Сицилийский, однако, дает более подробный рассказ.

Александр выступил со своим войском и пошел к Вавилону, все время останавливаясь и разбивая ла-

геря, давая войску отдохнуть и медленно продвигаясь вперед. Когда он был в 30 стадиях¹ от Вавилона, то встретил так называемых халдеев. Они пользовались великой славой как знатоки астрологии, и вековые наблюдения научили их предсказывать будущее. Выбрав из своей среды наиболее пожилых и наиболее сведущих, они поручили им, узнав по звездам, что царя ожидает в Вавилоне смерть, предупредить его о грозящей опасности и посоветовать ему никоим образом не входить в город. Он может избежать беды, если восстановит памятник Белу, уничтоженный персами, и, оставив выбранную им дорогу, минует город.

Глава халдейского посольства не отважился поговорить с царем, а встретясь наедине с Неархом, одним из друзей Александра, кое-что рассказал ему и попросил сообщить царю. Александр, выслушав от Неарха о предсказании халдеев, испугался; чем больше думал он о мудрости и славе этих людей, тем больше росло его смятение. Наконец он отослал многих друзей в город, а сам обогнул Вавилон по другой дороге и стал в 200 стадиях от него.

Все были изумлены, и к нему явилось много эллинов, в том числе и философ Анаксарх со своими последователями. Узнав, почему царь не прибыл в Вавилон, они пустили в ход все философские рассуждения и настолько его переубедили, что он пре-

¹ Стадий — мера длины в древней Греции. Различали стадий олимпийский (192 м) и стадий аттический (185 м).

исполнился презрения к любым пророчествам, особенно же к тем, в которые так верили халдеи. Поэтому царь, словно исцеленный от душевной раны, двинулся с войском в Вавилон.

Александр въехал в Вавилон, восхищаясь его великолепием, тем не менее предзнаменований и других неприятных примет меньше не стало. Арриан, ссылаясь на Аристубула, рассказывает следующую интересную историю.

Аполлодор из Амфиополя, один из «друзей» Александра, был назначен стратегом войска, которое Александр оставил Мазею, сатрапу Вавилона. Оказавшись вместе с Александром по возвращении его от индов, он увидел, как жестоко расправляется Александр с сатрапами, поставленными в разных странах, и написал своему брату Пифагору (Пифагор предсказывал будущее по внутренностям жертв), прося погадать, суждено ли ему благополучие. Пифагор ответил ему письмом, в котором спрашивал, кого он так боится, что хочет получить предсказание. Тот написал ему, что больше всего боится самого царя и Гефестиона. Пифагор принес жертву, чтобы погадать сначала относительно Гефестиона. У печени жертвенного животного была усеченная верхушка, и Пифагор, написав что бояться Гефестиона ему нечего, так как вскоре тот ему помехой не будет, запечатал письмо своей печатью и отправил Аполлодору из Вавилона в Экбатаны. Аристубул рас-

сказывает, что Аполлодор получил это письмо за один день до смерти Гефестиона. Пифагор опять принес жертву, гадая об Александре, и на этот раз печень тоже оказалась дефектной. Пифагор написал Аполлодору относительно Александра то же самое. Аполлодор не промолчал: он рассказал Александру о письме, рассчитывая выказать царю свою преданность тем, что уговорит его остерегаться возможной опасности. Александр, по словам Аристобула, поблагодарил Аполлодора, а Пифагора, придя в Вавилон, спросил, какое знамение дало ему повод так написать брату. Тот ответил, что в печени животного не было доли. На вопрос, что это предвещает, он ответил, что великое несчастье. Александр не только не рассердился на Пифагора, но стал оказывать ему больше уважения за то, что тот смело сказал правду. Аристобул говорит, что все это он узнал от самого Пифагора.

Надеясь, что все еще не так плохо, Александр начал тщательную подготовку к новой кампании, однако небеса послали ему и другие предостережения. Диодор Сицилийский описывает один такой знак.

Однажды, когда царь умашался (царская одежда и диадема лежали на троне), какой-то колодник из местных жителей освободился от оков и, не замеченный стражей, беспрепятственно вошел во дворец. Подойдя к трону, он надел царскую одежду, возложил на себя диадему и спокойно уселся на троне.

Царь, увидев это, пораженный таким необычайным явлением, подошел к трону и спокойно, не показывая удивления, спросил сидевшего: кто он и зачем так поступил? Тот ответил, что он решительно ничего не знает. Спросили об этом знаменитых гада-телей; те ответили, что, по их мнению, этого чело-века надо убить, чтобы злое предзнаменование осу-ществилось на нем. Царь же, взяв свою одежду, принес ее в жертву богам, отвращающим беды. Он был очень обеспокоен, вспомнил предсказания хал-деев; бранил философов, убедивших его вступить в Вавилон; восхищался искусством халдеев и мудрос-тью их; вообще поносил всех, кто своей болтовней думает обмануть силу судьбы.

Арриан приводит еще один пример.

Большинство могил ассирийских царей выстро-ено среди озер и болот. Александр во время плава-ния по озерам сам правил триерой; сильным ветром у него с головы снесло шапку с диадемой; шапка упала в воду, а диадему подхватил ветер, и она застряла в тростниках около одной из царских гробниц. Не-кий матрос, поплыв за диадемой, снял ее с тростни-ка, но, чтобы не замочить ее, держал, пlying, не в руках, а надел себе на голову. По словам многих, писавших об Александре, Александр подарил ему талант за усердие и велел отсечь ему голову, так как прорицатели тут же объявили: «Нельзя оставлять на свете голову, на которой была царская диадема».

По словам же Аристобула, талант моряк получил, но был и высечен за то, что надел диадему. Он же говорит, что диадему Александру доставил какой-то финикийский матрос; некоторые же называют Селевка. Это предвещало Александру смерть, а Селевку — великое царство. Во всяком случае, из тех, кто приняли власть после Александра, Селевк был самым крупным человеком, он мыслил как государь и правил после Александра обширнейшей страной.

Неудивительно, что Плутарх рассказывает: «Уныние Александра еще усугубилось, он совсем потерял надежду на божество и доверие к друзьям». Не помог делу и рассказ, который Александр услышал, о том, как в царском дворе осел, возможно, сошедший с ума от жары, вырвался на волю и забил копытами до смерти великолепного льва. Плутарх пишет:

Исполненный тревоги и робости, Александр сделался суеверен, все сколько-нибудь необычное и странное казалось ему чудом, знамением свыше, в царском дворце появилось великое множество людей, приносивших очистительные обряды и предсказывающих будущее.

Задним числом все мы становимся пророками и отлично разгадываем знамения. Тем не менее такого рода приметы можно обратить в психологическое оружие против жертвы. Несмотря на все свое суеверие, Александр одобрил бы остроуту римского поэта

Клавдиана: «Я понимаю значение мудрых египетских знаков и способы, с помощью которых халдеи навязывают богам свою волю». Александр и сам этим не брезговал. По словам Курция, когда Александр хотел переправиться через реку Яксарт¹, Аристандр потихоньку предупредил его, что предсказания складываются не в его пользу. Аристандр совершил тогда ошибку: сделал разговор с царем достоянием гласности. Александр, разумеется, пришел в ярость. Аристандр поспешно вышел из палатки и быстро вернулся. Он сказал, что принес новое жертвоприношение и в этот раз внутренности дают благоприятный прогноз.

По сообщениям множества авторитетных источников, разного рода предзнаменования постоянно наблюдались в последние недели жизни Александра в Вавилоне. Предвестия нравятся хронистам не меньше, чем прорицателям тех времен. Даже сегодня, когда убивают знаменитого политика, такого как Кеннеди, люди смотрят на предшествующие события, чтобы определить, что предвещало эту трагедию. В вавилонских знамениях замечательно то, что очень многие из них связаны с полководцами Александра. У Диодора мы находим, что халдейские пророчества доносил до Александра командующий его флотом и друг юности Неарх. Другой командир, Аполлотор, то и дело совершал жертвоприношения, которые указывали на грядущую трагедию. Рассказ об упавшей в

¹ Яксарт — ныне Сырдарья.

воду царской шапке кавсии связан с Селевком, еще одним другом Александра, который после смерти товарища возглавил империю. Наконец, эпизод с незнакомцем, усевшимся на царский трон, указывает на удивительную расхлябанность охраны Александра и его соратников, таких как Птолемей, которому, в соответствии со многими источниками, была поручена ответственность за безопасность царя и за охрану его шатра. На мой взгляд, все эти предзнаменования специально сообщали усталому царю, потратившему все силы на трудную военную кампанию и страдающему от потери самого близкого друга Гестифиона, в то время когда другой его близкий друг и верный соратник полководец Кратер направлялся в Македонию с 10 000 ветеранов. К лету 323 года до н. э. Александр сильно ослаб, настроение его было подавленным, с ним не было двух самых преданных друзей, которые могли защитить и поддержать его. На самом деле все эти знамения не были предвестником смерти царя, в них отразились слухи и сплетни, которые могут подействовать не хуже мистических предзнаменований.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Смерть бога

Как ложен суд толпы! Когда трофей
Эллинов победных ставит войско
Между врагов лежащих, то не те
Прославлены, которые трудились,
А вождь один хвалу себе берет.
Еврипид. «Андромаха»

Александр заболел неожиданно 29 мая 323 года до н. э. Состояние его быстро ухудшалось, и он скончался 10 июня. Для того чтобы установить настоящую причину и обстоятельства его смерти, требуется сделать тщательный анализ имеющихся источников.

Квинт Курций:

После великолепного приема, который он дал в честь Неарха и его спутников, Александр удалился, чтобы отдохнуть, однако повстречал Мидия. Тот тоже устраивал пир для друзей и настоятельно просил царя почтить их собрание. Александр согласился и присидел с Мидием и его друзьями до утра и весь следующий день. Все это время он осушал чашу за каждого из двадцати гостей. Недомогание, которое он почувствовал после неумеренного питья, усилилось, и на шестой день болезнь его совершенно измучила. Обеспокоенным солдатам разрешили его навестить. Когда они его увидели, слезы невольно потекли по щекам. Пришли они не как подданные к своему царю, а как плакальщики на его могилу. Взглянув на окруживших его постель людей, Александр сказал им: «Когда я уйду, где найдете царя, достойного таких людей?»

С трудом усевшись, он не позволил себе лечь, пока его ни поприветствовали все до одного солдаты. Когда все разошлись, он, словно бы отдав свой последний долг, в изнеможении упал на постель.

Друзьям предложено было подойти поближе, ибо голос его совсем ослабел. Он снял с пальца кольцо и отдал его Пердикке с просьбой перенести его тело к Амону. Когда его спросили, кому он передает империю, он ответил: «Лучшему... Я предвижу, что вы устроите мне достойные погребальные игры». На вопрос Пердикки, когда он хочет, чтобы это сверши-

лось, он ответил: когда наступит благоприятный момент. Это были последние слова царя. Вскоре после этого он скончался.

Диодор Сицилийский:

...Затем его пригласил к себе на пирушку один из друзей, Мидий, фессалиец. Обильно наливая себе неразбавленного вина, Александр под конец выпил большой Гераклов кубок. Вдруг, словно пораженный сильным ударом, он громко вскрикнул и застонал; друзья вынесли его на руках. Прислужники сразу уложили его в постель и неотступно сидели при нем. Боли усиливались; созвали врачей, но никто ничем не мог помочь. Александр испытывал тяжкие страдания. Понимая, что ему уже не жить, он снял свой перстень и отдал его Пердикке. Когда друзья спросили его: «Кому ты оставляешь свое царство?» — он ответил: «Лучшему» — и добавил (это были его последние слова), чтобы первые его друзья устроили в его память большие погребальные игры.

Арриан:

Александр принес богам положенные жертвы, молясь о счастливом ходе событий и исполнении некоторых предсказаний, и сел за стол с приятелями. Пирушка затянулась далеко за полночь. Рассказывают, что Александр принес в жертву сотни животных и раздал войску вино. У некоторых записано,

что он намеревался после попойки уйти спать, но ему повстречался Мидий, самый верный человек из тогдашних его приближенных, который пригласил его к себе на пирушку; пирушка эта, как он уверял, будет ему приятна.

В «Дворцовых дневниках» написано следующее: Александр пировал и пил у Мидия. Выйдя от него, он вымылся, лег спать, опять обедал у Мидия и опять пил далеко за полночь. Уйдя с пирушки, он вымылся, немного поел и тут же заснул, потому что уже заболел лихорадкой. Ему к ложу вынесли алтарь для жертвоприношения, и он совершил его по своему каждодневному обычаю. Возложив жертвы на алтарь, он улегся в мужской комнате и лежал до сумерек. Тут он объявил военачальникам свои распоряжения относительно выступления в поход и отплытия: сухопутные войска должны быть готовы к выступлению через три дня, а флот, на котором будет находиться и он, отплывет на четвертый день.

Затем его на постели отнесли к реке. Он поднялся на судно, переправился через реку в сад, где опять вымылся и лег отдохнуть. На следующий день он вымылся и совершил обычные жертвоприношения. Улегшись в комнате, он беседовал с Мидием. Военачальникам было приказано явиться с рассветом. Распорядившись, он немного поел, его отнесли в комнату, и лихорадка не оставляла его целую ночь. На следующий день он помылся и принес жертву. Неарху и другим военачальникам было велено быть готовыми к отплытию через три дня. На следующий

день он опять вымылся и возложил жертвы. Призвав военачальников, он приказал, чтобы все было готово к отплытию. Вечером он вымылся и сразу почувствовал себя плохо. На следующий день его перенесли в дом рядом с бассейном, и он принес положенные жертвы. Было ему худо, но все же он пригласил главных морских начальников и опять отдал приказ об отплытии. На следующий день его с трудом принесли к жертвеннику. Он принес жертву и еще раз распорядился относительно отплытия. На следующий день, чувствуя себя плохо, он все же совершил положенное жертвоприношение и приказал, чтобы стратеги находились в соседней комнате, а хилиархи¹ и пентаксиархи перед дверьми. Вошедших военачальников он узнал, но сказать им ничего не мог: голоса у него уже не было. Ночью и днем у него была жестокая лихорадка, не прекратившаяся на следующую ночь и следующий день. Так записано в «Дворцовых дневниках». Дальше рассказывается, что солдаты захотели увидеть его: одни, чтобы увидеть еще живого, другие потому, что им сообщили, будто он уже умер, и они вообразили, что телохра-

¹ Хилиарх — буквально «тысяцкий», командир отряда пехотинцев численностью в 1000 человек. Александр «позаимствовал» эту должность как придворную у персов (у последних эта должность означала командира царской гвардии). Первым хилиархом был Гефестион, после смерти Гефестиона должность «унаследовал» Пердикка, затем она перешла к Селевку

нителю скрывают его смерть. Многие, исполнившись печали и любви к царю, требовали, чтобы их выпустили к Александру. Рассказывают, что он лежал уже без голоса, но пожал руку каждому из проходивших мимо него солдат, с трудом приподнимая голову и приветствуя их глазами. В «Дворцовых дневниках» говорится, что Пифон, Аттал, Демофонт и Певкест, а затем Клеомен, Менид и Селевк легли спать в храме Сераписа¹, чтобы узнать у бога, не будет ли полезнее и лучше принести Александра в храм и умолять бога об излечении. Александр же умер, словно смерть и была для него лучшим уделом. Почти то же самое написано у Аристовула и Птолемея. Записали они и следующее: друзья спросили у Александра, кому он оставляет царство? Он ответил: «Наилучшему». Другие рассказывают, что к этому слову он прибавил еще: «Вижу, что будет великое состязание над моей могилой».

¹ Серапис (Сарапис) — бог эллинистического мира. Культ Сераписа был введен основателем династии Птолемеев в Египте Птолемеем I Сотером. В образе и имени Сераписа (первоначально имя произносилось Осарапис) соединились египетские боги Осирис и Апис. Подобно Апису и Осирису, Серапис являлся богом плодородия, был связан с загробным культом, считался богом мертвых, повелителем стихий и явлений природы, владыкой наводнений и богом солнца. Греки отождествляли Сераписа с Посейдоном, Аидом, Аполлоном и даже с Зевсом.

Плутарх:

Однажды после великолепного приема в честь Неарха и его спутников Александр принял ванну, как он делал обычно перед сном, и собирался уже было лечь, но, вняв просьбе Мидия, отправился к нему на пир. Там он пил весь следующий день, а к концу дня его стало лихорадить. Некоторые писатели утверждают, будто Александр осушил кубок Геракла и внезапно ощутил острую боль в спине, как от удара копьем,— все это они считают нужным измыслить, чтобы придать великой драме окончание трагическое и трогательное. Аристокбул же сообщает, что, жестоко страдая от лихорадки, Александр почувствовал сильную жажду и выпил много вина, после чего впал в горячечный бред и на тридцатый день июня умер.

В «Дворцовых дневниках» события, связанные с его болезнью, переданы следующим образом. «На восемнадцатый день июня [месяца десня] он почувствовал в бане сильнейший озноб и заснул там. На следующее утро он помылся, пошел в спальню и провел день, играя с Мидием в кости. Вечером он принял ванну, принес богам жертвы и поел, а ночью его сильно лихорадило. На двадцатый день он принял ванну, совершил обычное жертвоприношение и, лежа в бане, беседовал с Неархом, который рассказывал ему о своем путешествии по океану. Двадцать первый день он провел таким же образом, но жар уси-

лился, а ночью он почувствовал себя очень плохо и весь следующий день его лихорадило. Перенесенный в большую купальню, он беседовал там с военачальниками о назначении достойных людей на освобожденные должности в войсках. На двадцать четвертый день у Александра был сильный приступ лихорадки. Его пришлось отнести к жертвеннику, чтобы он мог совершить жертвоприношение. Высшим начальникам он приказал остаться во дворце, а остальным — провести ночь поблизости. На двадцать пятый день, перенесенный в другую часть дворца, он немного поспал, но лихорадка не унималась. Когда к нему пришли военачальники, он не мог произнести ни слова, то же повторилось и на следующий день. Македонцы заподозрили, что царь уже мертв, пришли к воротам и стали угрожать, требуя, чтобы их пропустили во дворец. Охране ничего не оставалось, как впустить их и проследить, чтобы они приблизились к кровати безоружными. В тот же день, двадцать седьмого числа, Пифон и Селевк были посланы в храм Сераписа, чтобы узнать у бога, не надо ли перенести Александра в его храм. Бог повелел оставить Александра на месте. На двадцать восьмой день к вечеру он скончался». Все это почти слово в слово можно прочесть в «Дневниках».

Юстин:

Вернувшись в Вавилон и позволив себе несколько дней отдыха, Александр возобновил прерванные

вследствие походов пиры. Он весь предался развлечениям, и однажды, когда, прогуляв целый день, присоединил к нему и ночь, он собрался было уходить с пира, но тут его самого и его товарищей пригласил к себе фессалиец Мидий, чтобы продолжить пирушку. Взяв кубок и выпив его до половины, он [Александр] внезапно застонал, точно пронзенный копьем, и был унесен с пира полумертвым. Он так жестоко страдал от боли, что умолял дать ему оружие вместо лекарства, даже легкое прикосновение причиняло ему такую же боль, как рана. Друзья Александра распространили слух, что болезнь его произошла от неумеренного пьянства. Когда на четвертый день Александр почувствовал несомненный конец, он сказал, что «видит в этом рок, тяготеющий над его родом, ибо большинство их умирало в возрасте до 30 лет». Затем он успокоил солдат, волновавшихся и подозревавших, что царь пал жертвой заговора. Александра принесли на самое высокое место в городе; он позволил всем воинам лицезреть себя и давал им, плачущим, для поцелуя свою правую руку. В то время как все вокруг него плакали, он не только не проронил ни одной слезы, но даже не обнаружил никаких признаков скорби, а некоторых, особенно сильно горевавших, утешал, некоторым давал поручения к их родителям — до такой степени дух его был непоколебим не только перед врагом, но и перед самой смертью. Отпустив солдат, он спросил друзей, стоявших вокруг него, найдут ли они царя, подобного ему? Все молчали. Тогда он сказал

им, что этого он и сам не знает, однако только «знает, как много крови прольет Македония в распрях и сколько убийств, сколько крови принесут ему как погребальную жертву». В конце концов он приказал похоронить свое тело в храме Амона. Когда друзья заметили, что он кончается, они спросили, кого он назначает наследником своей державы. Он ответил: «Достойнейшего». Столь велико было благородство его духа, что он, оставляя после себя сына Геракла, брата Арридея и беременную Роксану, но забывая о своих родных, сказал лишь: «Достойнейшего». И в самом деле, кому и наследовать престол великой империи, как не испытанным людям? Своим ответом он как бы подал своим друзьям сигнал к бою, бросил им его, как яблоко раздора. С этой минуты все стали соперниками друг другу, стремились подольститься к толпе, начали искать поддержки у простых солдат. На шестой день, когда Александр уже не мог говорить, он снял со своего пальца перстень и передал его Пердикке. Это и успокоило разгоревшуюся было распрю между друзьями. Слов произнесено не было, однако все видели, что наследник избран по воле умирающего.

Причину смерти Александра можно приписать алкогольному излишеству. Во всяком случае, нельзя не принять во внимание то, что, согласно Юстину, его друзья сообщили армии. О попойках такого рода сообщает другой фрагмент «Дворцовых дневников». В этот раз цитата принадлежит не Арриану, а римс-

кому писателю Элиану. События относятся к июню предыдущего года.

Слухи об Александре нехороши. Рассказывают, пятого июня он пил у Эвмена, затем шестого пробудился от пьянки и в тот день больше не пил: поднялся, обсуждал с военачальниками поход, назначенный на следующий день, хотел выступить на рассвете. Седьмого он был уже в гостях у Пердикки и снова пил, а весь восьмой день спал. Пятнадцатого того же месяца он снова напился, а на следующий день спал, что обычно у него бывало после пьянки. Двадцать четвертого обедал у Багоя [персидский внуч, друг Александра], дом внуха в десяти стадиях от дворца. Затем, двадцать восьмого, отдыхал. Какой из всего этого можно сделать вывод? Либо Александр вредил себе пьянством, либо слова эти писали его недруги. Невольно приходит на ум, что наблюдения эти сделал кто-то из окружения Эвмена.

Говорливый Афиней из Навкратиса цитирует из другого источника — книги Эфиппа из Олинфа, в которой Эфипп подробно описывает фатальный инцидент, произошедший на пирушке Мидия. Он упоминает Протея, известного пьяницу, вот что он сообщает:

Как сообщает Эфипп в своей книге «О погребении Александра и Гефестиона», Протей тоже сильно пил. Несмотря на приверженность к пьянству,

Протей всю свою жизнь обладал завидным здоровьем. На пиру Александр велел подать себе Гераклов кубок, отпил из него вина и, подав Протею, предложил тост за его здоровье. Тот взял чашу и, пропев похвалы царю, выпил под аплодисменты гостей. Некоторое время спустя Протей потребовал такую же чашу, отпил из нее и в свою очередь предложил выпить за здоровье царя. Александр смело взял кубок, но не осилил его: повалился на подушку, и чаша выпала из его рук. В результате он заболел и умер, потому что — по словам Эфиппа — Дионис был на него зол за то, что Александр разрушил Фивы, находящиеся под его покровительством.

Проблема со всеми этими источниками (и это относится ко всей жизни Александра Македонского) в том, что написаны они римскими историками спустя сотни лет, а сведения они позаимствовали из более ранних документов, существовавших только во фрагментах. Арриан, живший во II веке новой эры при римском императоре Адриане, использовал в качестве главного источника историю, записанную Птолемеем, одним из главных военачальников Александра. Впоследствии он стал основателем династии Птолемеев в Египте. Возможно, он написал свой труд в 282 году до н. э., незадолго до смерти. Арриан часто цитирует Птолея, как и Аристубула, сопровождавшего Александра во время его походов. Аристубул тоже написал историю, авторский текст не сохранился, и сочинение его существует лишь в изло-

жении Арриана. Третьим источником Арриана были «Эфемериды», или «Дворцовые дневники». Эти документы вызвали большую полемику. В XIX веке ученые полагали, что «Дворцовые дневники» являются фрагментами какой-то большой работы. Современные историки думают, что «Дневники» рассказывают лишь о последних двух годах жизни Александра. Сейчас все больше склоняются к мнению, что «Дневники» — в том, что касается смерти Александра — были написаны для утверждения официальной точки зрения на события, связанные со смертью Александра.

Диодор Сицилийский жил в I веке до новой эры. Он написал классическую «Историческую библиотеку». Диодор иногда путает даты, и современные ученые спорят, какими же источниками он пользовался. Квинт Курций жил в I столетии, а Юстин в III столетии новой эры. У всех у них был доступ к историческим источникам, хотя эти ученые не обладают таким же статусом, как Плутарх, живший на рубеже I и II столетий новой эры, в одно время с Аррианом, ученым и биографом, который был знаком с историками — современниками Александра, произведения которых не сохранились.

Тем не менее все эти источники дают связную картину последних дней жизни Александра. У Арриана и Плутарха имеются разночтения, но в главном истории их совпадают. Похоже, в армии в то время проходили пирушки. Александр чествовал Неарха Критского, командующего македонским флотом, которо-

го он посылал обследовать северную оконечность Индийского океана. Какое-то время Александр думал, что и командующий, и его флот погибли при возвращении из Индии, и был страшно рад, когда они вернулись целыми и невредимыми. В планах Александра было покорение Аравии и поход в Северную Африку. Когда закончилась официальная часть праздника, Александр собирался уйти к себе. Но Мидий пригласил его продолжить вечер в своем доме. Мидий был фессалийцем, морским командиром, близким другом и собутыльником Александра. Плутарх описывает его как «искусного запевалу хора льстецов вокруг Александра». По словам Эфиппа, вечеринка у Мидия была пьяной оргией. Из другого источника (об этом впоследствии поговорим подробнее) становится известно, что на пирушку приглашено было около двадцати гостей, включая Пердикку, Мелеагра, Пифона, Леоннату, Кассандра, Птолемея, Филиппа (врача Александра) и Неарха. Все они были близкими друзьями, соратниками, военачальниками в свите Александра. По словам Диодора, в этот вечер царь заболел. Диодор дает описание резкого начала этой болезни:

Обильно наливая себе неразбавленного вина, Александр под конец выпил большой Гераклов кубок. Вдруг, словно пораженный сильным ударом, он громко вскрикнул и застонал. Друзья вынесли его на руках. Прислужники сразу уложили его в постель, однако болезнь усиливалась. Созвали врачей,

но никто не смог помочь. Александр испытывал невероятные страдания.

В описаниях того, что произошло потом, много противоречий. В соответствии с Аррианом и Плутархом, царь оправился настолько, что пошел обедать к Мидию, однако лихорадка не унималась. Александр спал в бане, а потом царя переправили через реку в другой дворец, где он принял ванну и отдохнул. В течение нескольких последующих дней деятельность Александра была ограничена купанием, жертвоприношением, принятием легкой пищи и консультациями с военачальниками (Неарх) о предстоящей кампании, особенно об отплытии флота. Только под конец Александр согласился повстречаться со старшими военачальниками. Однако он был в такой лихорадке, что потерял способность говорить и умер с 9 на 10 июня.

О причине непосредственной смерти Александра ведутся бурные споры. Предполагают, что это была лейкемия либо малярия, подхваченная в трясине Евфрата и разыгравшаяся и усилившаяся под воздействием алкоголя. Большинство историков считают, что в смерти Александра, как, впрочем, и во всей его жизни, главную роль сыграл алкоголь. Было ли неразбавленное вино главной причиной смерти великого завоевателя?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Александр. Пьяная свобода?

Что ж? Дать тебе повеситься, безумной?

Еврипид. «Андромаха»

Отец Александра, Филипп, много пил, и Александр пошел в него. Плутарх вслед за Аристобулом утверждает, что Александр не был пьяницей. Он пишет: «Развлечения его продолжались много часов, но длились они больше благодаря беседам, а не питью». В «Моралиях», написанных позднее, Плутарх меняет точку зрения. Александр пил много, и это влияло на его характер: «Когда он пил, то становился иногда агрессивным, насмешливым и высокомерным. После этого он спал до полудня, а иногда и весь следующий день». Курций отмечает, что ситуация ухуд-

шалась, по мере того как Александр становился старше: «Он проводил дни, как и ночи, на продолжительных пиршествах». Вино, по словам Курция, распалось в Александре два больших порока: «гордыню и раздражительность». Даже Арриан, смотревший на Александра как на героя, печально соглашается с тем, что Александр сделался привержен «новому и варварскому способу употребления вина». Юстин такое наблюдение отмечает, заявляя, что Александр был просто, как и его отец, «любителем вина». В роце нимф, в Миезе, Аристотель, должно быть, говорил о классическом симпози¹, так любимом Платоном, с его учеными дискуссиями и достойным поведением. Резкий контраст македонскому *comus* — попойке, вино там не разбавляли, звучали хвастливые речи, провозглашались многочисленные тосты, поминались давно ушедшие друзья, славились герои и добродетели. Это были вечеринки воинов, переполненных бьющей через край энергией, и напивались они часто до бесчувствия. Лъстецам, таким как Мидий, предоставлялся отличный случай блеснуть речами перед падким на лесть Александром.

Несмотря на любовь к спиртному, Александра нельзя уподоблять Калигуле или Нерону, развратным римским императорам, прожигавшим жизнь в беспробудном пьянстве и увязшим в страшных пороках.

¹ Симпосий (симпосион) — званый пир с музыкой и иными развлечениями. Замужние женщины на симпосии не допускались.

Греческие пирушки представляли собой обильную выпивку и обычные беседы. В некоторых случаях приглашали и женщин, например, на пирушке в Персеполе, когда афинская куртизанка Таис уговарила Александра сжечь дворец. Александр и его сподвижники-военачальники, такие как Пердикка, Леоннат и Аттал, были людьми мужественными и закаленными. Им довелось испытать все тяготы и весь ужас древних войн: ночные марш-броски, снег в горах, страшную жару в пустынях, невероятную жажду, дикий голод, опасное соседство ядовитых змей, диких животных, ураганы и переправы через бурные реки. Во многих случаях войны эти вели себя как бандиты, и все же в недостатке мужества и отсутствии выдержки их не упрекнешь.

В обществе, где восхищаются мужеством, лидер должен превосходить всех остальных как на поле боя, так и во время кутежа. Александр доказал свое умение в обеих областях. Его действия в сражении при Гранике в 334 году до н. э., когда он атаковал левый фланг персов, включая высших командиров Дария, и ринулся в рукопашный бой, — настоящий гимн его мужеству и великолепному искусству верховой езды. Плутарх дает описание той славной атаки.

Тем временем полководцы Дария собрали огромную армию и построили ее у переправы через Граник. Александру пришлось сражаться здесь, открывать врата Азии. Многих его командиров пугала глу-

бина реки, обрывистые и крутые берега. Парменион настаивал на том, что в такое позднее время дня переправа слишком рискованна. На это Александр ответил: «Мне будет стыдно перед Геллеспонтом, если, переправившись через пролив, я испугаюсь Граника». Царь бросился в реку с тринадцатью илами всадников. Он вел войско навстречу неприятельским копьям и стрелам на обрывистые скалы, усеянные пехотой и конницей врага, через реку, которая течением сносила коней и накрывала всадников с головой, и казалось, что им руководит не разум, а безрассудство и что он действует как безумец. Как бы то ни было, Александр упорно продолжал переправу и ценой огромного напряжения сил овладел противоположным берегом, мокрым и скользким, так как почва там была глинистая. Тотчас пришлось начать беспорядочное сражение, воины по одному вступали в рукопашный бой с наступающим противником, пока наконец удалось построить войско хоть в какой-то боевой порядок. Враги нападали с криком, направляя конницу против конницы; всадники пускали в ход копыя, а когда копыя сломались, стали биться мечами...

Естественно, хулители Александра старались не обращать внимания на подвиги Александра, подобные приведенному выше, и описывали его как своего нравного восточного деспота. Афиней цитирует острого на язык Эфиппа:

Александр носил ритуальные облачения даже во время развлечений. Надевал иной раз пурпурную тогу, сандалии в виде копыт, рога Амона, словно бы сам он и был богом Амоном. Иногда изображал Артемиду, он часто облачался в ее платье, когда ехал на колеснице. Бывала на нем и персидская одежда, но за плечом висели лук и копье богини. Иногда появлялся в облике Гермеса, чаще же всего, почти каждый день, носил пурпурный плащ и тунику с белой отделкой. К головному убору прикреплял царскую диадему. Когда бывал наедине с друзьями, обувал сандалии Гермеса. Носил часто шкуру льва и дубинку, как Геракл... У Александра вошло в привычку поливать пол изысканными духами и тонкими винами. Перед его приходом жгли мирру и другие благовония, а все присутствующие хранили молчание или из страха произносили благие пожелания.

Для объективности нужно привести описание внешнего вида Александра во время начальной фазы его вступления в Индию. Посланники из города Ниса приехали в лагерь царя и увидели там великого завоевателя, одетого словно простой солдат. Он не успел еще снять боевого облачения и покрыт был пылью с ног до головы. Пораженные послы — ну кто бы не удивился: великий воин и так просто одет — молча простерлись перед ним ниц. Понятно, Александру это польстило, и принял он их очень любезно.

Важно подчеркнуть, что пьянство Александра, в устах такого хулителя, как Эфипп из Олинфа, не исключало его сексуальной развращенности. В юности он отличался сдержанностью, о чем свидетельствует замечание Плутарха: «Александр говорил, что сон и близость с женщиной более всего другого заставляют его ощущать себя смертным, так как утомление и сладострастие проистекают от одной и той же слабости человеческой природы». Личные отношения Александра — будь то любовные или товарищеские — казались ему священными: дружба, длившаяся всю жизнь с Гефестионом, до сих пор является предметом споров и подозрений.

Гефестион был Патроклом Александра-Ахилла. Несомненно, они были очень близки: после сражения при Иссе Александр представил Гефестиона плененной матери Дария как «другого Александра». Был ли Гефестион любовником Александра или другом, доподлинно неизвестно. Тем не менее Гефестион пользовался такими привилегиями, что Олимпиада ревновала к нему Александра и в письмах к сыну обрушивалась на него с нападкамии. Александр показал эти письма Гефестиону и разрешил ему написать в ответ язвительное предупреждение: «Прекрати ссориться с нами, не злись и не угрожай. Если будешь настаивать, мы будем очень недовольны. Ты должна понять, что Александр значит для нас больше, чем кто-либо на свете». Диодор не говорит нам о реакции Олимпиады на это письмо, но можно вообразить, какова была ее ярость. Диодор говорит, что

Александр любил Гефестиона больше других: «Всю свою жизнь Александр предпочитал Гефестиона всем остальным».

Возможно, что у Александра были гомосексуальные отношения с персидским евнухом Багоем, бывшем прежде приближенным Дария. Александра физически тянуло к нему, поэтому евнух мог использовать свое влияние во вред даже невинным людям. К сексуальной ориентации Александра следует относиться со скидкой на время. В Древней Македонии разница между гомосексуальной и гетеросексуальной любовью была не столь явно очерчена, а отношение Александра к сексу было довольно прагматично. Диодор сообщает, что прежде, чем отправиться в Азию, военачальник Парменион настоял на том, чтобы Александр защитил свое престолонаследие, женившись и родив сына. Александр сухо ответил, что у него просто нет времени на женитьбу, оседлую жизнь и ожидание рождения наследника. Будучи воспитанным властной Олимпиадой, Александр, конечно же, выказывал большое уважение женщинам. К женщинам Дария он относился с большим почтением и присвоил титул «матери» и жене Дария, и Аде, царице Карики. Александру очень нравилась интимная близость с женщинами, в том числе и с афинской куртизанкой Таис. Он влюбился в Барсину, вдову своего недруга, греческого полководца Мемнона из Родоса, после того как ее захватили в плен возле Дамаска. Случилось это после его великой победы при Иссе (333 г. до н. э.). Бар-

сина родила Александру сына Геракла, который не имел статуса наследника престола.

В начале весны 327 года до н. э. Александр женился на Роксане («Маленькой звезде»), дочери персидского сатрапа Оксиарта. Незадолго до смерти Александра она забеременела и впоследствии родила мальчика (Александра IV). В 324 году до н. э., когда Александр призывал своих военачальников брать в жены персиянок, он и сам женился на двух: дочерях Дария и Артаксеркса, предшественника Дария. Александр унаследовал гарем Дария, по словам Диодора, числом не менее дней в году, составленный из выдающихся своей красотой женщин, собранных из всех стран Азии. Каждый вечер они проходили перед ложем царя, чтобы он мог выбрать себе одну из них для ночных утех.

Александр довольно умеренно пользовался такой возможностью. Плутарх высказывается о сексуальных пристрастиях Александра:

Однажды Филоксен — он командовал армией, стоявшей на берегу моря, — сообщил Александру в письме, что у него есть Феодор из Тарента, который хочет продать двух мальчиков замечательной красоты, так вот, не хочет ли царь их купить. Александр возмутился и спрашивал у друзей: «Неужто Филоксен так плохо обо мне думает, что смеет делать мне такое гнусное предложение?» Филоксену он написал, обругал и велел прогнать и Феодора, и его товар. Выбрал также и Гагнона: тот также предла-

гал ему знаменитого в Коринфе своей красотой мальчика Кробила. Узнав, что два македонца, служивших под началом Пармениона, — Дамон и Тимофей, обесчестили жен каких-то наемников, служивших у Пармениона, Александр приказал полководцу разобратся в этом деле, и если вина македонцев будет доказана, убить их, как диких зверей, сотворенных на пагубу людям.

Нельзя утверждать также, будто Александр пил каждый день. Вино, конечно же, помешало бы ему проявить способности замечательного полководца и смелого воина. Во время осады Тира Александр решил совершить ночной поход на налетчиков, угрожавших линии его коммуникаций. Он повел за собой в горы небольшой отряд. Александра сопровождал Лисимах, его старый воспитатель, тот самый, что поощрял когда-то сравнения Александра с Ахиллом. Лисимах тогда, играя с юным Александром, называл себя Фениксом — по имени учителя великого героя Гомера. Плутарх рассказывает, как все произошло, используя в качестве источника записки Харета, распорядителя двора Александра.

Наступал вечер, и враги были близко. Царь не решился покинуть уставшего старого учителя. Ободря старика и идя рядом с ним, Александр отстал от своего отряда. Ночь была холодная и темная, а место суровое и опасное. Александр увидел на расстоянии костры, разведенные неприятелем. Надеясь на свою

быстро и умея собственным примером ободрить македонцев и выйти из затруднительного положения, Александр подбежал к ближайшему костру. Двух варваров, сидевших возле огня, Александр убил мечом, а потом, выхватив из костра горящую головню, поспешил с ней к своим. Македонцы тут же развели большой костер. Зрелище это так устало врага, что многие из них обратились в бегство, те же, кто отважились напасть на них, понесли большие потери.

Командиром Александр был хитрым, блестящим и целеустремленным. Его тактика демонстрирует уверенного в своих силах полководца, знающего, чего он должен достичь в сражении против значительно превышающего числом противника, командира, твердо намеренного осуществить план боевых действий. Плутарх дает классическое описание Александра в утро исторической битвы при Гавгамелах в 331 году до н. э.

Александр прилег отдохнуть в своем шатре; говорят, он так крепко проспал остаток ночи, что против обыкновения не проснулся на рассвете. Удивленные этим полководцы сами отдали первый приказ войнам — приступать к завтраку. Время не позволяло медлить, и Парменион, войдя в палатку и встав рядом с ложем Александра, два или три раза его окликнул. Когда Александр проснулся, Парменион спросил, почему он спит сном победителя, хотя впе-

реди у него величайшее сражение. Александр, улынувшись, сказал: «А что, разве ты не считаешь, что мы уже одержали победу, хотя бы потому, что не должны больше бродить по этой огромной и пустынной стране, преследуя уклоняющегося от битвы Дария?» Перед лицом такой опасности Александр проявил себя великим воином, никогда не теряющим мужества и присутствия духа.

Гений Александра как полководца заключался не только в стратегии, спокойствии или умении. Более всего вдохновляло его людей то, что он первым шел в атаку. У него не было ничего общего с командирами, сидевшими позади и наблюдающими за сражением. Александр всегда был посреди схватки. Диодор рассказывает о мужестве Александра, проявленном им в рукопашном бою, едва не стоившем ему жизни.

Македонцы еще дрались у стен. Александр схватил лестницу, прислонил ее к стене крепости и, прикрыв голову щитом, полез наверх и так быстро оказался наверху, что защитники не успели ему помешать. Инды не осмелились вступить с ним в рукопашную и издали метали в него дротики и пускали стрелы. Царь обессилел под этим градом. Тогда македонцы, приставив две лестницы, полезли по ним всем скопом. Обе лестницы подломились, и люди рухнули на землю. Царь, оставшись без всякой помощи, отважился на поступок, невероятный и достойный

упоминания. Считая, что спуститься со стены к своим, ничего не сделав, недостойно его, он один-одинешенек с оружием в руках прыгнул в город. Инды сбежались к нему, он храбро выдержал натиск варваров. Закрытый справа деревом, росшим у самой стены, а слева — самой стеной, он отбивался от индов, представляя себе, как доблестно должен вести себя царь, совершивший такие дела, если он хочет закончить жизнь свою подвигом. Шлем его был пробит во многих местах, немало дыр было и в щите. Наконец стрела попала ему под грудь. Он упал на одно колено, обессиленный болью. Тотчас же подбежал к нему инд, пустивший в него стрелу. Он уже не боялся царя и замахнулся на него. Александр всадил меч ему в бок. Рана оказалась смертельной. Варвар упал, а царь, схватившись за ближайшую ветку и поднявшись, стал вызывать желающих сразиться с ним.

Любой воин, способный на столь мужественный поступок, выпил бы и за свой успех, и за счастливое спасение.

Рассуждая о любви Александра к вину, следует принять во внимание три других фактора. Во-первых, влияние Филиппа и чувство врожденного соперничества с отцом. Филипп был пьяницей и кутилой, он наслаждался присущей Македонии страстью к алкогольным напиткам. В такой атмосфере и вырос Александр. Ему казалось, что совместные кутежи укрепляют дружбу командиров и солдат. Когда Кал-

лисфен, личный историк Александра, хронист и писатель, отказался участвовать в одной из пирушек, оправдываясь тем, что не хочет на следующее утро страдать от похмелья, такое крайне невежливое его высказывание обернулось позднее против него. Во-вторых, очень велико было влияние Олимпиады. Она поклонялась Дионису, богу вина, и это божество также было включено в генеалогическое древо Александра. В Македонии все поклонялись Дионису, и простые солдаты предпочитали его всем остальным богам. Перед своими походами Александр приносил жертвоприношения богу вина, а ужасную трагедию с Клитом Александр объяснял тем, что не в должной мере послужил Дионису. Согласно легенде, бог вина путешествовал в Индию, и памятники этому боже-ству сохранились в городе Ниса. Александру очень хотелось их увидеть, и он ездил туда с военачальниками. К своему удивлению, они обнаружили возле города сад с виноградниками. Они сплели из лоз венки и пропели Дионису гимны, после чего, как добавляет Арриан, некоторые македонцы сделались одержимы Дионисом и впали в вакхическое безумие. Короче, они по-царски опьянели. И наконец, не стоит считать, что все эти пирушки с выпивкой происходили постоянно. Ни солдаты, ни их командиры не смогли бы чередовать трудную военную жизнь с тяжелыми ночными возлияниями. Вечеринки Александра, или симпозиы, были веселыми кутежами, где военачальники позволяли себе расслабиться и как следует выпить.

Выпивка, конечно же, вредила здоровью и безопасности. После ужасов перехода через пустынную Гедросию Александр добрался до восточной провинции Персидской империи, известной как Кармания, где, по словам географа Страбона, произрастает лучший виноград. Здесь, как сообщает Диодор, Александр отдохнул и на следующей неделе повел свои войска, наряженные в праздничные одеяния; в пути они пили и веселились. Курций назвал это время семидневной попойкой. Самые живописные подробности приводит Харет, распорядитель двора Александра, и их воспроизводит Плутарх.

Нигде не было видно ни щитов, ни шлемов, ни копий, одни только чаши, кружки и кубки. Солдаты черпали ими вино из пифосов и кратеров и пили за здоровье друг друга, одни при этом продолжали идти вперед, а другие падали наземь. Повсюду раздавались звуки свирелей и флейт, звенели песни, слышались вакхические восклицания женщин. В течение всего этого беспорядочного перехода царило такое необузданное веселье, как будто сам Вакх присутствовал тут же и участвовал в этом радостном шествии.

Застолья Александра по мере возрастания напряжения одиннадцатилетней военной кампании становились все опаснее. И Александр, и его сподвижники испытывали невероятные трудности, все они связаны были одной цепью, общая безопасность за-

висела от каждого отдельно взятого человека. Естественно, что преобладало знакомое нам настроение — крайняя раздражительность и агрессивность, вызванные одиночеством. Поход в неизвестную страну, суровые климатические условия, долгие периоды скуки, неожиданно и резко прерываемые крайне опасными сражениями, — все это сплеталось в один клубок. Самым серьезным инцидентом стало столкновение между Александром и Черным Клитом, братом царской кормилицы. Клит был личным телохранителем царя. Однажды во время сражения при Гранике он спас Александру жизнь. Он был человеком старой закалки, суровым, не принимавшим увлечения Александра персидскими обычаями, ему не нравилось, что царь упивается собственным величием и успехами, и заявляет во всеулышание, что отец его — Амон. В 328 году до н. э. в Мараканде между ним и Александром произошла стычка. Явилась она почти что повторением ссоры Александра с отцом на свадебном пиру Филиппа, происходившим восемь лет назад. Однако в этот раз столкновение закончилось убийством (см. гл. 5). Арриан заявляет, что убийство Клита свершилось под воздействием гнева и алкоголя, он вспоминает при этом поджог Персеполя, случившийся за два года до этого, в 330-м. Александр и его армия уничтожили тогда персидскую военную машину, они прошли ураганом по провинциям и городам Дария. Затем заняли главную резиденцию царя царей в Персеполе. Во дворце находился огромный парадный зал, сердце Персидской империи. Алек-

сандр и его командиры начали праздновать победу, и снова алкоголь сделал свое черное дело. По свидетельству Диодора, кто-то предложил сжечь царский дворец в знак мести за то зло, что Персия принесла Греции. Курций дает подробное описание того, что случилось после:

Все разгорячились от вина и бросились, хмельные, поджигать город, ранее ими же пощаженный. Первым дворец поджег царь, за ним — гости, слуги, наложницы. Огромный дворец выстроен был из кедра, он быстро загорелся, и пожар быстро распространился. Когда это увидели в лагере, расположенном недалеко от города, воины, думая, что загорелось случайно, побежали, чтобы оказать помощь. Но, подойдя к порогу дворца, заметили, что сам царь еще поддает огня. Тогда они вылили принесенную с собой воду и сами стали бросать в огонь все, что горит.

Соответственно и злосчастную пирушку, устроенную в конце мая 323 года до н. э. Мидием из Лариссы, нужно рассматривать в контексте всех таких попоек. К тому времени подобные вечера обрели мрачную репутацию. Поговаривали, что там «все может случиться». В соответствии с имеющимися в нашем распоряжении источниками, вечером 29 мая состоялись два празднества: одно официальное — на нем отмечали отбытие в экспедицию командующего флотом Неарха, а вторую пирушку устроил в отведенных ему помещениях дворца льстец Мидий. Мидий был из-

вестным собутыльником Александра, а потому царя там ожидали. К тому же Мидий был высокопоставленным морским командиром, а потому ему следовало оказаться в компании своего военачальника Неарха. Остальные двадцать гостей этой частной пирушки перечислены в сочинении «Роман об Александре»: Пердикка, Мелеагр, Пифон, Леоннат, Кассандр, Певкест, Лисимах, врач Филипп, Неарх, Стасанор, Птолемей, Олсиас, Эвмен и Асандр, Протей, Мидий, Селевк, Антиох, Аттал и Иолл. Александр после официального празднества чувствовал себя, скорее всего, неважно. Цитируя Аристобула, Арриан заявляет, что царь был пьян, поэтому в тот день у него была лихорадка. Однако Аристобул всегда защищал Александра от обвинений в пьянстве. Более того, у греков вменялось в правило: если у человека был жар, пить вино ему категорически запрещалось. Александр сам издал такой приказ, когда годом раньше при сходных симптомах заболел Гефестион. Лихорадка у Александра, разумеется, могла начаться и во время самой пирушки. Возможно, причиной ее могла стать вирусная инфекция или — как думают некоторые — приступ малярии, подхваченной во время плавания по болотистому, изобилующему москитами Евфрату. Тем не менее удивительно, что — как указывают источники — никто из гостей не болел, хотя комментаторы подчеркивают, что Александр, возможно, ослабел от многолетних военных кампаний. Великолепный атлет, спрыгнувший одиннадцать лет назад с флагманского корабля на песок бух-

ты Ахайи, страдал теперь от многочисленных и серьезных ран. В 333 году до н. э. его свалила жесточайшая лихорадка, после того как он искупался в горной ледяной реке Кидн. Вылечил его тогда врач Филипп. В 332 году до н. э. в сражениях при Тире и Газе он получил ранения ступни, бедра и плеча, а рана в Мараканде ухудшила его зрение, к тому же он подхватил ангину. Психологические факторы тоже нельзя исключать, так как они оказывают сильное влияние на здоровье: особенно следует принять во внимание внезапную смерть близкого друга Гефестиона и отсутствие на тот момент Кратера, заместителя Александра и военачальника, который отправился в Македонию с 10 000 ветеранов. Оба этих человека могли бы сыграть жизненно важную роль в будущем Александра. Гефестион приветствовал увлечение царя Востоком. Он и сам одевался в персидское платье и выступал от имени Александра в переговорах с представителями покоренных государств. Более консервативный Кратер был весьма популярен в Македонии и разяснял войскам идеи Александра.

Были у Александра и другие тревоги. В последние три года ему приходилось иметь дело по меньшей мере с двумя серьезными мятежами. Увеличивать численность войска становилось все труднее. В Греции не все было гладко, проблемы подступали со всех сторон. По словам Плутарха, тревожные предзнаменования обрушились на царя с самого его прибытия в Вавилон, и это не могло лишней раз не сказаться на его и без того не радужном настроении. Тем не

менее вирусная инфекция Александра, лихорадка или последствия опьянения кажется не слишком повлияли на Александра в тот вечер, когда он принял предложение Мидия и присоединился к веселой пирушке. Афиней, цитируя таинственный источник под именем Никобуле, дает возможность увидеть, в каком состоянии духа пребывал Александр во время роковой вечеринки.

На последней в его жизни пирушке Александр прочел наизусть эпизод из еврипидовой «Андромачи», а затем с большой охотой осушил чашу неразбавленного вина и всех остальных призвал следовать его примеру.

Итак, нам известно, что Александр устроил пир в честь уходящего в поход командующего флотом Нерарха. Царь уже собирался покинуть празднество, когда Мидий упросил его прийти к нему в апартаменты на частную вечеринку. Там уже собрались ближайшие сподвижники Александра. Главного пьяницу Македонии — Протея — тоже пригласили. Александр и сам мог бы оказаться в компании своих друзей, но общее впечатление сложилось такое, что именно Мидий, известный льстец, уговорил Александра прийти к нему в гости и устроил ему тем самым сюрприз, пригласив на пирушку самых близких друзей царя. По свидетельству Арриана, некоторые военачальники должны были отбыть из Вавилона в ближайшие несколько дней. Царь выглядел здоро-

вым и благодушным. Он был вполне трезв, чтобы обдумать приглашение, принять его и присоединиться к пиршеству, даже прочесть несколько строк из трагедии Еврипида. Из этих показаний не видно, чтобы Александр был настолько пьян, что не мог держаться на ногах, во всяком случае, в начале вечеринки. Незаметно также, чтобы у него была лихорадка или инфекция.

То, с чем соглашаются все источники, так это с тем, что Александр неожиданно для всех почувствовал себя плохо в доме Мидия. Диодор Сицилийский, отвергающий всякое подозрение на злой умысел, описывает очень драматичное изменение в поведении царя, когда он, как и Протей, провозгласил тост в честь Геракла и процитировал Еврипида. Диодор пишет: «Вдруг, словно пораженный сильным ударом, он громко вскрикнул и застонал; друзья вынесли его на руках». Диодор ни разу не упоминает слова «лихорадка». Согласно его рассказу, Александр страдает от страшной боли и потому не может идти прямо, но вынужден опираться на руки друзей. Выглядит это так, словно он съел или выпил то, что ему серьезно повредило. Диодор — отличный источник. Заканчивает он историю о жизни Александра ужасным стоном царя, но затем добавляет красноречивые строки: «Боли усиливались; созвали врачей, но никто ничем не мог помочь. Александр испытывал тяжкие страдания». Юстин также сообщает точные симптомы болезни, которых при обыкновенной лихорадке быть не может. «[Он] так жестоко страдал от боли,

что умолял дать ему оружие вместо лекарства, даже легкое прикосновение причиняло ему такую же боль, как рана» (см. гл. 3). Перед нами человек, прошедший из Европы в Азию, закаленный воин, относительно молодой, привычный к выпивке. Он в состоянии идти, хотя страдает от шока, слабости, ужасной боли и «больших неудобств».

Врачи чувствуют себя беспомощными, отмечая перечисленные Диодором симптомы больного: шок, боль, слабость, «большие неудобства».

Упоминания о лихорадке отсутствуют. Плутарх также обратил внимание на ужасный вопль Александра, упомянутый многими, однако выступил с опровержением.

Вняв просьбе Мидия, он отправился к нему на пир. Там он пил всю ночь и весь следующий день, а к концу дня его стало лихорадить. Случилось это, однако, не тогда, когда он осушил кубок Геракла, и никакой острой боли, как от удара копьем, он не почувствовал.

Желание Плутарха не доверять вышеизложенным историям резко отличается от более объективного отчета Диодора, тем более что сам Диодор ни в коем случае не старается драматизировать ситуацию, однако и он отрицает злой умысел.

Относительно причины смерти Александра выдвигалось множество теорий. Недавно вышла статья и одновременно — телевизионная программа. Обе

они не признают теорию заговора. Болезнь и смерть они объясняют тем, что Александр перебрал настойки чемерицы. Такое объяснение я не принимаю. Согласно Плутарху, Александр знал об опасных свойствах этого растения и даже написал придворному врачу, который лечил им Кратера, чтобы тот был с этим лекарством поосторожнее.

Описанные Диодором симптомы — шок, внезапная боль, слабость и «большие неудобства» (очевидно, имелись в виду рвота и диарея) — все это очевидные симптомы отравления, а если точнее, отравления мышьяком. Впоследствии появляются потливость, ужасная жажда, проблемы с кожей (не потому ли Александр постоянно принимает ванны?). Я еще расскажу о возможности отравления мышьяком, как и об употребленной дозе, в главе седьмой, но настоящее доказательство того, что не обошлось без мышьяка, заключается в состоянии мертвого тела Александра. Он умер в ужасное время года, в самую страшную жару в Вавилоне. В такой обстановке любой труп должен очень быстро разложиться. Плутарх же, стчаянно отрицая возможность убийства своего героя, делает заявление, доказывающее обратное:

Большинство людей, однако, считает, что вообще все это выдумка и никакого отравления не было. Убедительным доводом в пользу этого мнения может служить то, что на теле Александра, в течение нескольких дней, пока военачальники ссорились между собой, пролежавшем без всякого присмотра

в жарком и душном месте, не появилось никаких признаков, которые свидетельствовали бы об отравлении. Все это время труп оставался чистым и свежим.

Курций сообщает то же самое:

Шел уже седьмой день, как тело царя лежало на катафалке, и мысли всех были отвлечены от ритуальных забот разрешением вопросов об устройстве государства. Нигде больше нет такого жаркого климата, как в Месопотамии. Многих животных, застигнутых на голой почве, солнце там убивает. Такова сила накаленного воздуха, что все сжигается как бы огнем. Источники воды там редки, и жители их скрывают, сами ими пользуются, а иноземцам не показывают. Когда «друзья» смогли наконец отдаться заботам о бездыханном теле и вошли в зал, не заметили на теле никаких признаков тления, ни даже бледности смерти. С лица его не сошла и та живость, которая поддерживается дыханием. Так что не решились тронуть тело руками, думая, что оно дышит. Затем, помолившись, очистили тело, наполнили благовониями, положили на золотое ложе, украсив голову знаками его сана.

Мышьяк и убийство — неразлучные спутники. В самых ранних источниках, рассказывавших о смерти Александра Македонского, утверждалось, что

царя убили, а потому эти документы следует проанализировать. Вот они.

- **Квинт Курций:**

Многие думают, что царя умертвили ядом, который будто бы дал ему по приказанию отца сын Антипатра, Иолл, виночерпий царя. Действительно, от Александра часто слышали, что Антипатр претендует на трон, и он, гордясь своей победой над спартамцами, считает себя выше обычного военачальника и все заслуги приписывает себе. Думали также, что Кратера послали для убийства с отрядом ветеранов. Сила яда, добытого в Македонии, настолько велика, что он разрывает лошадиную подкову, а вот копыто животного его выдерживает. Источник, из которого добывают этот яд, называется Стиксом. Его привез Кассандр и передал брату Иоллу, и тот влил его в кубок царя. Как бы этому слуху ни верили, но могущество тех, кого он задевал, заставило его забыть. Ведь Антипатр захватил царство Македонское, а также и Грецию. Власть его переняли его потомки, так как истребили всех, кто оставался в каком-либо родстве с Александром.

- **Диодор Сицилийский:**

Так как некоторые писатели не соглашаются с причиной его смерти и утверждают, что скончался

он от яда, то слова эти мы не можем обойти молчанием. Говорят, Антипатр, которого Александр оставил в Европе в качестве военачальника, рассорился с матерью царя. Сначала это его не беспокоило, так как Александр не обращал внимания на клеветнические заявления в его адрес. Вражда, однако, все росла. Любящий царственный сын во всем угождал матери, а Антипатр часто выказывал свою неприязнь к царю. Вдобавок гибель Филоты и Парменниона заставила содрогнуться «друзей», и Антипатр приказал своему сыну-виночерпию дать царю яд. После смерти Александра он стал полноценным хозяином Греции. После него царскую власть получил его сын Кассандр, и многие историки не посмели писать об отравлении.

- Арриан:

Я знаю, что о кончине Александра написано еще много другого. Рассказывают, что Антипатр прислал Александру яд, будто он от этого яда и умер. Яд же для Антипатра изготовил Аристотель: он стал бояться Александра, узнав о судьбе Каллисфена, а привез этот яд Кассандр, брат Антипатра. Некоторые пишут даже, будто привез он его в копыте мула. Дал же этот яд Иолл, младший брат Кассандра. Иолл был царским виночерпием, и Александр незадолго до своей кончины чем-то его обидел. Другие добавляют, что участвовал в этом и Мидий, друг Иолла, пригласивший Александра к себе на пирушку. Александр, вы-

пив вина, почувствовал острую боль и вследствие этой боли ушел с пира. Кто-то не постыдился написать, что Александр, почувствовал близкий конец, ушел с намерением броситься в Евфрат. Исчезнув таким образом из среды людей, он отошел бы к богам. Жена его, Роксана, заметила, что он уходит с пира, и удержала его. Александр же со стоном сказал, что она отняла от него непреходящую славу: стать богом. Я записал это скорее для того, чтобы показать, что я осведомлен в этих толках, а не из доверия к ним.

• Плутарх:

Ни у кого тогда не возникло подозрения, что Александра отравили, но, как рассказывают, спустя пять лет Олимпиада поверила доносу и многих казнила. Останки Иолла, который к тому времени умер, она приказала выбросить из могилы за то, что он будто бы подал Александру яд. Те, кто утверждает, что яд был послан Антипатром и что Антипатр сделал это по совету Аристотеля, ссылаются на рассказ некоего Гагнотемида. Тот сообщает, будто слышал обо всем от царя Антигона. Добавляют, что ядом послужила ледяная вода, которая по каплям стекает с какой-то скалы близ Нонакриды. Ее собирают и сливают в ослиное копыто. Ни в чем другом хранить эту жидкость нельзя, так как, будучи очень холодной и едкой, она разрушает любой сосуд. Большинство людей, однако, считает, что вообще все это выдумка и никакого

отравления не было. Убедительным доводом в пользу этого мнения может служить то, что на теле Александра в течение нескольких дней, пока военачальники ссорились между собой, пролежавшем без всякого присмотра в жарком и душном месте, не появилось никаких признаков, которые свидетельствовали бы об отравлении. Все это время труп оставался чистым и свежим.

- Псевдо-Каллисфен

Другим источником является знаменитая книга, озаглавленная «Роман об Александре Великом», написанная Псевдо-Каллисфеном. Вероятно, это самое популярное произведение, рассказ о жизни Александра. Существует много его версий на разных языках. В книге жизнь Александра переплетается с самыми фантастическими рассказами о его происхождении и жизни. Я изучил армянскую и эфиопскую версии. В этих вариантах много сходства, но есть и несколько заметных различий. Поначалу историки рассматривали книгу как обыкновенное художественное произведение на тему о жизни Александра. А вот по поводу обстоятельств смерти Александра — в отличие от всего того, о чем рассказывается в романе, — к консенсусу не пришли. Главный источник, возможно, был опубликован и находился в обращении в короткий период между смертью Александра с 323 до 321 года до н. э. Тогда между преемниками царя вспыхнула вражда. Робин Лейн Фокс сделал блестя-

щий и ясный анализ представленной в романе версии смерти Александра. Эту часть книги он назвал «Памфлетом». Фокс согласен с теорией относительно того, что «Памфлет», сообщая подробности смерти Александра, преднамеренно хотел донести до читателей мысль о том, что великий завоеватель был отравлен. Робин Лейн Фокс заявляет, что к «Памфлету» следует относиться так, как если бы секретный «официальный» меморандум о смерти Сталина был обнаружен в сборнике русских сказок.

«Памфлет», похоже, появился в двухлетний промежуток, между днем смерти Александра и объявлением войны соперникам, сделанным полководцем Пердиккой. Главными соперниками Пердикки был Антипатр, остававшийся правителем Македонии, и сын Антипатра — Кассандр. В «Романе об Александре» много написано о Пердикке. В этой книге он представлен в самом благоприятном свете. Автор считает его доверенным лицом Александра, исполнителем его воли, возможным преемником, человеком, попечению которого Александр доверил возлюбленную свою Роксану. В армянской версии о Пердикке говорят как об одном из военачальников, присутствовавших на пирушке Мидия, однако понятия не имевшем о заговоре против Александра. Другие тоже были невиновны — Птолемей, Олсиас, Лисимах, Эвмен и Асандр. Армянская книга является одной из ранних версий романа, и разные преемники Александра использовали книгу для собственной выгоды. Например, в эфиопской версии Пердикка

является одним из убийц, а Птолемей невиновен. Как бы то ни было, главная идея «Памфлета» остается неизменной: было отравление. Необходимо обобщить имеющиеся у нас сведения.

Александр приехал в Вавилон, и халдеи предупредили царя, что ему грозит большая опасность. Женщина родила ребенка-урода. Она принесла его халдеям, а те показали его Александру и сказали, что это — дурной для него знак. Царь должен умереть, а после его смерти военачальники перессорятся друг с другом и начнется кровавая бойня. Писатель продолжает описывать вражду в Македонии между регентом Антипатром и матерью Александра — Олимпиадой. Царица-мать заявила, что Антипатр творит произвол и распространяет о ней ужасные клеветнические слухи. После разговора с халдеями Александр решил отправиться в Эпир, где жила его мать. В то же время царь послал полководца Кратера в Македонию, чтобы тот привез к нему Антипатра.

Антипатру стал известен план Александра, и он замыслил руками собственных сыновей убить завоевателя. Антипатр считал, что успехи вскружили Александру голову и что он теперь представляет для него опасность. Далее в «Романе об Александре» описывается, как Антипатр покупает белую чемерицу, смертельный яд столь сильного действия, что его надо было вскипятить и хранить в копыте мула. Затем яд поместили в железную коробку и отдали Кассандру, сыну Антипатра, чтобы тот отвез его в Вавилон. Брат Кассандра, Иолл, служил у царя виночер-

прием. Кассандр приезжает в Вавилон. Вскоре после этого Александр избивает Иолла. У него — как утверждает «Роман об Александре» — были на то причины. Мидий расстроен, ибо Иолл — его любовник.

Настало время роковой пирушки. Часть гостей не подозревает о заговоре, однако остальным все известно. Иолл подает Александру чашу. «Неожиданно Александр вскрикивает, словно бы пораженный в печень копьем». На короткое время Александр справляется с болью и приказывает продолжить пиршество. Затем он пытается вызвать у себя рвоту, и Иолл подает ему перо, также смоченное в яде. Теперь Александру делается совсем плохо. Кассандр и Иолл уходят. Автор «Романа об Александре» продолжает повествование и возвращается к последним мгновениям жизни царя. Следует рассказ о том, как Александр чуть ли не ползком добирается до реки, чтобы утопиться, но ему мешает Роксана. Александр беседует со своими близкими друзьями, среди которых находятся Пердикка и Птолемей. Они выведены у автора в лучшем свете. Александр составляет завещание. Он делит империю, распоряжается о том, чтобы тело его было погребено в Египте, и дает по кольцу Роксане и Пердикке, после чего умирает. «Памфлет» описывает смерть Александра почти в тех же выражениях, что и повествования Арриана и других авторов, так что, возможно, историки воспользовались этим источником.

Существуют, однако, две противоречащие друг другу традиции: по официальной версии, Александр

Македонский умер от лихорадки, усиленной избыточным количеством алкоголя. Согласно другой, более драматичной версии, царь был убит Антипатром. Он добыл яд, и его сыновья сумели добавить его в вино царя. Полагают, что Кассандра и Иолла тайно поддерживали некоторые влиятельные военачальники.

Плутарх, Диодор Сицилийский и Арриан, как и наши современные историки, полагают, что рассказы об убийстве царя являются сказками, ни на чем не основанными теориями.

Тем не менее следует изучить имеющиеся источники более досконально. Диодор Сицилийский — а писал он примерно в 40-м году до н. э. — обладает ключом к решению загадки источников. Очень много споров ведется о том, какими источниками пользовался Диодор. Вероятный ответ, что документов таких было много и они были доступны. Диодор подробно описал, что случилось с Александром, как он, выпив вина у Мидия, ощутил шок, кинжальную боль, слабость, нарастание боли и совсем обессилел. Сообщи он, и как это озадачило врачей царя. Верно, Диодор не заявляет того, что Александр был отравлен, однако не утверждает и обратного. Суждения Диодора нейтральны. Он говорит, что слышал, как «некоторые историки» упоминали об отравлении. Позже он же добавляет удивительную фразу, что «после смерти Александра многие историки поверили в то, что он был отравлен, но не осмелились говорить о яде из страха перед преследованием». Диодор,

следовательно, допускает, что многие источники, которыми он пользовался, не решались донести рассказ об отравлении из страха перед Кассандром и Антипатром. Он назвал тех самых людей, которые подозревались в заговоре.

Квинт Курций, рассказывая ту же историю, заявляет, что слухи об отравлении Александра «были скоро задушены властью тех, кого эти слухи обвиняли». Арриан просто пересказывает эти слухи, чтобы доказать, что он о них слышал: «Я записал это скорее для того, чтобы показать, что я осведомлен в этих толках, а не из доверия к ним». Плутарх более эмоционален: «Ни у кого тогда не возникло подозрения, что Александра отравили. Все это выдумки, и никакого отравления не было».

Тем не менее текст Диодора соответствует истине. Сохранился фрагмент, и в нем сообщается, что Онескрит, морской командир, служивший под началом Мидия, знал о заговоре, но из страха не осмелился о нем сообщить. А вот и сам фрагмент:

Следует теперь сказать, кого [участников пирушки у Мидия, на которой отравили Александра] Онескрит намеренно не упомянул, потому что боялся с их стороны расправы. Это были Пердикка, Мидий, Леоннат и т. д.

Афины, давнишний враг Македонии, радостно откликнулись на известие о кончине Александра. «Что?! — воскликнул один из жителей. — Александр

мертв! Да не может быть! От его трупа засмердит весь мир». Другой афинянин, Гиперид, внес предложение наградить Иолла, предполагаемого убийцу Александра. В 321 году до н. э. Антипатр одержал победу над афинской армией и захватил город. Он разыскал Гиперида и подверг его пыткам: вырезал язык, а потом убил. Он даже отказался возвратить тело для захоронения в Афинах. Случай с Гиперидом доказывает, что в 321 году до н. э. история об отравлении Александра Антипатром являлась в Греции всеобщим достоянием, однако повторять ее было чрезвычайно опасно, в чем Гиперид и удостоверился. Неудивительно, что другие авторы подошли к этому вопросу с разумной осторожностью. Олимпиада, конечно же, считала, что сына отравили. Вступив в борьбу с семейством Антипатра, она сумела захватить Никанора, брата Кассандра, и казнила его. Придя к власти, Олимпиада осквернила могилу Иолла, а останки его разбросала по сторонам. Зная о лютой ненависти Олимпиады к Антипатру, вряд ли можно удивляться тому, что она с готовностью восприняла теорию отравления.

С Аррианом и Плутархом дело обстоит серьезнее: к теории отравления они также относились с недоверием. Оба автора были римскими подданными, работали во втором столетии новой эры, во времена милосердного и образованного императора Адриана. Арриан раскрывает характер Великого завоевателя, рассказывает о его жизни и достижениях, и книга эта исполнена восторга перед героем. Александр — великий полководец, правитель, исторический колосс,

знающий, как добиться мира в огромном государстве, — вот идеал, к которому стремилась Римская империя. Арриану известна была судьба римских императоров-тиранов — Нерона, Калигулы и Домициана: их всех убили. Тиранию в античном мире рассматривали как законную политическую власть. Арриан и, в меньшей степени, Плутарх не могли принять того, что Александра убили. Такой акт вызвал бы вопрос: что же такого сделал Александр, чтобы возбудить к себе ненависть, закончившуюся убийством? Конечно, и Арриан, и Плутарх могли обратиться к историческим источникам, но что это за документы? Некоторые из них сохранились только во фрагментах, и у всех у них общая черта: авторами этих произведений являются современники Гиперида и Онесикрита и они были среди «многих историков», упомянутых Диодором Сицилийским, не осмелившихся написать о яде. Александр и его последователи очень интересовались тем, что о них писали, потому что знали, что войдут в историю. По крайней мере, восемь человек из ближайшего окружения Александра написали рассказы и мемуары. Александр сам нанял себе Каллисфена в качестве официального историка.

Лукиан сообщает, будто Александр сказал однажды, что ему хотелось бы вернуться после смерти на землю и узнать, что думают люди обо всех описанных его деяниях, а Лисимах, один из преемников Александра, потребовал, чтобы Онесикрит читал ему свои мемуары вслух, и он обсуждал с ним эпи-

зод, произошедший во время царствования Александра. В таких обстоятельствах написание исторических книг могло стать весьма опасным занятием. Об этом можно прочитать и у Плутарха, написавшего об Аристобуле. Аристобул служил при дворе Александра: был у него то ли инженером, то ли архитектором. В соответствии с одним источником, Аристобул дожил до девяноста лет, а писать мемуары начал, когда ему исполнилось восемьдесят четыре года. На первый взгляд такому человеку надо бы доверять, однако есть сведения, что Аристобул вернулся в Европу в 321 году до н. э. и был в услужении у Антипатра, а позднее — у его сына Кассандра. Аристобул был правительственным чиновником, непосредственным свидетелем дикой кровавой бойни, которую устроили преемники после смерти Александра. Он должен был знать о судьбе Гиперида, и когда поступил на службу к Антипатру, вряд ли стал бы открывать историю с отравлением. Неудивительно, что Аристобул поддерживает версию своего повелителя: Александр умер не от алкогольного отравления и уж тем более не от яда. Он просто заразился, заболел, и болезнь оказалась смертельной. У Аристобула можно заметить доказательство строгой цензуры в отношении всего, что было написано об Александре и его доверенных людях. Лисимах был не единственным человеком, который допытывался у автора, что именно тот написал, после чего он сравнивал текст с собственными мемуарами. Александр, впрочем, поступал так же. Римский писатель Лукиан приводит ин-

тересный рассказ о том, как Александр заставил Ари-
стобула прочесть то, что тот написал об индийской
кампании, в особенности о сражении между Алек-
сандром и раджой Пором.

Аристокбул, как и было оговорено с ним заранее,
написал воспоминания о войне Александра с Пором.
По просьбе царя он прочел ему отрывок из своего
произведения и думал, что царь порадуетя: ведь он
расписал его подвиги самыми яркими красками, од-
нако Александр взял книгу (в это время они как раз
плыли по Гидаспу) и с силой швырнул ее в воду. «Хо-
рошо бы и тебе последовать за ней, Аристокбул. Ты
выигрываешь сражения за меня да и слонов убива-
ешь одной стрелой».

Сейчас бы этому рассказу не поверили, тем не ме-
нее он согласуется с отношением Александра к льсте-
цам, в особенности когда те в своем усердии хватили
через край. Если этот эпизод и в самом деле имел ме-
сто, а никакой причины не верить Лукиану у нас нет,
то рассказ этот доказывает: Аристокбул писал исто-
рические заметки уже в 325 году до н. э., но — как
подчеркивает Пирсон — опубликовал свои материа-
лы много лет спустя после смерти Александра. Ка-
кова же причина двадцатипятилетнего перерыва?
Скорее всего, Аристокбул, как и другие авторы, про-
являл большую осторожность в отношении всего, что
касалось великого завоевателя и его ближайшего ок-
ружения. Аристокбул был человеком благоразумным

и писателем осторожным, и это позволило ему дожить до глубокой старости. Это же можно сказать и обо всех других писателях того времени. Все вышеизложенное подтверждает высказывания Диодора Сицилийского и Квинта Курция о том, что сразу после смерти Александра была введена жестокая цензура, не позволявшая говорить об отравлении царя, а уж тем более связывать это отравление с Антипатром и его сыновьями.

Тем не менее современные историки охотно приняли официальную версию и невнимательно читались в работы Арриана и Плутарха. Арриан отвергает историю с отравлением, хотя и допускает маленькую оплошность, когда описывает посещение военачальниками Александра храма Сераписа. Они спрашивают: «Не будет ли полезнее и лучше принести Александра в храм и умолять бога об излечении?» Оракул отвечает, что будет «лучше», если он останется там, где он есть. Вскоре после этого Арриан заявляет, что Александр умер, словно смерть и была для него «лучшим уделом». Что Арриан хочет этим сказать? То, что великому его герою лучше было умереть? Вероятно, Арриан также читал источники, использованные Диодором Сицилийским и Юстином, и знал, что Александр испытывал невероятные мучения, а потому смерть для него была избавлением. Что же вызвало такие симптомы, отчего болезнь развивалась столь быстро, отчего врачи ничем не смогли помочь? Как я покажу далее, версия об отравлении мышьяком вполне объясняет

все эти вопросы, ибо в этом случае человек испытывает такие страдания.

Арриан вскользь упоминает об этом и переходит к дальнейшему повествованию. Плутарх высказывается еще более неопределенно. Он просто рассказывает о состоянии трупа оставленного в жаркой атмосфере вавилонского лета. В наши дни такое обстоятельство вызвало бы немедленные подозрения. Плутарх либо лжет, либо притворяется неосведомленным, когда категорически заявляет: «Ни у кого тогда не возникло подозрения, что Александра отравили». Это абсолютная неправда, ибо был инцидент с Гиперидом, заявление Онесикрита, не говоря уже о многих авторах, цитированных Диодором Сицилийским, был и «Памфлет» в «Романе об Александре». Плутарх фактически противоречит сам себе, когда говорит, что история об отравлении всплыла первоначально у Антигона Одноглазого. Он был в то время в Вавилоне. Антигон был одним из ведущих полководцев Александра, сыном Филиппа и одним из претендентов на престолонаследие, заклятым врагом Антипатра, но в то же время очевидцем произошедших событий.

Тем не менее историки в качестве главного козыря выдвигают источник, которым пользовались и Арриан, и Плутарх, а именно — «Эфемериды», так называемые «Дворцовые дневники». Я не хочу воспроизводить споры, которые не утихают относительно этих документов. К «Дворцовым дневникам» относились почти как к Библии, к истине в последней ин-

станции, как к официальному документу, описывавшему последние дни Александра. В наши дни, в атмосфере, склонной к более глубокому анализу, на эти документы смотрят незашоренным взглядом. Авторитет «Дворцовых дневников» пошатнулся. Кроме части, процитированной Элианом, единственные авторы, кто цитировал «Дневники», — это Плутарх и Арриан. Критики также заявили, что как официальные документы «Дворцовые дневники» дают очень мало информации относительно последних двух недель жизни Александра. Всего лишь скудные записи о выпитом вине, купании и жертвоприношениях. Сообщается, что он оставался во дворце, встречался с Неархом и Мидием, а также беседовал с какими-то военачальниками. В «Дневниках» пишут, что Александра мучила лихорадка, которая с каждым днем становилась все сильнее. В этих записях словно бы пытаются создать впечатление, что дела в империи шли как обычно, никакой драмы, никаких заговоров, просто царь заболел, ну так это с каждым может случиться. Записи настолько банальны, что невольно возникает подозрение: они для этого и написаны. Все становится еще более странно, когда выясняется возможный автор «Дневников» — это один из военачальников Александра и его секретарь Эвмен, которому помогал его подчиненный, Диодот из Эритреи.

У Афинейя существует фрагмент, подтверждающий, что автор записей — Эвмен: «Александр также сильно пил и после кутежа спал, не просыпаясь двое

суток. Это записано в “Эфемеридах” [Дворцовых дневниках], написанных Эвменом из Кардии и Диодотом из Эритреи».

Показания Эвмена вряд ли можно считать объективным источником. Он враждовал с Гефестионом, и когда царский фаворит умер, Эвмен так сильно боялся, что Александр припомнит ему прежнюю рознь, что первым вызвался почтить память покойного: предложил Александру и другим полководцам установить мемориал и выказывать глубокое уважение почившему Гефестиону. Что еще важнее, Эвмен ссорился и с Александром. Плутарх дает описание этого случая.

Нужно признать, что он [Эвмен] часто бывал в немилости у Александра, и дважды из-за Гефестиона. Один раз это случилось, когда Гефестион отдал одному флейтисту дом, который слуги Эвмена приготовили для его людей. Эвмен разгневался, пришел к Александру и закричал: «Может, лучше им теперь оружие побросать и выучиться играть на флейте или сделаться трагическими актерами?» Александр поначалу принял его сторону и резко попенял Гефестиону, однако вскоре изменил точку зрения и все недовольство обратил на Эвмена: посчитал, что своим заявлением тот выразил более неуважение к нему, Александру, чем досаду на Гефестиона. В другой раз Александр хотел послать Неарха с флотом, чтобы он исследовал океанское побережье. Заглянув в казну, царь увидел, что денег мало, а потому попросил дру-

зей о займе. Среди прочих он обратился и к Эвмену за 300 талантами. Тот предложил ему только 100 и сказал, что и эти деньги собрать ему было очень трудно. Александр никак своего недовольства не выразил, однако приказал своим слугам потихоньку поджечь шатер Эвмена, предполагая, что тот, спасаясь от пожара, вынесет деньги и тогда его можно будет уличить в обмане. Случилось, однако, что шатер сгорел полностью, и Александр расстроился, оттого что в огне погибли и его документы. На пожарище, кстати, заметили расплавившиеся золото и серебро, ценность которых превышала 1000 талантов, но даже и тогда царь не взял его. Затем Александр написал всем своим сатрапам и стратегам письма с просьбой прислать ему копии пропавших документов. Когда они пришли, царь снова отдал их Эвмену.

С учетом вышеизложенного, вряд ли кто назовет Эвмена надежным источником. Я, однако, сомневаюсь в том, что Эвмена можно считать ответственным за написанное в «Эфемеридах». После смерти Александра, борясь за престолонаследие, Эвмен вместе с Пердиккой выступал против Птолемея. Эвмен был назначен сатрапом одной из провинций Малой Азии, после смерти Александра у него не было отношений с Египтом. Очевидно, что туда он ни разу не ездил, и все же у Птолемея есть ссылка на Египет, это подтверждает наши подозрения, что «Дворцовые дневники» были фальсифицированы. «Дневники» должны были быть написаны примерно в 323 году до н. э.,

тем не менее в них упоминаются военачальники Александра, ездившие в храм Сераписа в Вавилоне для молитвы за больного царя. Серапис — египетский бог-целитель, и культ его появился в Египте после 301 года при Птолемее, унаследовавшем Египет после смерти Александра и боровшемся против всех, кто надеялся отобрать у него престол. Делались различные попытки связать Сераписа с каким-то другим вавилонским богом, однако все это — литературная компиляция. В 323 году до н. э., в момент смерти Александра, не было найдено ни археологического, ни письменного свидетельства о существовании в Вавилоне храма Сераписа или культа этого бога. Введение культа Сераписа в Мемфисе (Египте) было, согласно Тациту и Плутарху, делом непосредственно Птолемея. Он тесно сотрудничал с афинянином Тимофеем и историком Манефоном¹, с тем чтобы основать и распространить культ исцеляющего бога. Ссылка на Сераписа в «Дворцовых дневниках», как и в другом историческом документе, касающемся загадочной смерти Александра, может зафиксировать не только место и время появления этих рассказов, но и укажет на человека, который мог быть заговорщиком и убийцей Великого завоевателя.

¹ Манефон — египетский жрец и историк (III в. до н. э.), писал на греческом языке, автор сочинения «История Египта», в котором установил разделение египетской истории на 30 династий и на периоды Древнего, Среднего и Нового царства.

В «Дневниках» нет упоминаний о ходе лечения Александра и его соратников. Александр очень интересовался медициной: сказалось влияние Аристотеля. Во время военных походов Александр несколько раз был ранен, и об этом имеются подробные записи военных врачей, которые его лечили. Есть сведения, что Александр и сам лечил раны товарищей и интересовался ходом их выздоровления. Плутарх пишет:

Как-то раз, когда Певкест оправился от опасной болезни, он [Александр] написал его врачу Алексиппу благодарственное письмо. Увидев однажды во сне, что Кратер болен, Александр и сам принес за него жертвы, и Кратеру велел сделать то же самое. Врачу Павсанию, намеревавшемуся лечить Кратера чемерицей, Александр написал письмо, в котором выражал свою тревогу и советовал, как лучше применять это средство.

Все это резко отличается от вавилонской трагедии. Великий завоеватель, владыка империи, мучается от лихорадки, но, хотя «Дворцовые дневники» и упоминают некоторые имена, вы не найдете в них никаких сведений о действиях врачей. Во всех отчетах о фатальной царской болезни единственную реальную ссылку на врачей дает Диодор, да и то он лишь сообщает, что прибывшие медики обнаруживают полную неспособность помочь страдальцу. Возможно, ученые люди боялись приняться за лечение: вдруг они сдела-

ют ошибку и их обвинят в том, над чем они были уже не властны. Так уже случилось в Индии, когда Александр был ранен в грудь. Врач не брался за лечение, и его пришлось заставить заняться раненым царем. В случае с Гефестионом ничего поделать было нельзя, и когда друг умер, Александр обвинил во всем несчастного врача и распял его на кресте. Как бы то ни было, отсутствие в «Дневниках» ссылок на действия врачей и методы лечения больного вызывает недоумение.

То же относительно полководцев Александра: царь должен был находиться в окружении главных своих военачальников — Пердикки, Птолемея и остальных, однако дневники упоминают лишь два имени — командующего флотом Неарха и Мидия. Кстати, другие источники указывают на Мидия как на одного из убийц. Неарх и Мидий приходили к Александру за краткими указаниями. «Дневники» называют и другие имена — Клеомен, Пифон, Селевк и Аттал. Это те религиозные военачальники, что ездили искать помощи от бога Сераписа в загадочный вавилонский храм. Фактически все эти люди имеют нечто общее: Антигон, старый одноглазый полководец Александра, который во время кровавой битвы за престолонаследие боролся за империю против Птолемея и его союзника в Европе Антипатра. Мидий и Неарх служили во флоте Антиоха, а посетителями храма Сераписа были заклятые враги Антиоха. Селевк перебежал к Птолемею в Египет за защитой, а Пифон участвовал в убийстве Пердикки и выдал

своего хозяина Птолемею. На мой взгляд, «Дневники» — документ, специально созданный в Египте после 301 года до н. э. для распространения официальной точки зрения, потому там и содержится ссылка на храм Сераписа. На первый взгляд кажется, будто они составлены Эвменом, но фактически — это произведение Птолемея и его союзника Кассандра, отсюда и загадочная ссылка на второго возможного автора «Дневников» — Диодота из Эритреи. Он также был секретарем Кассандра.

Развеесть слухи об отравлении — вот в чем главная цель «Дневников». Они описывают последние дни Александра как рутину, в которой нет места драме или загадке. Содержат они также и более сложные рассуждения, маскирующие правдивую картину смерти Александра.

Если речь идет о яде, то с Александром в последние дни его жизни были рядом два морских командира — Мидий и Неарх. Впоследствии Неарх вместе с Антигоном выступил против Птолемея и Кассандра. Упоминания о Пердикке и Эвмене отсутствуют: к тому времени, как «Дневники» были опубликованы, оба они были мертвы. Пердикку казнили в 321 году до н. э., а Эвмена — в 317-м или 316 году до н. э., так что правдивость этих «Дневников» никто не мог подтвердить. Не говоря о Мидии и Неархе, «Дневники» упоминают командиров, бывших врагами Антигона и сподвижниками Птолемея, говоря, что эти военачальники очень беспокоились за царя, а потому провели ночь в местном храме, молясь за здоровье Алек-

сандра. Важно вспомнить два источника, которые упоминают об этом эпизоде. Хотя идею о заговоре и убийстве Плутарх яростно отрицает, он все же соглашается, что мысль об этом возникла у Антигона, врага Антипатра и его сподвижников. Второй источник — фрагмент из «Дворцовых дневников» процитирован годом ранее римским писателем Элианом. Этот фрагмент рассказывает о передвижениях Александра, посещавшего различные пирушки. Элиан затем комментирует:

А соответственно из двух заключений верно должно быть одно: либо то, что Александр сам себе навредил, оттого что в тот месяц слишком сильно пил, либо те, кто об этом писали, лгали. Пусть все думают, что группа, в состав которой входил Эвмен, сделала эти записи.

Группа, конечно же, состояла из военачальников Александра. Эвмен был при них секретарем, и его назначили ответственным за документы, стало быть, и за «Дворцовые дневники». Откровенные сомнения Элиана относительно так называемых «Дневников» и настоящей их цели ясны: появились они по воле определенных людей и опубликованы с тайным умыслом. Следует неизбежное заключение, что «Дворцовые дневники», описывающие последние дни Александра, были хитроумным пропагандистским шагом. Опубликовали их с целью внушить всем, что царь страдал от лихорадки и умер по естественной при-

чине. В них нет и намека на слухи об отравлении, идет скучное перечисление событий. «Дворцовые дневники» предусмотрительно не называют военачальников Александра, — «порфириносных повелителей», как именовал их Квинт Курций, а уж они-то должны были быть возле умирающего царя. Пусть люди думают, что «Дневники» написаны Эвменом, однако к тому времени и он, и Пердикка были уже мертвы. На самом деле документы эти были делом рук Диодота из Эритра. «Дневники» намекают: если с Александром случится что-то нехорошее, люди с подозрением посмотрят на Неарха и Мидия, которые были возле умирающего царя, а позже выступили с Антигоном против законных правителей — Антипатра и Птолея.

«Дворцовые дневники» на самом деле лишь часть пропагандистской кампании. Авторы, такие как Онесикрит и Аристокл, вероятно, боялись сказать правду, зато за них это сделал анонимный памфлет. «Памфлет», обнаруженный в «Романе об Александре», появился вскоре после смерти Александра. Он быстро распространился по всей Греции и — в многочисленных копиях — за ее пределами. «Памфлет» обвинил в трагедии семейство Антипатра. В своей теории я руководствовался двумя самыми авторитетными версиями — эфиопской и армянской, однако, когда дело доходит до имен убийц, здесь также появляются серьезные расхождения. Эфиопская версия утверждает, что Пердикка участвовал в заговоре про-

тив Александра, а армянский вариант заявляет о полной его невиновности. В некоторых вариантах о Пердикке говорят как о царском фаворите и преемнике. Дескать, царь отдал ему свое кольцо и даже руку Роксаны. Армянский вариант отдает предпочтение Птолемею, его считают там законным преемником Александра и царем Египта.

«Памфлет», вставленный в «Роман об Александре», утверждает, что Антипатр и Кассандр — убийцы. Это заявление получило быстрое распространение, а потому от него очень трудно было избавиться. Если бы Кассандр попытался это сделать, к нему отнеслись бы с еще большим подозрением. В ответ он выпустил в свет «Дворцовые дневники», в чем ему усердно способствовал Птолемей. Остальным же, в особенности Пердикке и Птолемею, оставалось лишь истолковать «Памфлет» в свою пользу. Рассказ об убийстве затрагивает много других имен. Олимпиада, всю жизнь ненавидевшая Антипатра, когда любимый сын ее был еще жив и здоров, выведена в «Дневниках» как одна из тех, кто в отместку развязал войну против Кассандра и его семьи. Впрочем, Олимпиаде и не требовалось никакого стимула для преследования семьи, которую она на дух не переносила. Следует также упомянуть Аристотеля. Он был экспертом по ядам. Несмотря на то что он являлся учителем Александра, у него было достаточно причин не любить своего воспитанника, казнившего племянника философа, историка Каллисфена.

Можно сделать вывод: любой письменный документ того времени, рассказывавший о смерти Александра, составлялся под воздействием страха, предубеждения, пропаганды, цензурных рогаток или нарочитого забвения. Один человек мог пролить свет на всю эту путаницу и дать правдивое описание событий. Птолемей был писателем, которому нечего было бояться. Он являлся личным телохранителем Александра, дегустатором, сатрапом, а позже — царем Египта, основателем культа Сераписа. Птолемей написал собственные воспоминания в начале 280 года до н. э., то есть через сорок лет после смерти Александра. Ознакомиться с ними мы, к сожалению, можем лишь через Арриана, заявившего, что, кроме приведенных в рассказе фактов, Птолемей ничего более не может прибавить к обстоятельствам смерти Александра. Но ведь Птолемей был очевидцем произошедших в Вавилоне событий. У него была возможность точно описать, что тогда случилось, и с помощью старого своего боевого товарища Кассандра оповестить общественность. У Арриана имелось два источника: Аристобул (у того была причина держать рот на замке) и Птолемей, и он ничего нового нам не говорит. Птолемей, писатель, а возможно и брат Александра по отцу, был другом великого завоевателя с юных лет. Он сражался с Александром плечо к плечу, защищал его шатер и отвечал за безопасность царя. Возможность рассказать о последних днях Александра у него, несомненно, была,

только он не захотел ею воспользоваться. Арриан заявляет, что, рассуждая о смерти Александра, он просто пересказывает «Дворцовые дневники». Затем он добавляет: «Кроме этого, ни Птолемей, ни Аристокл ничего более не сообщили». Заметно, что отчет Птолемея о смерти Александра почти совпадает с содержанием «Дворцовых дневников», а потому и предположение, что «Дневники» были работой Птолемея, только усиливается. Однако, как мы увидим, Птолемей помалкивает там, где ему следовало бы высказаться. Написал он свою работу незадолго до смерти. В ней он предстает перед нами в образе грубовато-добродушного солдата, ограничивавшегося военными вопросами. Он заявляет, что был послушным командиром, исполнявшим приказы главнокомандующего. Умалчивая о подробностях последнего пира Александра в доме Мидия, Птолемей просто следует своему жизненному кредо: «Молчание — золото».

История с ядом замечательна тем, что она фактически называет имена убийц Александра, перечисляет помощников и описывает, как все происходило. Но так ли было все на самом деле? Заговорщики поделены здесь на две группы: семейство Антипатра и группа наделенных властными полномочиями высокопоставленных командиров, которых Антипатр даже не видел до этого в течение одиннадцати лет. Что же, они объединились ради убийства Александра? Если так, то зачем им выступать против челове-

ка, который не только позволил им разрушить Персеполь, но и предварительно дал разграбить его богатства? Арриан и Плутарх не могут представить себе, что любимый ими герой — какие бы ни были у него недостатки — был убит в результате заговора. Напрашивается вопрос: что же случилось с их великим героем, что им пришлось его устранить? Каков мотив убийства?

ГЛАВА ПЯТАЯ

Мотив

Но, может быть, ты спросишь: этот грех,
Как он созрел? Мне жены нашептали.

Еврипид. «Андромаха»

В год смерти, несмотря на все то, что ему пришлось пережить, Александр не слишком сильно отличался от молодого царя-воина времен 336 года до н. э. Существует традиция смотреть на Александра Македонского как на воплощение греческого бога Аполлона. Гегелевские определения «герой истории» и «колосс, хранящий мир» производят сильное впечатление. Легко представить себе его, образованного греческого воина, законодателя, властителя, того, кто принес с собой в дикую Азию порядок, гармонию и шедевры западной культуры. Прижизненные

портреты Александра усиливают эффект: кудри, обрамляющие благородное чело, чуть склоненная голова, мечтательное девичье выражение глаз, ну как тут устоять? Мы ослеплены его военным гением, необычайной воинской отвагой, вспоминаем эпизоды из жизни, где Александр предстает обаятельным и великодушным человеком.

Все это ложь. Томас С. Элиот сказал как-то: «Часто острой боли реальности мы предпочитаем сновидное». Слова эти как нельзя лучше относятся к изучению жизни Александра Великого. Идеальный исторический герой является в большей мере созданием историков империалистических Германии и Англии конца XIX — начала XX столетия, таких, например, как У. Вилькен и В. Тарн, больших ученых, эрудитов, плененных, однако, мечтой. Они игнорировали жестокую реальность, не замечая, что человек, которого они воспевали, оставил после себя глубокий кровавый шрам — от Геллеспонта до границ с Индией.

Мы уже отмечали зависимость Александра от алкоголя и его сексуальную распушенность, но, как он сам дал ясно понять, все это было второстепенным по отношению к страстному его стремлению доказать собственную неуязвимость. Десятки тысяч человек — мужчин, женщин, детей — заплатили за это высокую цену. Александр разрушил их города и их культуру, погубил их насилием, пытками, убивал, брал в рабство. Александр Македонский был насто-

ящим убийцей. Он уничтожил Фивы, вырвал одно «око Эллады», а в последние месяцы жизни намеревался вырвать и другое: затевал тотальную войну против Афин. Александр поддерживал политику войны против Персидской империи, тем не менее мы попадаем под обаяние случавшихся у него время от времени проявлений доброты и великодушия. Взять, для примера, Фивы. Плутарх описывает инцидент, произошедший после разграбления города.

Город постигли многочисленные бедствия и несчастья. Несколько фракийцев ворвались в дом Тимоклеи, женщины добродетельной и пользовавшейся славой. Пока фракийцы грабили имущество Тимоклеи, их предводитель насильно овладел женщиной, а потом спросил ее, не спрятала ли она где-нибудь золото или серебро. Тимоклея ответила утвердительно и, отведя фракийца в сад, показала колодец, куда, по ее словам, она бросила во время штурма города самые ценные из своих сокровищ. Фракиец наклонился над колодцем, чтобы заглянуть туда, а Тимоклея, став сзади, столкнула его вниз и бросала камни до тех пор, пока не убила врага. Когда связанную Тимоклею привели к Александру, уже по походке и осанке можно было судить о величии духа этой женщины — так спокойно и бесстрашно следовала она за ведущими ее фракийцами. На вопрос царя, кто она такая, Тимоклея ответила, что она сестра полководца Теагена, сражавшегося против

Филиппа за свободу греков и павшего при Херонее. Пораженный ее ответом и тем, что она сделала, Александр приказал отпустить на свободу и женщину, и ее детей.

Александр представлен здесь человеком благородным и исполненным сочувствия, однако в то время как эта вдова не пострадала, десятки тысяч ее сограждан были уничтожены. Как пишет Диодор Сицилийский:

Город был полностью разграблен. Плачущих детей — мальчиков и девочек — тащили в рабство, и понапрасну звали они своих матерей... Скоро все улицы завалены были трупами. Рыскали до вечера, до темноты, проверили все углы, и спрятавшихся в укрытии женщин и детей повытаскивали наружу и поубивали.

Александр мог проявить сочувствие и к близким родственницам Дария, но его благородные чувства, как объясняет Диодор, на других женщин царского двора не распространялись.

Захваченные женщины представляли собой жалкое зрелище. Более милovidные из них, те, кого до этого отделили от толпы, с плачем выскочили сейчас из палаток, одетые лишь в тонкую тунику. Они разрывали на себе эту единственную одежду, призывали богов и падали к ногам своих завоевателей,

а те хватали несчастных за волосы; другие же, сорвав с женщин одежду, наносили им кулаками страшные удары, а то и поражали обнаженные их тела копьем. Женщин затем направляли в страшное и унижительное рабство.

Плутарх рассказывает, что Александр бывал гостеприимным и добрым хозяином, щедр по отношению к друзьям, за что Олимпиада в письмах к нему неоднократно его упрекала. Тот же источник описывает, как Александр повстречал простого солдата, сгибавшегося под тяжелым грузом сокровищ, предназначенных для царского шатра. Александр похлопал его по плечу, сказал, чтобы он не поддавался усталости, и отнес золото в собственную палатку. И тот же Александр решил уйти из Индии, но не по определенному заранее маршруту. Очень уж хотелось ему пройти по Гедросианской пустыне, тем более что прежним завоевателям, таким как Кир, она не покорилась. В результате десятки тысяч простых солдат умерли в пути при самых ужасных обстоятельствах. Нас трогает любовь Александра к боевому коню Буцефалу. Александр был очень опечален смертью коня, он так тосковал, словно потерял близкого друга. Он любил и свою собаку, Периту, тем более что попала она к нему еще щенком. Когда собака умерла, Александр основал город и назвал его ее именем. В Таксиле он построил святилище, посвященное богу Солнца, с тем чтобы слон, который храбро носил на себе его противника, раджу Пора, в битве при Гидас-

пе мог прожить оставшиеся ему годы в почете и довольстве. Но тот же Александр приказал своей пехоте во время сражения разить слонов в самое нежное место, так чтобы животные, упав на землю, больше уже не смогли бы подняться.

Ошибется тот, кто скажет, будто одиннадцатилетняя кампания — с 334 по 323 год до н. э. — так уж радикально изменила Александра. Его яркие достоинства — военный гений, отвага, личное обаяние и благородство прикрывали все те же темные стороны его души — безжалостность, преданность собственным амбициям, стремление к победе любой ценой, какой бы запредельной ни показалась она другим во имя утверждения собственной неуязвимости и превосходства. Полководец этот разрушил Фивы, а в битве при Гранике не проявил ни капли милосердия к греческим наемникам, сражавшимся на стороне персов. Он лишь потребовал у «греков, сражавшихся против греков» сдачи без всяких условий и, когда они отказались, приказал полностью их уничтожить, каковы бы ни были потери его собственных воинов. Тир, Газа и Персеполь — все эти города познали не меньший ужас. Каста брахманов в Индии и любая другая группа, осмелившаяся оказывать ему сопротивление, становилась объектом геноцида. В ранних источниках перечислены жестокие кампании, проходившие между 334 и 323 годами до н. э. Жестокость была вызвана одной и той же причиной: Александр расправлялся с теми, кто отказывался ему подчиняться.

Македонцы рассматривали такую безжалостность как достойную похвалы черту характера великого полководца. Близкое окружение Александра, возможно и Птолемей, смотрело на это иначе: ведь царь и по отношению к ним был столь же суров. Царский венец Александру достался после убийства отца. Он уничтожил возможных противников, а в их числе и двоих сыновей соперничающего клана Аэропа. Третьего, Линкестиду, он заключил в тюрьму и не убил его только потому, что тот был зятем Антипатра, который поддержал Александра в первые дни его царствования. Главный полководец Филиппа, Аттал, новая жена Филиппа, Клеопатра, и ее маленькие дети были уничтожены. Какими бы страшными ни были эти убийства, неожиданностью они не стали: Македония привыкла к тому, что после резкой смены правителя кровь льется в изобилии. Интересно, что Александр и в последующие годы, несмотря на все свои успехи, не забыл и никому не простил прошлых обид. Такую же нетерпимость он проявлял к любому, кто выказывал нерешительность в выполнении поставленной перед ним задачи.

Замечание Александра о Диогене — мол, если бы он не был Александром, то стал бы Диогеном, философом-отшельником, не зависящим ни от кого, — демонстрирует некоторое отчуждение царя от собственного окружения. Александр был одиноким человеком. Обычный человек погружается в раздумья, когда ему возражают или высказывают критические

замечания. Казалось бы, человеческая слабость, но в случае с Александром черта эта доводила его едва ли не до нервного припадка. Никто не смел ему возражать, он не терпел ни малейшей критики.

Один рассказ охватывает собой диапазон от Александра-юноши до Александра-царя. В 331 году до н. э. Александр захватил Газу, столицу спещий средиземноморского мира. Он решил послать часть драгоценного груза своей семье и друзьям в Македонию. Плутарх рассказывает:

Его учитель Леонид не был забыт, и посланный ему подарок был необычен. Вспомнив об одной своей детской мечте, послал он ему пятьсот талантов ладана и сто талантов мирры. Некогда Леонид во время жертвоприношения упрекнул Александра, хватавшего благовония целыми пригоршнями и бросавшего их в огонь: «Ты будешь так щедро жечь благовония, когда захватишь страны, ими изобилующие. Пока же расходуй то, чем располагаешь, бережливо». Александр написал ему: «Я послал тебе достаточно ладана и мирры, чтобы ты и впредь не скупился во время жертвоприношений богам».

Страшновато видеть, что ни одного критического замечания в свой адрес он не забывал и обиды никому не прощал. Проявления невероятной щедрости сочетались у него с жестоким отношением к людям, позволившим себе хоть в чем-то с ним не согласиться. Он эти случаи помнил по прошествии многих лет

даже перед лицом грядущих тяжелых испытаний. Если он не забыл слова старого своего учителя, который всего лишь исполнял свою работу, то можно вообразить себе список врагов, который Александр держал в голове. Чтобы выйти из этого списка, надо было все уладить, вернув долг сторицей. Ближайшее окружение Александра, его командиры, скоро почувствовали на себе самую мрачную особенность характера царя.

Когда Филипп узнал о роли Александра в деле Пиксодача, он резко выбранил сына в присутствии одного из близких друзей Александра — Филоты. Возможно, тот и выдал замысел Александра царю. Филота был сыном Пармениона, полководца и командира экспедиционных войск, которого Филипп отправил вместе с Атталом в Азию. Аттал со стороны жены был родственником Пармениона. Это он так жестоко обошелся с Александром на свадебном пире Филиппа. Придя к власти, Александр принял меры: не прошло и нескольких месяцев, как он подослал убийц. Они подкупили Пармениона и расправились с врагом Александра. Отступничество Пармениона от несчастного родственника было щедро вознаграждено. Когда молодой царь начал азиатскую кампанию, Парменион сделался его заместителем, а позднее Филота стал командиром конницы и блестяще зарекомендовал себя при Гавгамелах. Парменион и его дети считали, что Александр им полностью доверяет. В этом была их фатальная ошибка. Александр не забыл того, что Парменион был род-

ственным его врага Атгала. К тому же Александр подозревал, что Парменион некогда посоветовал Филлипу удалить от себя Олимпиаду и ее сына и высказался за заключение брачного союза с «истинной» македонкой Клеопатрой. Не забыл Александр и дела Пиксодара.

Парменион и его сын оказались отличными командирами. Отец пользовался большой популярностью в войсках, особенно среди старой гвардии, а вот Филоту недолюбливали: очень уж он был высокомерен и вспыльчив. В 334 году до н. э. они оба были очень нужны Александру, но в 331 году до н. э., после сражения при Гавгамелах, пришло время платить по счетам. Персидская империя была уничтожена, и Александр обратил свой взор на Восток. Настала осень 330 года до н. э., македонская армия планировала поход в Индию. Устроили лагерь в Дрангиане, на восточном побережье озера Систан. Черный Клит, командир старой гвардии, отсутствовал, так же как и Парменион: он в то время находился в Экбатанах, хранил казну. Александр почувствовал, что в армии нарастает недовольство из-за того, что он вознамерился идти далее на восток. Он должен был подавить очаг этого возмущения, а таким очагом, по его мнению, были Парменион и его сын.

Александр и до этого момента держал Филоту под наблюдением. Любовница Филоты Антигона должна была передавать царю выведенные в постели предательские настроения. Ничего криминального он до сих пор не услышал. Пьяный Филота говорил лишь,

что своими выдающимися достижениями Александр обязан ему и его отцу. И все же Филота сам себе навредил. Когда Александр возвратился от оракула, Филота поздравил царя с его божественным покровителем и шутя добавил, что все они теперь больше, чем обыкновенные люди. До сих пор спорят, был ли Филота в числе заговорщиков или нет, да и был ли вообще заговор. Для того чтобы убрать нежелательных людей, часто придумывают несуществующие заговоры, а Александр решительно настроился уничтожить Пармениона и искоренить его семью.

Возникновение заговора имеет смутную историю, и связывают его обычно с македонцем по имени Димн. В соответствии с установившейся версией, Димн и его соумышленники задумали убийство Александра. Димн сказал об этом намерении своему любовнику Никомаху, а тот открылся брату Кебалину. Кебалин, в свою очередь, поделился тайной с Филотой и попросил его сообщить о заговоре царю. Филота пообещал, что так и сделает. Кебалин продолжал спрашивать его, донес ли он обо всем Александру. Филота, который виделся с царем по меньшей мере раз в день, сказал, что он держит это дело под контролем. В конце концов Кебалин запаниковал и обратился к царскому пажу Метрону, который и рассказал обо всем царю. Александр велел немедленно арестовать Димна, после чего лично допросил Кебалина. Он обвинил Кебалина в том, что тот и сам был участником заговора, и приказал надеть на него наручники. Кебалин горячо заверил царя в своей не-

виновности и — согласно Курцию — рассказал, что он информировал обо всем Филоту. Примечательно, что организатор заговора Димн умер вскоре после ареста — то ли в схватке со стражниками, то ли в результате самоубийства. Он погиб, прежде чем успел дать полные и честные показания. Филоту вызвали в царские покои и спросили, почему он немедленно не передал столь важную информацию? Филота ответил, что попросту не поверил в эту историю и посчитал, что родилась она в результате ссоры любовников. Он признался, что допустил ошибку, и просил царя о прощении. Курций пишет, что Александр протянул ему правую руку и заверил Филоту в том, что он прощен. Они обнялись, и царь объявил, что полностью принимает объяснение военачальника.

Как только Филота ушел, Александр вызвал остальных своих командиров. Он заранее знал, что те выскажутся против прощения Филоты. Курций описывает, как полководец Кратер, один из фаворитов Александра, выступил в качестве официального обвинителя. Он перечислил множество прегрешений Филоты, говорил и о его хвастовстве, и о том, что тот, скорее всего, был в числе заговорщиков, и об опасности, которую он представлял для Александра и его друзей в настоящее время и в ближайшем будущем. Можно не сомневаться, слова Кратера звучали музыкой в ушах Александра. Он даже позволил полководцу немного попенять себе за то, что он простил Филоту, не поговорив прежде с ними. Затем Кратер раскинул сеть еще искуснее: «Что бы ни случилось,—

предупредил он царя, — с этого момента Филота будет в числе твоих врагов, а поддержит его в этом могущественный отец — Парменион». Рано или поздно Александру придется бороться против обоих этих людей. Внутренний враг, предупредил Кратер, гораздо опаснее внешнего врага. Правдивость слов Курция не абсолютна, однако твердо можно сказать, что Александр решил уничтожить Пармениона и Филоту. Речь Кратера могла бы быть написана самим царем. Соперничество и ревность среди военачальников Александра были на высочайшем уровне, а потому сейчас они хором поддерживали речь Кратера. Они настояли на том, чтобы Филоту еще раз арестовали и предали пыткам. Александр, превосходный актер, сказал, что он подождет.

На следующий вечер устроили праздничный пир. Филота тоже там присутствовал. Вечеринка кончилась рано, после того как царь сказал, что войско выступит на рассвете. Филота, все еще обеспокоенный, сильно, должно быть, напился. Он вернулся в свою палатку и крепко уснул. Царь немедленно приказал выставить вокруг лагеря охрану и вызвал к себе ближайших своих советников — Гефестиона, Пердикку, Леоннату и других. Он тайно приказал арестовать Филоту. Его растолкали, заковали в кандалы, надели на голову одеяло, отвели в царский шатер. На следующее утро Александр, следуя установленной в его царстве традиции, приказал македонскому войску выстроиться в полном боевом вооружении. Воинам был представлен труп Димна. Александр выступил в

роли обвинителя и сыграл один из лучших своих спектаклей. Он знал, что если Филота и не пользовался у солдат популярностью, то Пармениона они, конечно, любили. Поэтому царь выдвинул обвинение сразу против отца и сына. Со стороны казалось, будто Александр «не разгневан, а скорее опечален». Он вознес хвалу богам за то, что они не допустили вечной его разлуки с любимым войском. Александр объявил, что в настоящий момент он находится в безопасности и хочет вознаградить своих храбрых солдат за бесподобное мужество и верную службу. Он представил довольно двусмысленное письмо, которое Парменион послал Филоте, и зачитал из него специально подобранные фразы, которые уличали бы как сына, так и отца. Закончил свою речь Александр в классическом стиле. Суд над Филотой — это проверка преданности всех македонцев. Им предоставлен выбор — верить Филоте или осудить его. Арестанту предоставили слово, но Александр все превосходно рассчитал. Некоторые его командиры набросились на Филоту, обвиняя его в высокомерии и в неприязни к македонским обычаям. Филота пытался защититься, признал, что ошибся и не доложил царю о заговоре, однако результат судилища был давно предрешен. Филота умолял о пощаде. Царские телохранители ответили, что ему не позволят более замышлять против любимого вождя и что Филота заслуживает самой страшной смерти.

Александр, удалившийся на время перепалки, вернулся. Он понял, что настроение армии пока не

полностью склонилось в его пользу. Он отложил заседание и приказал Филоте вернуться в царские апартаменты. Затем по приказу Гефестиона и Кена, зятя Филоты, несчастного пленника подвергли страшным пыткам. По словам Плутарха, Александр слышал все, спрятавшись за занавесом. Командиры Александра не проявили жалости к бывшему коллеге. Когда они закончили пытки, Филота едва мог идти. Мучителям удалось вырвать у него подобие признания. Снова устроили собрание и предъявили ему признание. Филоту сочли виновным и быстро казнили.

Арестованы были и другие люди, им были вменены разные наказания. Воин по имени Аминта и трое младших его братьев были обвинены военным собранием. Вина их заключалась в том, что все они были друзьями Филоты, но — главное — они были не по душе Олимпиаде. Даже Аттал, человек, который преследовал убийцу Филиппа и заколол его кинжалом, оказался под подозрением. Александр, однако, понимал опасность слишком большой чистки. Аминта с братьями и Аттал были оправданы, как и царский телохранитель Деметрий. Родовались все эти люди недолго: многие умерли вскоре после суда, включая Деметрия и Аминту. Деметрия в качестве телохранителя сменил Птолемей.

С Парменионом расправились по-другому. Во время операции устрашения Александр нанял одного из сподвижников Пармениона — Полидама. Он должен был отправиться в Экбатаны под видом араба с эскортом из местных проводников. Верблюдам пред-

стояло покрыть расстояние в 800 миль. Полидаму дали задание передать младшим командирам Пармениона секретный приказ лишить жизни командующего. Среди этих командиров был брат Кена, Клеандр. Он должен был выполнить задание и занять место Пармениона. Полидама предупредила, чтобы он выполнил все, как приказано, в качестве залога в лагере осталась его семья.

Полидам прибыл в место назначения ночью. Первым делом он передал Клеандру секретный приказ. На следующий день он вручил Пармениону два письма — официальное послание царя и письмо с личной печатью Филоты. Парменион, ни о чем не подозревая, вскрыл царский конверт и едва приступил к чтению письма сына, как его штабные офицеры — по знаку Клеандра — выхватили мечи и закололи полководца. Новость о неожиданном и жестоком убийстве вызвала гнев войска в Экбатанах, возникла напряженная обстановка. Клеандру удалось утихомирить людей, требовавших торжественных похорон Пармениона. Клеандр пошел на компромисс: он согласился на погребение, однако отрезал голову Пармениона и послал ее Александру в доказательство, что его приказ исполнен. Тем временем в царском лагере Александр решил завершить начатое дело. Линкестид, находившийся под домашним арестом с тех пор, как Александр захватил власть, приведен был к суду и обвинен в измене. Линкестид слабо защищался, собрание даже не поняло, что он говорил. В результате он был осуж-

ден и немедленно казнен. Так Александр решил еще одну проблему.

Расправа с Филотой и Парменионом отличается необычайной жестокостью. Александр предстает перед нами мстительным параноиком. Парменион с самого начала должен был бы умереть, однако Александру он был полезен некоторое время. С его помощью он завоевал поддержку македонской армии и начал персидскую кампанию. Удивительно, как в течение одного года Парменион и вся его семья были уничтожены. Прежде чем умертвили Пармениона и Филоту, от ран, полученных в результате кораблекрушения, скончался Гектор, сын Пармениона, а другой сын, Никанор, умер от неизлечимой болезни. Ужас охватывает, когда читаешь имена тех, кто выступал против Александра и вскоре после этого погибал при загадочных обстоятельствах. Список с именами Гектора, Никанора, Аминты и Деметрия в следующие восемь лет значительно удлинится. Александр истребил семью Пармениона и его окружение, поселив тем самым страх в сердцах других военачальников. Виныны они были или нет, но от уничтожения Пармениона и Филоты веет ужасом, напоминающим о больших политических чистках XX века: шпионы, пытки, подложные улики, пропажа важных свидетелей, предательство, ночные аресты, показательные суды, запрет на апелляцию и немедленные казни.

Александр не только решил проблему, но, применив террор, дал ясно понять, какая судьба ожидает того, кто осмелится ему возражать. В случае с Алек-

сандром время раны не излечивало, а потому извинения и прощение были лишь временными мерами. Плутарх довольно категорично заявляет, что «все это внушило многим друзьям Александра страх перед царем, в особенности же — Антипатру», который, услышав о судьбе Пармениона, сказал: «Если Парменион оказался виновен, кому мы должны доверять? Если он виноват, то что теперь делать?» Не один Антипатр испытывал недоумение: если Парменион и его сыновья уязвимы, то кто же теперь может чувствовать себя в безопасности?

Антипатру не пришлось долго ждать. Филота и Парменион были казнены в 330 г. Александр не считал, что проблема решена окончательно. Хитрый политик Александр понимал, что Парменион был чрезвычайно популярен в македонской армии. Как только расправа закончилась, Александр под предлогом дальнейшего продвижения на восток предложил военным написать домой, в Македонию. Письма, сказал он, будут отправлены царской почтовой службой. Как только письма были написаны их доставили Александру. Секретари и сам Александр тайно вскрыли послания и изучили, чтобы узнать настроение солдат. Недовольных судить не стали, однако удалили из подразделений, к которым они были приписаны, и составили из жалобщиков специальный отряд, который использовали впоследствии для особо опасных заданий.

Письма «недисциплинированных» солдат послужили для Александра источником информации о

том, как в армии относятся к нему и военачальникам. Одного полководца — Черного Клита — не было во время атаки на Филоту и Пармениона. Черный Клит, царский телохранитель, был старым суровым македонским воином. Ему нравились прежние традиции, он уважал и Филиппа, и Пармениона. Учиняя расправу, Александр воспользовался отсутствием в лагере Клита. Когда тот вернулся, Александр повысил солдата по службе, поставив его на освобожденное место. В будущем он и Гефестион должны были быть командирами конницы, то есть Клит должен был заступить на пост, который занимал покойный уже Филота. Клит, по всей видимости, был серьезно озабочен тем, что произошло, однако у него хватило здравого смысла, чтобы по крайней мере не выдавать своей обеспокоенности. Тем не менее то ли из солдатских писем, то ли из шпионских донесений стало известно о недовольстве Клита действиями Александра. Арриан описывает конфликт Александра и Клита в середине лета 328 года до н. э. в царском лагере в Мараканде:

Клит уже в течение некоторого времени осуждал перемену в Александре: ему не нравилась растущая увлеченность царя Востоком и лесть, которую ему расточали. Разгоряченный вином, он заявил, что успехи Александра незаслуженно возвеличивают. Да Александр и не совершил таких великих и дивных дел, которые содейали они; то, что он сделал, в значительной степени дело всех македонцев. Александр

обиделся на эти слова. Да и я [Арриан] считаю, что слова Клита были несправедливы. Так как большинство гостей к тому времени были уже пьяны, он, на мой взгляд, мог бы спокойно помолчать и, не унижая себя, не вступать в пререкания с хором льстецов. Но тут, как на грех, некоторые стали припоминать то, что сделал Филипп, и совершенно несправедливо называть дела его ничтожными и не заслуживающими удивления, таким образом угождая Александру. Клит, уже совершенно вне себя, потерял над собой контроль и стал превозносить Филиппа и принижать Александра и его дела. Был он уже совсем пьян, всячески поносил Александра и, между прочим, похвалялся, что он спас Александра в конном бою при Гранике. Дерзко протянув вперед свою правую руку, он воскликнул: «Вот эта самая рука, Александр, тогда спасла тебя». Александр, уже не в силах переносить дальше пьяные дерзости Клита, в гневе вскочил, но его удержали собутыльники. Клит не унижался. Александр крикнул охрану. На зов его никто не явился.

— Что?! — закричал он. — Или, по-вашему, я царь только по имени? Не хотите ли вы, как Бесс с единомышленниками, связать меня цепями, как Дария?

Теперь уже никто не смел его удержать. Он вскочил и, выхватив копьё у одного из телохранителей, ударил им и убил Клита.

Рассказы об этом инциденте отличаются один от другого. Некоторые авторы утверждают, что это было

не копье, а пика. Аристокл не упоминает о пирушке, по его словам, Клит мог бы остаться в живых, ибо, когда разгневанный Александр вскочил, чтобы убить его, царский телохранитель Птолемей вытолкнул Клита за дверь и вывел за крепостную стену и ров. Клит, однако, вернулся на пирушку, вошел в зал и приблизился к Александру в тот момент, когда тот выкрикнул его имя.

— Я здесь, Александр! — закричал он и в тот же момент упал под ударом.

Квинт Курций Руф также описывает ссору и заканчивает ее эпизодом, когда Александр, глядя на распростертое тело Клита, шепчет: «Отправляйся же к Филиппу, Пармениону и Атталу».

В соответствии с рассказом Арриана, Александр горько сожалел о том, что произошло, однако римский историк снова находит оправдания для македонского героя. Арриан пишет о глубокой обиде, которую Александр претерпел от старого македонца. Выпад Клита был той каплей, которая переполнила чашу терпения Александра, а сносил он обиды с момента смерти отца. Согласно Плутарху, Клит также восхвалял Пармениона и критиковал Александра за смерть полководца Аттала, зятя Пармениона. Клит олицетворял собой традиции. Он сражался в Персии, потому что был македонским военачальником и исполнял задание Александра, однако план персидской кампании был задуман еще Филиппом. Слова Клита свидетельствуют о глубоком разочаровании старого солдата в Александре, неодобрении

его методов. Можно сказать, что здесь столкнулись две воинские традиции: школа Филиппа и школа Александра.

Если смерть Пармениона вызвала шок и ужас, то смерть Клита сгустила атмосферу страха, окутавшую высший командирский состав Македонии. Арриан и Плутарх хотят уверить, что смерть Клита произошла в результате пьяной ссоры, однако это маловероятно. Слишком велико было разочарование, и зная особенности психики Александра, мы можем предположить, что Клиту он уже не доверял и не потерпел бы его присутствия. Незадолго до кровавой развязки Александр признался своим доверенным лицам, что у него был сон: он видел Клита, облаченного в траур, и сидел он между двумя мертвыми сыновьями Пармениона. Вот и простое доказательство того, как мысль рождает поступок. После смерти Клита Александр разыгрывал горюющего друга, глубоко раскаивающегося в совершенном. Александр был талантливым актером. Все драматические его жесты, рыдания, отказ от еды, нежелание кого-либо видеть были игрой на публику. Совершенно очевидно, что оскорбления, которые выслушал он от Клита, уязвили Александра. Царь и раньше с подозрением относился к этому представителю старой гвардии и не одобрял прямоту его речей. Если он уже избавился от Пармениона и Филоты, зачем ему терпеть такого человека, как Клит? Один удар — и он избавил себя от серьезного источника критики, а оппозицию от

лидера. Убив Клита, а до того уничтожив Пармениона и Филоту, Александр этим поступком вновь предупреждал всех: если кто-нибудь решится критиковать царя или противоречить ему, пусть не думает, что прежняя дружба может помочь уйти от возмездия. Клит был братом старой кормилицы Александра, воином, спасшим ему жизнь при Гранике. Тем не менее если Клит оплакивал Филиппа, Аттала и Пармениона, то лучше и ему последовать за ними. Сохранились важные свидетельства того, что смерть Клита произошла не в результате пьяной ссоры, а явилась хорошо продуманным показательным уроком.

Как только Клит умер, Александр взял себе новую роль — человека, охваченного горем. Придворные, страшась авторитарических замашек царя, поспешно принялись ему подыгрывать. Анаксарх, один из местных философов, попросил Александра не горевать больше. Дескать, закона он не нарушил, потому что царь выше любого закона. Такие слова утешили Александра. Он отвел руки от лица и утер глаза. Явились другие участники спектакля. Аристандр вместе с компанией прорицателей объявил, что смерть Клита произошла в результате рока, как мечь бога вина Диониса. Собрали войско и зачитали приказ, согласно которому утверждалось, что Клит заслуживал смерти: он — предатель. Логика ясна: если Клит предатель, то был и заговор, о котором, по всей видимости, царь знал заранее, а потому у него было полное право допросить старого солдата, а потом и убить его.

Согласно македонским законам и обычаям, Александр мог и не предавать земле труп Клита, однако царь решил по-другому. В одно мгновение убийца сделался великодушной жертвой. Александр получил то, что хотел. Он убил оппозиционера, но под это убийство подвели законную, моральную, политическую и духовную базу, а стало быть, и оправдали. Желание царя, в чем бы оно ни заключалось, имело силу закона. Смерти Пармениона, Филоты и Клита, по сообщению Курция, устроили двор Александра и положили конец свободе слова. По словам Плутарха, Александр стал еще более гордым и властным.

Александр был слишком хитер, а к статусу своему и власти относился с серьезностью параноика и уже не очень считался со своим ближайшим окружением, военным советом и командирами. Существует свидетельство, что еще перед походом в Индию Александр вынашивал план: вырвать с корнем все македонские обычаи и даже заменить высшее командование местными военными. Из северо-восточных провинций Персидской империи были отобраны тридцать тысяч юношей. Их направили в военную академию, чтобы там из них сделали солдат и управляющих. Александр назвал их эпигонами — «преемниками». В то же время он начал назначать персов на важные посты и внедрять персидские отряды в македонскую армию. Эти меры подтверждали решение Александра частично перенять персидские обычаи. Плутарх отмечает, что Александр выбрал такое одеяние, в котором удачно сочетались македонские

и персидские мотивы. Умышленно подражая местным нравам, он хорошо понимал, как подкупает людей все привычное и родное. Плутарх добавляет также, что к обожествлению собственной персоны Александр относился сугубо практически, как к средству укрепления своего авторитета и статуса.

Александр был реалистом, прагматиком и, без сомнения, умел отличить лесть от правды. Когда после захвата индийского города Массаги врач лечил легкое ранение царя, афинянин Диоксипп вздумал польстить Александру, напомнив ему строки из гомеровской «Илиады», сказал, что в жилах у царя ихор¹. «Глупости! — отрезал Александр. — Никакой это не ихор, это — кровь». Такие перепады в поведении не делали Александра менее опасным. Он мог переброситься шуткой с военными, пресечь лесть, однако и это было частью его роли: полководец, близкий к простым людям.

По словам географа Страбона, Александр был не только поклонником гомеровского Ахилла, но и усердным учеником Кира. Кир Великий (умер в 529 г. до н. э.), основатель Персидской империи, был увековечен Ксенофонтом, греческим военачальником и историком. Он написал об учении Кира в книге «Киропедия, или Воспитание Кира». В ней описаны

¹ Ихор — в греческой мифологии чудесная жидкость, текущая в жилах богов и позволяющая им, в купе с вкушением нектара и амброзии, оставаться вечно молодыми.

дискуссии молодого Кира с его отцом Камбисом о том, что значит быть вождем, или, как мы теперь сказали бы, о лидерстве. Работа Ксенофонта за две тысячи лет не утратила своего значения для сегодняшних политиков и бизнесменов. Кир придавал огромное значение тому, что мы называем сейчас «имидж»: лидер должен вести себя так, чтобы подданные буквально смотрели ему в рот. Для Александра имидж имел первостепенное значение. В разговоре один на один с каким-нибудь простым солдатом или одергивая не в меру разошедшегося льстеца, Александр мог слегка посмеяться над собой, однако публичный имидж соблюдался неукоснительно. Македонцам надлежало сражаться за царя, отдавать за него свою жизнь и принимать его таким, каков он есть.

Желание держать свой имидж на высоте побудило Александра и его окружение ввести важный персидский дворцовый ритуал — *proskynesis* — подданный падал ниц перед царем. Македонцы, однако, не только отказались следовать этому ритуалу, но и открыто над ним смеялись. Однажды Полисперхонт, старший македонский командир, увидел персидского чиновника, распростершегося на земле перед Александром. Полисперхонту показалось это настолько забавным, что он громко расхохотался. «А ну-ка, треснись подбородком еще разок, да покрепче!» Александр взъярился: ударил Полисперхонта, кинул его оземь, а потом некоторое время держал под домашним арестом. Тем не менее даже такие приступы гнева не ослабили стойкого сопротивления но-

вовведенному ритуалу. Когда Александр сделал попытку внедрить *proskynesis* приказом, совершенно неожиданно ему воспротивился Каллисфен Олинфский, племянник Аристотеля и официальный историк Александра.

Каллисфен не пользовался популярностью у военачальников: он был для македонцев чужестранцем со строгими моральными принципами и открыто высмеивал пьяные пирушки македонского двора. На историка смотрели как на неуклюжего сноба. Сопровождение Каллисфена персидскому обычаю могло быть вызвано воспитанием Аристотеля либо попыткой одинокого человека добиться расположения у македонских воинов. По свидетельству Курция, было созвано большое собрание, на котором должны были обсудить вопрос о *proskynesis*. Каллисфен раскритиковал ритуал и заслужил тем самым одобрение македонцев. Предполагались открытые дебаты, «царь знал, о чем говорили ораторы, так как стоял в это время за шпалерой». Можно себе представить, как он разгневался: судьба Каллисфена была решена. Вскоре после этого Александр поймал своего оппонента в ловушку. Произошло это на пиру, устроенном для высокого командования. Александр предложил Каллисфену сыграть в полемическую игру: он должен был оспорить какое-либо положение, а потом — столь же красноречиво — высказаться в пользу того же положения. Александр предложил ему тему: македонцы. Он слишком хорошо знал характер своей жертвы. Как только Каллисфен — согласно игре —

высказался против македонцев, он тут же утратил их расположение. «Он вызвал к себе ненависть македонцев, и Александр объявил, что Каллисфен в данном случае о красноречии и не помышлял, а говорил искренне».

Весной 327 года до н. э., пока армия была в Бактрии, Александру представилась возможность свести счеты с Каллисфеном. Раскрыли заговор пажей, а учителем их был Каллисфен. Пажи — молодые люди из благородных семей, они прислуживали в царском шатре. Всего обнаружили пятерых заговорщиков во главе с Гермолаем, пажом, которого во время охоты Александр избил за то, что юноша осмелился поразить кабана, предназначавшегося для царского копья. Обиженный Гермолай устроил заговор, пригласив в соучастники еще четверых. О заговоре стало известно Птолемею, царскому телохранителю. Всех пятерых пажей пытали, осудили и передали каждого в свой отряд для осуществления наказания. Каллисфену выдвинули обвинение в пособничестве на очень слабом основании: он, мол, наверняка слышал предательские разговоры пажей и знал об их злостных намерениях. В соответствии с одним источником, Каллисфена немедленно повесили, однако, похоже, его некоторое время держали в клетке, где он и умер, не выдержав плохого обращения. Во всех этих судах весны 327 года до н. э. знаменательно то, что традиции времен Филиппа все еще были сильны. Есть много общего в обвинениях против юного Гермолая и старого солдата Клита. Все источники пересказыв-

вают слова Гермолая, выразившего глубокую обеспокоенность македонцев растущим деспотизмом Александра. Там же перечисляются и имена тех, кого можно причислить к «мученикам за идею»: Филипп, Аттал, Парменион, Филота, Клит и Каллисфен. Хотя родители пажей и дистанцировали себя от заблудших своих сыновей, речь Гермолая, какие бы изменения в нее впоследствии ни внесли, как бы ни сгладили, отражает недовольство людей Александром и авторитарными методами его правления. Курций приводит эту речь в своей книге.

Гермолая вывели перед собранием и спросили, почему он замыслил такой ужасный заговор. Гермолай ответил: «Раз ты спрашиваешь о причинах, словно бы не имеешь о них понятия, то я отвечу: мы решили убить, потому что ты стал обращаться с нами не как с рожденными свободно людьми, а как с рабами». Отец его Сопол вскочил, называя его отцеубийцей, и, зажимая ему рот, сказал, что не стоит слушать человека, теряющего рассудок при виде зла. Царь, прервав отца, велел Гермолаю говорить то, чему он научился у своего наставника Каллисфена. Гермолай заговорил: «Воспользуюсь твоей милостью и расскажу, чему всех нас научили несчастья. Сколько македонцев, несмотря на твою жестокость, осталось в живых, особенно людей не благородной крови? Аттал, Филота, Парменион, Линкестид и Клит, не убоившись сильного врага, сражались в бою, прикрывали тебя своими щитами и получали раны ради

твоей славы, твоей победы. Чем же ты их отблагодарил?! Кровь одного из них так и не удалось стереть с твоего стола. Другой умер в страшных мучениях. Военачальников ты поднял на дыбу, и персы, которых они когда-то и победили, смотрели на это, как на веселое зрелище. Парменион когда-то помог тебе уничтожить Аттала, и что же? Ты умертвил его без суда. Соблюдая очередность, ты совершаешь казни руками несчастных людей и их же приказываешь потом умертвить другим». Поднялся страшный шум, все разом закричали на Гермолая. Сопол выхватил меч и, если бы царь не удержал его, без сомнения, зарубил бы сына, однако Александр велел Гермолаю говорить и просил, чтобы все терпеливо слушали, как он сам умножает причины своего наказания.

И снова заговорил Гермолай: «Как великодушно ты позволяешь говорить юнцам, неискусным в риторике! А голос Каллисфена из-за толстых тюремных стен никто не слышит, и все потому, что человек этот умеет говорить. Почему же его не приведут, ведь выслушивают даже тех, кто сам сознался в преступлении? Выходит, ты боишься слушать правду из уст невинного человека и даже вида его не выносишь. Я заявляю: он ни в чем не виноват. Здесь стоят те, кто вместе со мной замыслил наше славное дело, но никто из нас не скажет, что Каллисфен был нашим сообщником, хотя он давно уже осужден на смерть несправедливым и безжалостным царем. И это твоя награда македонцам: их кровь ты ни во что не ценишь! Ты захватил огромные богатства,

их несут на себе 30 тысяч мулов, а твоим солдатам увезти домой нечего... Да ладно, все это мы могли бы стерпеть, пока ты не забыл о нас ради варваров, нам же, победителям, надел на шею ярмо новых обычаев. Тебе нравятся персидские одежды и персидский образ жизни. Вот и получается, что убили бы мы царя персидского, а не македонского. Отныне мы смотрим на тебя как на дезертира, перебежчика, и судим по военным законам. Ты потребовал от македонцев, чтобы они падали перед тобой ниц и приветствовали тебя как бога. От своего отца Филиппа ты отрекся, а если бы из богов кто-нибудь был выше Громовержца, то ты пренебрег бы и Зевсом. Тебе кажется странным, что мы, свободные люди, не можем терпеть твоего высокомерия? Ну как нам доверять тебе, ведь по твоей милости мы можем умереть без вины или — что еще хуже — стать рабами? Ты же, если еще можешь исправиться, будешь многим обязан мне. Ведь от меня ты впервые узнал, чего не могут выносить люди, рожденные свободными. Я встану перед тобой на колени: только пощади наших родителей. Не отягощай мучениями их одинокой старости. Ну а теперь вели нас казнить, чтобы мы своей смертью обрели то, чего хотели добиться твоей».

Речь Гермолая была пропитана духом традиций Филиппа, и, несмотря на протестующие выкрики, он договорил ее до конца. По этой речи можно судить о непримиримом отношении македонцев к авторитарным методам Александра. Речь эта очень важна

еще и потому, что она демонстрирует: несмотря на всю пропаганду Александра, трагичность и ужас происходящего, Македония горько сожалела о смерти Пармениона и других людей. На мой взгляд, речь исторически корректна. Главный ее постулат — всеобщее недовольство. Александр, должно быть, размышлял об этом. Плутарх сообщает: после того как казнили пажей и убрали Каллисфена, Александр написал своему регенту в Македонию: «Мальчишек македоняне побили камнями, а софиста я еще накажу, как, впрочем, *и тех, кто его прислал и кто радушно принимает в своих городах заговорщиков, посягающих на мою жизнь*». Последняя фраза звучит загадочно, но в словах сквозит грозный намек, возможно, на самого Антипатра и, конечно же, на Аристотеля, который, должно быть, устроил племянника в армию. Александр намекает также, что дело куда сложнее, чем кажется на первый взгляд, это не просто заговор пажей. В конце концов, новый военный поход был вызван к жизни не персидскими нововведениями, а драматической борьбой между армией и непреодолимым стремлением Александра делать только то, что он считал нужным.

Александр начал экспедицию в Индию весной 327 года до н. э. К осени 326 года его войско, как говорится, хлебнуло лиха во всех отношениях. Воины прошли сотни миль, сражались против разъяренного противника, понесли огромные потери, выдержали страшное сражение со слонами раджи Пора, столкнулись с непримиримым противостоянием брахма-

нов, пострадали от страшной жары и предательских муссонов на территориях, где находятся сейчас современный Западный Пакистан и Гиндукуш. В последние месяцы 326 г. до н. э. на реке Гидасп (Джелам) македонцы, несмотря на посулы, раздражение и угрозы Александра, заявили, что дальше не пойдут, не желали даже и обсуждать этот вопрос. Александр созвал военный совет. Он умолял, подкупал, уговаривал их следовать за ним в глубь Индии, но они отвечали ему суровым молчанием. Похоже, убедить их было невозможно.

Наконец, полководец Кен, зарекомендовавший себя в уничтожении Пармениона и Филоты, набрался храбрости и объяснил царю настроения в армии. В сохранившихся письменных свидетельствах речь его, скорее всего, обработана Птолемеем. В ней дана четкая и ясная картина настроений в армии осенью 326 года до н. э. Речь Кена — образец дипломатичности и такта. Сначала он признает, что Александр не требует «неразумного послушания» и что действовать он будет только при полном их согласии (не забывая о происшедших событиях, Птолемей, должно быть, был крайне осторожен в словах). Кен объясняет, что говорит он не от имени военачальников, а от имени простых солдат. Затем он говорит, что если войска не хотят идти, то Александр должен принять их выбор. Он советует Александру вернуться домой, к матери в Македонию. Оказавшись там, Александр может набрать новое войско и совершить с ним новые завоевания, возможно, то будут скифы за Чер-

ным морем, неплохо также отправиться вдоль африканского побережья, покорить Карфаген и Ливию. Он сможет набрать свежих молодых людей, полных энергии, это будет лучше, чем вести ветеранов, которым хочется домой. Кен добавил, что успешный человек должен знать, когда следует остановиться. Армия полностью доверяет Александру и его счастливой звезде, но ведь фортуна может и изменить.

Согласно Арриану, вторящему Птолемию, слова Кена были встречены аплодисментами и даже слезами. Александр тем не менее кипел от злости. Он хотел добиться своего, однако ни армия, ни командиры не уступали. В конце концов Александр вынужден был пойти на жертву. Он заявил, что прорицания авгуров на данный момент неблагоприятны, и, сохранив тем самым лицо, Александр сказал восторженной армии, что они пойдут домой.

Речь Кена имела большое значение. Многие историки считают, что это обыкновенное неповиновение, нежелание идти вперед. На самом деле здесь нечто большее. Это — манифест самого Птолемея, одного из военачальников Александра, и речь в нем идет не об уходе из Индии, а о нежелании последующих завоеваний. Нет сомнений, Кен возглавлял оппозицию, однако жить ему оставалось недолго: очень скоро он умер при загадочных обстоятельствах — то ли от лихорадки, то ли от какой-то хронической болезни. Впрочем, даже самый доброжелательный наблюдатель был бы озадачен тем, что к 326 году до н. э. большинство людей, не согласных с Александром,

не зажились на этом свете. Великий завоеватель был в бешенстве, и на переход по Гедросийской пустыне (находится она между современным западным Пакистаном и Ираном) следует смотреть не как на ошибку, а на нечто более злое. По свидетельству Страбона, цитировавшего Непарха:

Александра преследовало амбициозное желание — провести свою армию через Гедросию, после того как узнал, что Семирамида и Кир совершили поход в Индию, и Семирамида спасалась бегством через пустыню, причем вернулась лишь с двадцатью солдатами, а у Кира осталось в результате только семеро. Александр думал: как будет грандиозно, если ему тем же путем удастся вывести из пустыни целой и невредимой победоносную армию.

Вероятно, Александр и в самом деле хотел превзойти предыдущих властителей, но очень может быть, что, разъярившись на армию, осмелившуюся его не послушаться, он решил ее таким образом наказать. Результат в любом случае оказался бы одинаковым: гибель десятков тысяч солдат в кипящем котле пустыни. Часть людей утонула в зыбучих песках, других во время дождей снесло в океан бушующими потоками, многие погибли от жажды, других поразили солнечный удар или укус ядовитой змеи. Самого Птолемея укусила змея, но — согласно источникам — исцелило его какое-то лекарство, которое дал ему Александр. Согласно Арриану, когда Александр

выбрался из пустыни, то потерял он на этом шестидесятимильном пути больше, чем за все свои военные кампании, вместе взятые. Некоторые источники говорят, что в живых из 70 000 осталось 15 000 человек.

Александра, однако, это не отрезвило, он не только не чувствовал утраты, но даже стал еще более безжалостным. Он вернулся в восточные провинции своей Персидской империи и, перед тем как начать готовить большой военный поход, устроил то, что историк Бадриан назвал «царством террора», жестоким уничтожением любой оппозиции на всех уровнях. Пока Александр был в Индии, заниматься этим ему было недосуг, зато в короткий двухлетний промежуток до самой своей смерти в Вавилоне Александр действовал с неудержимой энергией. Гарпал, друг Александра с детства, по причине некоего физического недостатка непригодный к воинским забавам, зато весьма сведущий в счете, служил у него казначеем и в отсутствие Александра жил в Индии, как султан. Гарпал привез к себе наложниц и баловал их, как цариц, пользуясь государственной казной в полное свое удовольствие. По возвращении Александра Гарпал решил бежать, прихватив с собой часть казны, которую он должен был охранять. Какое-то время он заставлял гоняться за собой по всей Греции. Наконец его выследили на Крите и убили. Впрочем, Александру и без Гарпала было кем заняться.

Кармания была первой из восточных провинций, в которую вошел Александр по возвращении из Ин-

дии. Сатрапа Кармании Аспаста обвинили в государственной измене за то, что он не оказал достаточной помощи Александру, пока тот шел по пустыне. За обвинением последовала казнь. Высокопоставленные греческие военачальники — Ситалк, Клеандр (казнивший Пармениона), Геракон и Агафон вызваны были к царю, обвинены в различных преступлениях, включая изнасилование и присвоение чужого имущества, и быстро казнены. У военачальников была армия, насчитывавшая 6000 солдат, и Александр распорядился казнить каждого десятого человека. Тот факт, что Клеандр был братом Кена, значения в глазах царя не имел. Еще два сатрапа, отец и сын, Абулит и Оксиарт, также были казнены под предлогом неоказания помощи Александру во время последней его кампании. Абулит, услышав, что ему угрожает, принес царю 3000 талантов, чтобы он сменил гнев на милость. Александр разбросал деньги перед лошадьми. Животные, разумеется, к ним не притронулись. «Ну что, какая от них польза?» — воскликнул Александр. Оксиарт, должно быть, так разозлил Александра своими извинениями, что царь схватил пику и поразил ею сатрапа. Орсин, сатрап Персии, принес дары царю, а вот фаворита Александра, красивого, но злобного Багоя, проигнорировал, а при этом еще и сказал ему, что всегда готов одаривать царя, но только не его шлюх. Очень скоро с легкой руки Багоя против Орсина выдвинули целый ряд обвинений. Вместе с македонцем Полимахом Орсин пал жертвой царя-тирана.

Александр упорно внедрял в стране персидские обычаи. Он взял себе еще двух жен — дочерей персидских царей (дочь Оха и старшую дочь Дария) — и обязал своих военачальников последовать его примеру — жениться на персиянках. Со стороны казалось, что событие это праздничное, но на самом деле отношение командиров к вынужденным бракам было весьма негативным. Как только Александр умер, все его командиры, за исключением Селевка, отреклись от персидских жен. Историки же приветствовали навязанные царем браки, утверждая, что Александр сделал смелую попытку объединения двух культур. А вот македонские воины, напротив, хотели выбирать себе жен сами, что впоследствии и доказали, расторгнув персидские браки. Брачная стратегия Александра могла иметь и более мрачную цель. Филоту, например, выдала его любовница Антигона. Были и исключения: персидские дамы благородных кровей, Сисигамбис и Роксана, были Александру преданы. Заставляя военачальников жениться на персиянках, Александр думал о собственной безопасности: теперь у него в каждом доме было по шпионке. Александр занимался не только брачными союзами, он укреплял в армии персидский контингент. Одна из ранних инициатив Александра в этом отношении уже дала плоды. Тридцать тысяч персидских юношей из северо-восточных провинций выучились в заведении, которое можно было бы приравнять к современной военной академии. В Сузы они приехали летом 324 года до н. э. Эти молодые воины, кото-

рых Александр называл *эпигонами*, последователями, были превосходно выучены и готовы к сражениям. Македонцы над ними посмеивались, называли «юными военными танцорами», однако в душе сильно беспокоились. Эпигоны должны были стать ядром гвардии, новой образцовой армии.

Появление юных воинов, мятеж в Индии, жуткое отступление по пустыне и последовавшая за этим жестокая чистка воинского состава — все это способствовало образованию глубокой пропасти между Александром и рядовыми солдатами. В Сузах, сразу после больших свадебных пиров, Александр предложил рассчитаться по солдатским долгам. Они были обременительны для войска. Часто приходилось отдавать вещи в заклад или продавать добычу торговцам и посредникам, следовавшим за армией. Арриан рассказывает, что солдаты отказались от предложения Александра. Они не доверяли царю, думали, что все, чего он хочет, это — списка тех, кто задолжал. Александр пожурил их и с невинным видом напомнил им, что он — царь, а цари всегда говорят правду своим подданным. Затем добавил, что ему не нужны их имена, пусть лишь отдадут закладные квитанции и долговые расписки. Солдаты с радостью на это откликнулись. На самом деле операция по снятию долгов скрывала политику Александра, намеревавшегося провести чистку в армии, той самой армии, что устроила против него бунт в Индии. По возвращении в Персию Александр издал указ, согласно которому все сатрапы и наместники обязаны были

распустить свои войска. Это означало, что многие тысячи греческих наемников лишались работы и должны были с этого момента заботиться о себе сами. Люди эти, оторванные от своей малой родины, проливали на войне кровь, они были обучены военному делу и ничего, кроме него, не знали и не умели. Указ Александра ослабил силу наместников и их способность устраивать заговоры и бунты. Тем не менее царь понимал, что безработные вооруженные наемники со временем могут стать опасны. В Сузах был издан второй указ, призывавший все греческие государства репатриировать изгнанников. Делая это, Александр хотел не только избавиться от экспатриантов, но и заставить каждый город-государство на обозримое будущее заниматься собственными проблемами. Многие ссыльные были страшно обозлены, они питали кровавую вражду к тем, кто их выслал из родины, к тому же сюда примешивались сложные имущественные споры.

Александр издал эти указы в самое — на его взгляд — подходящее время. С тех пор как он вернулся из Индии, Коринфский союз и другие города-государства, включая и те, что находились в Северной Африке и Италии, направили к нему посольские делегации с выражением уважения и уверениями в лояльности. Многие послы испытывали страх и настороженность. Они боялись гнева Александра, страшились его подозрений. Послы Коринфского союза явились увитые гирляндами, словно бы при-

ближаясь к божеству, и принесли Александру золотые венки своих городов. Явление посланников было Александру весьма кстати: благодаря делегациям он укрепил и усилил свой авторитет. За указом об изгнанниках и запретом частных армий последовал третий указ — об истребовании себе божеских почестей. Этот шаг восстановил оппозицию против Александра.

За два года — с 325 по 323 год до н. э. — Александр выстроил планы будущих экспедиций и великих проектов. Некоторые историки обсуждали длинный список этих проектов, их приводит в своей работе Диодор Сицилийский. Большинство из них кажутся вполне жизнеспособными. Арриан пишет о планах направить экспедицию вокруг Африки с заходом в западную часть Средиземноморья, с тем чтобы напасть на независимый Карфаген и Ливию. В остальных планах намечался поход к северному побережью Черного моря и проведение военной кампании против скифов. Плутарх и Курций уделяют особенное внимание походу в Северную Африку. Там предполагалось строительство дорог, гаваней и флота. Александр мечтал о новых войнах, прежде всего против Аравии, а для этого нужно было построить новый военный порт в Вавилоне, достаточно большой, чтобы принять 1000 кораблей. Предполагалось, что Неарх возглавит морской контингент и отправится в Аравийское море для разведки и сбора информации. Прошлые неудачи Александра не останавливали, он

был нацелен на войну, тем более что в этот раз у него будет новая, всецело ему преданная армия. Не будет ни бунтов, ни сопротивления.

В конце лета 324 года, прибыв в Опис, Александр созвал македонское войско на равнину перед городом и объявил о своем решении отправить на пенсию около 10 000 ветеранов, не годных более для активных боевых действий. Александр намерен был завершить то, чему положила начало пустыня Гедросии. Армия отлично понимала его планы: Александр проводил генеральную чистку войска. Заявление его было встречено шумом, улюлюканьем, неодобрительными громкими криками. Солдаты требовали, чтобы он отправил домой их всех, а сам шел бы воевать. И пусть на поле битвы ему помогут новоявленный отец Амон и персидские танцоры. О настроении Александра можно судить по его реакции. Он спрыгнул с трибуны прямо в воинские ряды, схватил самых крикливых солдат и потащил их к персидским своим телохранителям, с тем чтобы те немедленно их казнили. Схвачено и предано смерти было более дюжины человек. Александр вернулся на трибуну. Из той речи, что он произнес, ясно следует: мятеж в Индии произвел на него слишком сильное впечатление. Он обвинил войско в том, что оно его покинуло, не дало ему никакого выхода и потому ему пришлось обратиться к варварам. Александр долго бушевал, стоя на возвышении, а потом издал несколько приказов. Персидские войска заменят македонцев, командирами подразделений отныне ста-

нут персы, и в ближайшем его окружении появятся высокопоставленные персидские вельможи.

Интересно отметить, что из штаба Александра никто сторону войска не принял. В этот раз не было Кена, никто не произносил честных и откровенных речей. Возможно, все были слишком напуганы. Македонские солдаты остались предоставленными самим себе. Войско направило делегацию в шатер к горюющему, словно Ахилл, Александру. Солдаты, рыдая, униженно просили простить их. Александр — прекрасный актер — встретил их с глазами, полными слез, и обменялся с некоторыми из них братским поцелуем. В Описе устроили большое пиршество: надо же отпраздновать воссоединение царя и «его детей» — македонцев и персов. Некоторые историки до сих пор прославляют тот эпизод, считая его великим проявлением единства. На самом деле Александр, улыбавшийся и провозглашавший здравицы в честь македонцев, ничуть не изменился. Чистка армии продолжилась, на этот раз пилюля была сильно подслащена. Отставленные македонцы получали деньги на обратную дорогу и премию размером в один талант. Им, правда, полагалось оставить своих персидских жен и прижитых с ними детей. Добрый, заботливый Александр пообещал им, что сам позаботится о детишках. Царь освободился от нарушителей спокойствия, одновременно наказывая и награждая смутьянов. Войско должно было вернуться в Македонию под предводительством Кратера, самого лояльного царю военачальника. Этого человека

солдаты любили. Кратер должен был обеспечить хорошее поведение солдат. У него, кроме того, имелась секретная инструкция: вернувшись в Пеллу, расправиться с Антипатром. (Антипатр был правителем в Македонии с тех пор, как одиннадцать лет назад Александр уехал оттуда.) Кратер ушел и увел с собой 10 000 ветеранов. Более они с Александром уже не увиделись.

Нет письменных свидетельств о другой группе, которую Александр должен был подготовить к чистке. Состояла эта группа из военачальников и командиров конницы, «друзей»-гетайров и гиппархов. Единственный намек, по которому мы можем судить о недовольстве ими Александра,— это полное их молчание в течение двух лет террора. Александр не забыл об их индийском мятеже, о том, что, когда он обратился к ним за поддержкой, они не проронили ни слова. Не забыл и аплодисментов, которыми они встретили речь Кена. Эти «порфиросные повелители», делившие с царем ужин, сломались, должно быть, в результате слежки за ними царственного параноика. Инцидент в Описе дает возможность почувствовать ситуацию. Когда Александр мрачно удалился в шатер и составил указ, согласно которому персидские аристократы должны были влиться в его окружение, он, скорее всего, ненавидел таких полководцев, как Пердикка, Птолемей и пр.

В своей речи в Описе Александр напомнил войскам о том, что нынешним благоденствием они обязаны ему. Согласно Плутарху, Александр держал та-

кую же речь и перед своими сподвижниками. Александр щедро вознаградил их, лично заботился о каждом военачальнике и часто журил за возраставшую изнеженность. Плутарх пишет:

Он [Александр] видел, что его военачальники изнежились и роскошь их превысила всякую меру, питались они одними деликатесами. Теосец Гагноп носил башмаки с серебряными гвоздями. Леоннату привозили на верблюдах песок из Египта: он натирался им, когда шел в гимнасий¹. У Филоты скопилось так много сетей для охоты, что их можно было растянуть на сто стадиев. При купании и натирании друзья царя чаще пользовались благовонной мазью, чем оливковым маслом, повсюду возили с собой банщиков и слуг, которые готовили им постель. За все это царь журил своих приближенных. Александр высказывал удивление, как это они, побывавшие в стольких жестоких боях, не помнят о том, что потрудившиеся и победившие спят слаще побежденных. Разве не видят они, сравнивая свой образ жизни с образом жизни персов, что нет ничего более рабского, чем роскошь и нега, и ничего более царственного, чем труд? «Сможет ли кто-либо из вас, — говорил он, — сам ухаживать за конем, чистить свое копье или свой шлем, если вы отвыкли прикасаться руками к тому, что всего дороже, — к собственному телу? Разве не знаете, что конечная цель победы

¹ Гимнасий — помещение для физических упражнений.

заключается для нас в том, чтобы не делать того, что делают побежденные?» Сам Александр еще больше, чем прежде, подвергал себя лишениям и опасностям в походах и на охоте. Но его друзья, разбогатев и возгордившись, стремились только к роскоши и безделью, они стали тяготиться скитаниями и походами и постепенно дошли до того, что осмеливались порицать царя и дурно отзываться о нем. Сначала Александр относился к этому очень спокойно. Он говорил, что царям не в диковинку слышать хулу на свои благодеяния.

Приведенные слова Плутарха в высшей степени примечательны. Они раскрывают отношение Александра к командирам перед походом в Индию. Ну как же, ради их же пользы беспокоится из-за разгильдяйства, желая почивать на лаврах, наслаждаться плодами прежних завоеваний. Такое отношение Александра можно понять. К тому времени они сожгли Персеполь, вынули сердце Персидской империи, отомстили за причиненные им обиды, приумножили царское состояние. Перспектива похода на край Земли не казалась им более привлекательной. Подобно всем солдатам на свете, в каком бы веке те ни жили, командиры считали, что работу свою они честно исполнили, и теперь хотели пойти домой. Призыв Исократы, изложенный в его «Обращении к Филиппу» и касавшийся объединения греческих городов против персов, исполнен. Такие настроения

военачальников были чужды Александру, и в результате, вместе с усиливающейся у царя паранойей и желанием делать все по-своему, создалась опасная обстановка.

Индийская кампания к тому времени была закончена. Кен подытожил отношение военачальников к сложившемуся на тот момент положению вещей: им больше ничего не надо, они хотят домой, пора насладиться плодами побед. Если Александр хочет продолжения военной кампании, пусть идет домой, собирает новое войско и идет с ним, куда захочет. Настроения Кена были поддержаны в более слабой степени одним из его бригадных командиров — Мелеагром. Александр только что вручил щедрые дары индийскому принцу Таксилу. Мелеагр прокомментировал этот поступок так: жаль, что Александру пришлось проделать весь этот долгий путь до Индии для того лишь, чтобы одарить там одного человека. Александр ответил, что завистливые люди вредят сами себе. Происшедшее свидетельствовало о негодовании высокопоставленного военачальника, изможденного тяжелыми походами и считавшего, что к вражеским командирам царь относится куда лучше, чем к нему, честно исполняющему свой долг. Несмотря на вскипевшую ярость, Александр был достаточно хитер, чтобы понимать: сердца командиров, таких как Мелеагр, ему уже не принадлежат. Воевали они уже девять лет, на их глазах погибали друзья, им довелось перенести ужас

Гедросии. Они не могли не видеть, что их товарищи — Парменион, Филота, Клит, Каллисфен, Кен, Клеандр — и другие люди, выполнявшие труднейшие задания Александра, пали жертвой царя, стоило им хоть чем-то ему не угодить. Они были свидетелями чистки армейских рядов по возвращении Александра из Индии, слышали в Описе зловещую угрозу царя — распустить армию и набрать варваров. Конца войне не было видно. Александр планировал новые кампании. Кроме Кратера, Александр не назначил никого из ближайшего своего окружения сатрапом или губернатором. Александру наверняка требовались македонцы-военачальники, только вот он им не доверял. Если они шли за ним, то он до поры до времени относился к ним благожелательно, приглашал на пирушки, но в случае проступка на их место тут же ставил персов. Все они согласились бы с Аррианом, что жажда завоеваний у Александра была ненасытной.

Плутарх ясно дает понять: когда в 323 году до н. э. Александр вошел в Вавилон, он уже более не доверял своему окружению. Чувство это было взаимным. Бунт у реки Гидасп (Джелам) усилил недоверие. Вскоре после того инцидента, планируя выход из Индии по суше и по морю, Александр советовался с Неархом, кто, по его мнению, мог бы возглавить флотилию в Индийском океане. По зафиксированному в письменном источнике свидетельству Неарха — командующий флотом был о себе необычайно высо-

кого мнения — царь ни в ком не был уверен, чтобы поручить столь важную миссию.

Неарх говорит, что Александр обсуждал с ним, кого следует назначить командовать флотилией. Называлось то одно, то другое имя. Александр отвергал одних за то, что они не хотят рисковать ради него своей жизнью; о других говорил, что у них заячье сердце; третьи слишком хотели побыстрее прийти домой, в результате возражения вызвали все кандидатуры.

Этому свидетельству, судя по всему, можно доверять. Беседа Александра с Неархом соответствует речи Кена на военном совете, да и речи, с которой в 324 г. до н. э. в Описе обращался к македонцам сам Александр. Первопричину недоверия следует искать в уже приведенном нами свидетельстве Плутарха, где Александр высказывается о стремящихся к роскоши военачальниках. Александр относился к коллегам с подозрением и ревностью. Оппозицию Александру — Филоту, Клита и Гермолая — связывало убеждение, что Александр присваивал себе всю славу, не признавая вклада других командиров. Не случайно то, что Птолемей, один из главных источников Арриана, подчеркивает собственные достижения при жизни великого завоевателя. Даже античные источники отмечают натянутые отношения Александра со своим близким окружением. Римский писатель Эли-

ан в «Пестрых рассказах» приводит фрагмент, в котором Александр дает оценку своему командованию. Оценка эта не слишком лестная.

Александр, как говорят, по разным причинам завидовал своим сподвижникам. Ему не давали покоя опытность Пердикки в военном деле, полководческая слава Лисимаха, отвага Селевка, печалило честолюбие Антигона, досадовал военачальнический талант Антипатра, вселял подозрения гибкий ум Птолемея, страшили беспутность Таррия и склонность Пифона к новшествам.

Возможно, Александр и в самом деле щедро вознаграждал своих командиров, но ведь он обязан был им телом и душой. Тем не менее относился к ним с осторожностью, вскипал от ярости из-за их расхлябанности или упрямства. Я уже упоминал, как он отреагировал на смех Полисперхонта, которому показалось забавным то, что перс упал ниц перед царем. Квинт Курций рассказывает, как «Александр взъярился: ударил полководца, бросил его на пол и приказал лежать там, как и все остальные». У начальника армейского секретариата Эвмена он попросил взаймы, и когда тот, пожадничав, дал ему скромную сумму, Александр, разгневавшись, приказал спалить палатку Эвмена. Царь устроил такой же поджог, когда двинулся в Индию, чтобы освободиться от ненужного багажа, а также продемонстрировать свою решимость завоевать новые сокровища. Александр

сжег собственные повозки с сокровищами и потребовал, чтобы его соратники сделали то же самое. Управлял он ими железным кнутом. Когда, рассорившись, Гефестион и Кратер пошли друг на друга с мечами, Александр вмешался и поклялся, что если такая сцена повторится, он лично убьет первым начавшего спор. Эфипп заявляет, что Александр «был очень жестоким человеком, не ставившим ни во что человеческую жизнь». В Эктабанах летом 324 года до н. э. неожиданно скончался Гефестион, и это событие еще больше омрачило душу царя. Военачальники, которые ссорились с Гефестионом, были страшно напуганы: а вдруг Александр вне себя от горя вспомнит ночью об их ссорах с покойным фаворитом? Они соревновались друг с другом, стараясь воздать Гефестиону самые высокие почести. Эвмен — по свидетельству Плутарха — особенно усердствовал. Об этом же пишет и Квинт Курций, он добавляет, что слезы приближенного, выступавшие ему на глаза всякий раз, как он проходил мимо могилы Гефестиона, могли быть поняты «неистовым царем» превратно, а потому Пердикка вовремя вмешался и предупредил Эвмена о возможных последствиях такого поведения. Как мы увидим впоследствии, горе Александра от потери фаворита могло произрастать не только от печали, но и от гнева и подозрений. Он распял на кресте врача, лечившего Гефестиона, а такую казнь персы устраивают предателю.

К моменту прибытия в Вавилон Александр потерял двух любимых своих командиров. Гефестион от-

правился к богам, а Кратер, возглавивший 10 000 ветеранов, ушел вместе с ними в Македонию. Он должен был выполнить секретный приказ — убрать Антипатра. Военачальники, не забывшие слов, произнесенных Александром в Описе, думали, должно быть: уж не стоит ли Антипатр первым на выбывание в царском списке? В 334 году до н. э. этот ветеран, командовавший еще в армии Филиппа, сыграл важную роль в переходе власти в руки Александра. Антипатр представил тогда Александра македонскому собранию и тесно сотрудничал с новым царем, помогая ему уничтожить Аттала, а также принимал активное участие в военных приготовлениях к походу через Геллеспонт. Александр фактически оставил Антипатра царем Македонии вместе со своей неистовой матерью, которая, возможно, получила от сына инструкцию приглядывать за Антипатром. Это был хороший шаг — разделение полномочий. Антипатр и Олимпиада боролись друг с другом до тех пор, пока царица и ее дочь, не выдержав, не отправились в самовольную ссылку в родное царство Олимпиады — Эпир.

Поначалу, казалось, что Александр рассматривает эту борьбу как составную часть политики. Мать свою он знал. К тому же Антипатр сыграл жизненно важную роль, и покуда «македонский волк» опустошал Персидскую империю, регент проделал отличную работу. Антипатр защитил Александра, когда Дарий по совету хитроумного военачальника Мемнона из Родоса проводил двучинную политику, дабы

предотвратить македонское нашествие. Персидский царь надеялся отрезать Александра от его базы в Македонии и открыть второй фронт в Греции. Персы посылали деньги, корабли и людей Агису из Спарты, единственному правителю, отказавшемуся признать македонскую власть. Несмотря на постоянные споры с Олимпиадой, Антипатр блестяще решил проблему, одержав великолепную победу в 331 году до н. э. под стенами Мегалополя, разбил Агиса и его войско. Александр, казалось бы, должен был остаться доволен, но не такой это был человек: успех других он не признавал и окрестил победу Антипатра «мышиной возней».

Олимпиада засыпала сына письмами, которые, по свидетельству Плутарха, царь читал с усмешкой. Тем не менее ситуация со смертью Пармениона и казнью зятя Антипатра Линкестиды драматически изменилась. Реакция Антипатра на уничтожение клана Пармениона процитирована в «Моралиях» Плутарха: «Если Парменион замышлял против Александра, то кому тогда верить? И если не замышлял, то что надо делать?»

Антипатр был проницательным политиком и понял, что означает смерть Пармениона: теперь никто не может считать себя в безопасности. Поэтому он сосредоточил свое внимание на втором вопросе и немедленно начал секретные переговоры с этолийцами — еще одним источником оппозиции Александру в Греции. Смерть Клита потрясла Антипатра еще больше. Александр с помощью шпионов и любимой

матери, должно быть, почувствовал перемену настроения Антипатра. Наместник значился первым в списке Александра, когда он вернулся из Гедросии. Теперь же он начал прислушиваться к жалобам Олимпиады и к гонцам, которых она к нему направляла. Он заподозрил, что Антипатр ведет себя с ним нечестно, и начал публично выражать свои сомнения на его счет. Когда кто-то в его присутствии по глупости похвалил старого полководца, Александр сердито проворчал: «Хотя кожа Антипатра кажется белой, изнутри она у него красная». Другими словами, у Антипатра имперские амбиции. Александр решил с ним посчитаться. 10 000 ветеранов, шедших домой с Кратером, были могучей ударной силой, способной справиться с любой оппозицией, тем более что воинов в результате бесконечных военных кампаний Александра становилось в государстве все меньше. Отныне Кратер должен был стать наместником Македонии. В письмах Антипатру и Аристотелю Александр намекнул, что предательство Каллисфена выросло не на пустом месте: прозрачное предупреждение наместнику. Интересно поразмышлять, что предполагалось сделать. Когда на смертном одре Александра спросили, кому он оставляет империю, он ответил: «Kratisto», то есть сильнейшему, впрочем, он, возможно, сказал: «Kratero», то есть Кратеру, любимому отныне военачальнику.

В приступе паранойи Александр, возможно, поверил в то, что Антипатр, как и Парменион, Клиг и Кен, был зачинщиком заговора и возможным источ-

ником будущих серьезных неприятностей. Если Антипатр будет удален, а его место займет Кратер, Александр будет спокоен: отсюда, из родового гнезда он усилит контроль над всей Грецией и над семьями ближайшего своего окружения. В то же самое время Александр пригласил Антипатра ко двору, и после двух лет большого террора многие, должно быть, подумали, что за приездом Антипатра в Вавилон следует быстрая его казнь. Антипатр понял грозившую ему опасность, он схитрил и послал своего сына Кассандра, знавшего Александра с юных лет, прошедших в роце Миезы.

Кассандр приехал в 323 году до н. э. и немедленно вступил с царем в конфликт. Плутарх рассказывает подробности.

Особенно боялся царь Антипатра и его сыновей, один из которых — Иолл — был главным царским виночерпием, а другой, Кассандр, приехал к Александру лишь недавно. Кассандр однажды увидел каких-то варваров, простершихся ниц перед царем, и как человек, воспитанный в эллинском духе и никогда не видевший ничего подобного, громко рассмеялся. Разгневанный Александр схватил обеими руками Кассандра за волосы и ударил его головой о стену. В другой раз, когда Кассандр пытался что-то возразить людям, возводившим обвинение на Антипатра, это вызвало раздражение у Александра. «Что ты там толкуешь? — сказал он. — Неужели думаешь, что эти люди, не претерпев никакой обиды,

проделали такой длинный путь только ради того, чтобы возвести клевету?» — «То, что они пришли издалека, — возразил Кассандр, — и доказывает несправедливость обвинения: затем издалека и пришли, чтобы их труднее было уличить во лжи». Александр рассмеялся: «Знаю я эти софизмы Аристотеля, умение говорить об одном и том же и “за” и “против”. Но берегитесь, если обнаружится, что вы хоть чем-то обидели этих людей!» Вообще, как общаются, непреодолимый страх перед Александром глубоко и прочно проник в душу Кассандра. Много лет спустя Кассандр, ставший к тому времени царем македонян и властителем Греции, прогуливаясь по Дельфам и, разглядывая статуи, неожиданно увидел изображение Александра. В этот момент он почувствовал головокружение, задрожал всем телом и едва смог прийти в себя.

Напуганный Кассандр явился ко двору. Здешняя атмосфера под прикрытием этикета и протокольных правил дышала обидами и взаимной неприязнью. Окружение Александра, должно быть, страшно боялось своего царя. Означает ли это, однако, что его сподвижники хотели устроить против него заговор и довериться Антипатру, военачальнику, которого не видели одиннадцать лет? Человеку, против которого спустя два года со дня смерти Александра все они объединятся в смертельной схватке?

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Заговорщики?

То божия судьба... то божья воля.

Еврипид. «Андромаха»

Сподвижников Александра вряд ли назовешь братским союзом, преданным одной идее. На самом деле члены этой группы были разобщены, их раздирали ревность и соперничество. Александр был молод, и всем кажется, что и сподвижники его были столь же молоды, однако это ошибочное мнение. Его военачальники имели разное происхождение и возраст у них был разный. Пармениону, Антипатру и Одноглазому Антигону было уже под шестьдесят, и они долгие годы служили у Филиппа. Птолемею в 323 году до н. э. минуло сорок четыре года, Эвмен также успел послужить у Филиппа. Более важно то,

что происхождение Эвмена было низкое, да и родом он был из Кардии, а ксенофобски настроенные македонские придворные, кичившиеся голубой кровью, считали это страшным недостатком. После смерти Александра сразу же началась борьба за престолонаследие, Эвмену постоянно напоминали, что он не македонского происхождения. Неарх, которого в последние два года Александр всячески привлекал, тоже не был македонцем: родился он на Крите, однако командующий флотом кичился своими достижениями и заявлял, что ему следует оказывать предпочтение по сравнению с остальными. Приходившиеся друг другу свояками Пердикка и Аттал были, как и Леоннат, родом из Орестиды. Эти люди, за исключением Птолемея, были фигурами незаметными, державшимися в тени Александра. Некоторые из них едва уцелели в жестоких схватках и интригах, начавшихся сразу после смерти великого завоевателя. Диодор назвал Пердикку «кровожадным человеком», впрочем, такое определение подойдет и всем остальным. Они были воинами и, даже сидя за одним столом, в любой момент были готовы наброситься друг на друга. Курций высокопарно называет их «порфиросными повелителями», другие источники — диадохами, последователями. За пять лет, что прошли после смерти Александра, они непрерывно дрались друг с другом. Они были хищниками, подобными леопардам, а Александр — их вожаком. Они готовы были объединиться против общего врага, но стоило

обстоятельствам измениться, и они набрасывались друг на друга.

В 321 году до н. э., когда Пердикка заявил свои права на империю, обстоятельства резко изменились и кровь полилась рекой. Еще при жизни Александра взаимоотношения верхушки были напряженными. Неоптолем часто высмеивал Эвмена, говорил, что тот «следовал за Александром, не выходя из-за стола». Неудивительно, что, когда хищники сцепились друг с другом в борьбе за престолонаследие, Эвмен и Неоптолем оказались в противоположных лагерях. Плутарх сообщает подробности:

Тем временем Неоптолем и Эвмен сошлись в единоборстве. Оба давно и яростно ненавидели друг друга, и в этот день вражда их только усилилась. С выхваченными из ножен мечами понеслись они навстречу друг другу с громкими криками. Лошади сшиблись, причем удар был таким мощным, что казалось, то налетели друг на друга две триеры. Противники побросали поводья и сошлись в схватке вплотную. Один старался сорвать шлем, другой — нагрудник кирасы. Руки их были заняты, а потому лошади вышли из повиновения и сбросили их с себя. Оба всадника грохнулись оземь, но рук не разжали, ни один не хотел уступить. Неоптолем начал подниматься первым, когда Эвмен ранил его в ногу, а потому и вскочил раньше соперника. Раненный в колено, Неоптолем перенес опору на другую ногу и

боролся с большой отвагой, однако не сумел нанести противнику смертельный удар, зато это сделал Эвмен: он ранил Неоптолема в шею, тот потерял сознание и опрокинулся на землю. Эвмен, пылая от ненависти, быстро снял с него оружие, осыпая его при этом проклятиями, но не заметил, что меч у Неоптолема по-прежнему в руке. Неоптолем поразил его мечом под кирасу. Удар, однако, был слабым и больше напугал Эвмена, нежели причинил ему вред.

Бывали у Эвмена и серьезные схватки с Гефестионом, как, впрочем, и у Кратера, который пошел на царского фаворита с мечом. Плутарх рассказывает о «несчастном случае на охоте», когда Кратер был ранен в ногу копьем Пердикки. Это мог быть и несчастный случай, и удачная возможность покончить с соперником. Ничто так сильно не подчеркивает зловещую натуру этих хищников, как лишение Филоты власти. Филота был македонцем, отличным командиром конницы, внесшим огромный вклад в победу Александра над Персией. На основании сомнительной улики его обвинили в предательстве. Как свидетельствуют источники, все перестали с ним разговаривать. Квинт Курций рассказывает о соперничестве между так называемыми «товарищами» Александра. Все они обрадовались возможности уничтожить Филоту.

Кратер был царю дороже многих друзей, и из соперничества он недолюбливал Филоту. Кроме того,

он знал, что Филота часто бахвалился перед Александром своей доблестью, преувеличивая заслуги, и этим внушал подозрения если не в преступлении, то в высокомерии. Думая, что более удобного случая уничтожить соперника ему не представится, Кратер скрывал свою ненависть под видом преданности царю.

То, что последовало за этим, напоминает рассказ о разборке мафиозных главарей, набросившихся скопом на того, кто послабее. Курций рассказывает:

Гефестион, Кратер и Кен решили, что правду нужно вырвать из него пытками; остальные пришли к тому же мнению. На этом совещание закончилось. Гефестион, Кратер и Кен поднялись, чтобы пойти к Филоте и учинить ему допрос. Царь послал за Кратером, поговорил с ним, содержание их беседы осталось неизвестно. Александр вернулся к себе, где в одиночестве провел большую часть ночи, ожидая результата инквизиции... Палачи разложили перед Филотой инструменты пыток. «Отчего же вы медлите? — воскликнул он. — Почему сразу не убьете врага, как уже сознавшегося убийцу царя? К чему устраивать пытки? Я сознался в злом умысле». Кратер потребовал, чтобы свое признание он повторил на дыбе. Они потащили Филоту, сорвали с него одежду, завязали глаза, а тот обращался к палачам, не желавшим его слушать, к богам, к законам. Не смотря на то что он был уже осужден, человека за-

ставили перед смертью страшно страдать. Его буквально истерзали убийцы, выслуживавшиеся перед царем. Использовали они то огонь, то кнут и не с целью добыть из него сведения, а ради наказания. Он же вынес все пытки, ни разу не вскрикнул и не застонал. Но после, когда тело его распухло, а кнуты продолжали его стегать и добрались до костей, не в силах выносить агонию, он пообещал: если мучения прекратятся, он скажет то, чего они от него добиваются.

Даже и этим они не удовлетворились, им нужно было еще: они опять применили к нему пытки, кололи лицо и глаза копьями, все для того, чтобы вырвать признание в совершенном преступлении.

В битвах за престолонаследие такая жестокость бывших друзей и последователей Александра была делом обыкновенным. Антигон Одноглазый заморил Эвмена до смерти. Кратера зарезали ножом, Пердикку убили его же люди. Александр предчувствовал, что это случится. На смертном одре он предрек, что сразу же после похорон начнутся большие споры и все передерутся. Римский историк Юстин беспристрастно свидетельствует о том, что происходило после смерти Александра.

Военачальники... жаждали золота и трона... ибо были они людьми таких способностей и такого авторитета, что любого из них можно было принять за царя. Каждый был столь величествен, атлетически

сложен, столь умен, что тот, кто увидел бы их впервые, решил бы, что отбирали их специально и даже не из одной страны, а из народов всего мира. Никогда раньше — ни в Македонии, ни в любой другой стране — не было такого большого количества выдающихся людей, столь тщательно отобранных сначала Филиппом, а потом и Александром. Казалось, всем им по силам не то что возглавить армию, но и править государством. Кто после этого удивился бы, что им покорился мир, если македонскую армию вели за собой не просто полководцы, но царицы? В другое время для любого из таких людей не нашлось бы достойных противников, однако у Македонии вместо одного оказалось много Александров, вот они и перессорились друг с другом. Уж не Судьба ли вселила в них всех дух соперничества для того, чтобы всех же и погубить?

К 323 году до н. э. обстановка в македонском командовании стала чрезвычайно напряженной. Полководцы опасались подозрительного царя, а тот — после индийского мятежа — отвечал им таким же недоверием. На этих людей он уже не мог полагаться. На родине, в далекой Македонии, Антипатр так же боялся того, что может произойти. Он догадывался, что его ожидает судьба Пармениона и его клана, и потому принялся готовить заговор против Александра. Почти все источники называют заговорщиками Антипатра и его сына Кассандра. Александр лично оскорбил Кассандра, и потому тот всю дальнейшую

жизнь питал ненависть и к родственникам Александра, и к самому имени царя. В 323 году до н. э. Кассандр явился ко двору Александра. Там за ним, как и за всей его семьей, включая брата, виночерпия Иолла, неусыпно следили. Александр был прирожденным бойцом и потому, соблюдая дистанцию, держал семью Антипатра под строгим контролем. Это подтверждает описанный Плутархом в «Моралиях» эпизод, когда, явившись ко двору, Кассандр попытался переманить музыканта Эвия, чем навлек на себя гнев Александра. За Кассандром, стало быть, наблюдали, так же как и за его братом Иоллом.

Старый лис Антипатр никогда бы не доверил собственную жизнь и жизни своих сыновей группе командиров, которых он не видел вот уже одиннадцать лет. Люди эти уничтожили его товарищей, таких как Парменион, Филота, Клит, не говоря уже о собственном его зяте Линкестиде. Обстановка была слишком опасной. Каждый заговор против Александра заканчивался предательством одного из его участников. Царский двор изобиловал шпионами. Антипатр с Кассандром должны были найти кого-то, кому можно было довериться, и кто же это, как не личный телохранитель Александра, распорядитель его двора, дегустатор, старый друг Клита, незаконнорожденный сын Филиппа Македонского, популярный в армии военачальник Птолемей, сын Лага?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Птолемей — убийца?

Но кто-нибудь с тобою тоже был?

Еврипид. «Андромаха»

Птоlemeю, сыну Лага, было около сорока четырех лет, когда Александр скончался в Вавилоне в июне 323 года до н. э. Птолемей был македонцем по происхождению, сыном благородной Арсиной, но в отношении его отца, однако, имеются некоторые сомнения. Квинт Курций говорит о слухах, согласно которым Птолемей был незаконнорожденным сыном Филиппа. Беременную Арсиною быстро тогда выдали замуж за Лага, дальнего родственника царя. Об этом рассказывает греческий писатель Павсаний: «Македонцы думают, что Птолемей — сын Филиппа, хотя формально он считается сыном Лага. Пред-

полагают, что мать его была беременна от Филиппа, когда ее выдали за Лага». Итак, вероятно, Филипп — отец Птолемея. На серебряной тетрадрахме, отлитой в Александрии через восемнадцать лет после того, как Птолемей захватил египетский трон (305 г. до н. э.), мы видим черты лица, весьма схожие с лицом Филиппа, скульптурные изображения которого обнаружены в его гробнице в Вергине: кудрявые волосы, крупный нос, сильный, слегка выдающийся подбородок, чувственные губы, опущенные уголки глаз, цинично-насмешливый взгляд. Отчима Филиппа также звали Птолемей, и это имя вместе с сильным внешним сходством указывает на возможность того, что Птолемей Сотер был незаконнорожденным сыном Филиппа II. Это же объясняет близость Птолемея к Александру, как и его популярность у македонских солдат. Птолемей, судя по всему, унаследовал обаяние своего настоящего отца, широту натуры и щедрость. Унаследовал он и хитрость Филиппа, а также военный талант.

Вероятно, в юные свои годы Александр держал Птолемея в тени, чтобы защитить его от убийственной ревности Олимпиады. Судьба Арридея, не говоря уже о смерти малютки Карана (сына Филиппа II и Клеопатры), является убедительным свидетельством ненависти Олимпиады к любому, несущему угрозу возлюбленному ее сыну Александру. Согласно довольно темному источнику, когда Лаг узнал, что в семейное его гнездо подброшен «кукушонок», он выставил младенца на улицу, и тот бы умер, если бы

не царь птиц — орел, который его и спас. Источник утверждал, что именно поэтому ставший впоследствии царем Египта Птолемей отливал монеты с изображением орла. Конечно, очень может быть, что все это легенды, хотя Птолемей явно не возражал против их распространения.

Плутарх пересказывает в «Моралиях» историю о том, как после смерти Александра Птолемей стал царем Египта. Птолемей посмеялся над довольно невежественным грамматистом, который не мог сказать ему, кто был отцом Пелея¹. Грамматист, взъерившись, ответил, что он мог бы ответить на вопрос Птолемея, если бы тот сказал, кто его настоящий отец. Птолемей расхохотался и отвернулся. Можно не сомневаться в том, что Филипп с большим вниманием относился к Птолемею. Тот был старше законнорожденного Александра лет на одиннадцать. Птолемея включили в число учеников академии Аристотеля в роще Миезы. Обучение, должно быть, оказало глубокое влияние на Птолемея. Будучи царем Обеих земель (так называли Египет) Птолемей приобрел репутацию покровителя искусств и художников, а также основателя Мусея и библиотеки в Александрии. Хотя Птолемей был значительно старше главного ученика Аристотеля, в академию его записали при условии, что безопасность его там будет гарантирована. Позднее Птолемей взял на себя роль

¹ Пелей — мифический царь Фтии в Фессалии, сын героя Эака.

личного телохранителя Александра. Он возглавил личную охрану царя, стал дегустатором пищи царя. Все это обеспечило ему влияние и доступ к Александру на ту самую роковую пирушку у Мидия 29 мая 323 года до н. э.

Птолемей, само собой разумеется, являлся постоянным членом свиты Александра. В отличие от Филоты он, возможно, не шпионил за Филиппом. Когда Александр в 330 г. до н. э. был наказан за историю с Пиксодаром, Птолемей вместе с другими приближенными Александра был отправлен в ссылку. Соответственно его не было в Македонии, когда Филиппа убили. Вернулся он, после того как Александр пришел к власти. Птолемей помогал Александру в военных кампаниях, прежде чем тот переправился через Геллеспонт. Когда царская армия в 334 году до н. э. переправилась на другой берег, Птолемя считали другом и сподвижником Александра, хотя независимой власти у него вроде бы и не было. Арриан, взявший за основу мемуары Птолемя, утверждает, что Птолемя сразу включили в число телохранителей, однако, согласно другим источникам, случилось это лишь после низвержения Филоты. О причине такого противоречия поговорим позже.

После великой победы царя при Гавгамелах (331 г. до н. э.) Птолемей получил повышение: ему доверили командование 3000 пехотинцев. Необходимо было провести операцию по очистке захваченной территории противника. Птолемей не упускал возможности блеснуть своими талантами, и Арриан об

этом тоже говорит. Во время военных операций Птолемей и его люди сходились с врагом в рукопашной борьбе. Птолемею, похоже, нравилась двойная его роль: личный телохранитель Александра стал теперь и командиром подразделения специального назначения.

После Гавгамел Александр погрузился в борьбу против сатрапов, правивших персидскими провинциями и отказавшихся принять македонское владычество. Одним из наиболее яростных персидских противников Александра был сатрап Бесс. Он был замешан в заговоре с целью убийства прежнего правителя, царя царей Дария. Как только Дарий был убит и удален с политической сцены, Бесс объявил себя законным престолонаследником и назвал себя Артаксерксом V. Александр вознамерился схватить убийцу и провозгласить себя преемником Дария. В 329 году до н. э. он перешел через реку Окс¹ и бросился вдогонку за Бессом, а тот отступил в горные провинции Персидской империи. Александр объявил, что претензии у него к одному только Бессу, и это был мудрый ход: так он избавил себя от потенциального сопротивления персов. В противном случае провинциальная знать Согдианы могла бы оказать Бессу поддержку. Два соратника Бесса — Спитамен и Датаферн — изменили ему, посадили Бесса под домашний арест и пригласили Александра забрать его. Арриан, основываясь на записках Птолемея, описыва-

¹ Окс — ныне Амударья.

ет, как Александр послал летучий отряд под предводительством Птолемея в лагерь Спитамена с тем, чтобы взять преступника. Птолемей превзошел самого себя, управившись за четыре дня. Он с гордостью сообщает, что мог бы захватить и десять командиров. Когда он приехал в персидский лагерь, то обнаружил, что Спитамен и Датаферн вздумали его перехитрить. Они покинули лагерь, хотя и не забрали с собой Бесса: тот все еще находился под домашним арестом в соседней деревне. Птолемей во главе конного отряда поспешил к деревне, окружил ее и, проведя стремительную операцию, захватил Бесса. Затем преданный командир Птолемей послал Александру письмо, спрашивая царя, что надлежит ему сделать с узником. Александр ответил, что никаких почестей Бессу не положено, его надо раздеть догола, накинуть на шею собачий ошейник и поставить возле дороги, пока туда не приедет сам Александр. Птолемей сделал все, как ему было приказано. Приехав, Александр вышел из колесницы и допросил пленного, после чего обвинил его в цареубийстве и узурпации власти. Приказал выпороть Бесса, изуродовать ему лицо, после чего отправил обратно в Персию и выставил для публичного обозрения, а затем казнил.

История с Бессом способствовала тому, что о Птолемея заговорили как о хитроумном командире и верном подданном. Возможно, что у самого Арриана закрались в этом отношении сомнения, потому что он упоминает еще один источник — Аристула. Тот утверждает, что Бесса передали Александ-

ру другие сатрапы. Если Птолемей сочинил эту историю спустя много лет после смерти Александра, то закрадывается подозрение: уж не раздувал ли Птолемей славу о своем военном искусстве еще при жизни великого завоевателя? Неудивительно, тогда, что, по словам Элиана, Александр считал Птолемея хитрецом.

Птолемей всегда был рядом с царем. Весной 331 года до н. э. он сопровождал Александра в его путешествии к оракулу бога Амона в оазисе Сива в Ливийской пустыне. На протяжении всего царствования Александра Птолемей выступал в двойной роли — боевого командира и главы охранной службы. Когда возле Окса было найдено «чудесное масло» (нефть), о находке немедленно сообщили Птолемею, а тот посоветовал царю проконсультироваться у прорицателей. Они заявили, что это — благоприятный знак для начала военной кампании. Александр вторгся в северную персидскую провинцию Согдиану и подавил там восстание, которое поддерживали дикие скифские племена.

В последующей кампании Птолемей продолжал успешно командовать отрядом. В Индии Птолемей превзошел самого себя. Арриан описывает драматическую сцену гомеровских масштабов — рукопашную схватку Птолемея и индийского вождя.

Птолемей, сын Лага, увидел на холме вождя индов; тот уже добрался до вершины и пытался скрыться со своими телохранителями. У Птолемея людей

было гораздо меньше, но он все-таки кинулся в погоню, сначала верхом. Лошади, однако, трудно было взбираться на холм; Птолемей спешился, отдал поводья одному из солдат, а сам побежал за индом. Когда тот увидел, что Птолемей близко, он и его воины повернулись к нему лицом. Инд ударил Птолемя в грудь длинным копьем; панцирь задержал удар и наконечник не проник в тело. Зато Птолемей пробил инду бедро насквозь, свалил его на землю и снял с него доспехи. Инды при виде павшего вождя дрогнули и побежали; те же, кто засели в горах, видя, что тело их предводителя подбирают враги, охваченные скорбью, сбежали вниз, и над трупом завязалась жестокая схватка. На холм поспешил сам Александр, прибывший сюда со своими пехотинцами. Несмотря на эту подмогу, индов с трудом отбросили в горы, захватив тело их вождя.

Примечательно, что Птолемей заявляет о себе как о герое во время индийской кампании, столь непопулярной у военачальников Александра. Можно не сомневаться, описание отчаянной храбрости Птолемя является следствием стремления создать определенное мнение. Другие командиры могли ту кампанию порицать, но Птолемей сумел отличиться. То и дело в различных источниках, особенно у Арриана, мы натываемся на описания подвигов Птолемя, с участием которого удавалось взять неприступную индийскую позицию. Мы видим, как он ведет за собой отряды — будь то в чистом поле или при осаде

крепости в Сангале. Если Александр был Ахиллом, то Патроклом можно назвать не Гефестиона, а Птолемея. В последние недели индийской кампании Александру приходилось преодолевать жестокое сопротивление брахманов, разивших отравленными мечами. Птолемей бился с ними врукопашную и получил ранение, которое могло стать роковым. Квинт Курций описывает сцену, достойную Гомера, где раненый Птолемей предстает как величайший из героев, а излечивает его Александр, после дарованного богами сна сумевший найти противоядие.

Птолемей был ранен в левое плечо, не слишком глубоко, но опасность, угрожавшая ему, была значительнее раны. С царем он был связан кровным родством. Некоторые утверждали даже, будто он был сыном Филиппа и, несомненно, сыном его наложницы. Он был телохранителем царя, отважным бойцом и еще более ценным помощником в мирное время. Он обладал умеренностью гражданского деятеля, в обращении приятен, прост в общении, в нем не было и следа царской спеси. Трудно было сказать, кому он был более дорог: царю или народу. Теперь впервые он мог узнать чувства, питаемые к нему: македонцы своей любовью к нему в его беде предвосхитили его дальнейшую славную судьбу. Они проявили по отношению к Птолемею не меньше заботы, чем к царю, и царь, утомленный сражением и тревогой, не отходил от него и даже велел перенести в его палатку свою постель. Как только он лег на нее,

сейчас же впал в глубокий сон. Проснувшись, он рассказал, что во сне ему явился дракон, держащий во рту траву, которую он ему указал как средство от яда. Царь точно описал при этом цвет этой травы и утверждал, что признает ее, если кто-нибудь ее ему покажет. Ее нашли, так как много народа сразу принялось ее искать, и он приложил ее к ране Птолемея. Боль тотчас прекратилась, а рана быстро зарубцевалась.

Рассказ этот повторяют и другие источники, хотя есть и расхождения в причине ранения и местоположении раны. Птолемей, любимец царя, богов и армии, тяжело ранен. Александр страшно обеспокоен, сам ухаживает за другом. Дракон (или змей) подсказывает ему противоядие, спасающее жизнь героя. Все это отличная пропагандистская история, указывающая, что Птолемей тоже знал Гомера. В этих документах очень мало упоминаний о Гефестионе, самым близким другом царя является Птолемей. Царь вылечил его по подсказке богов. Ссылки на змей или драконов, отыскивающих средство излечения, очень удачное дополнение, ибо египетские подданные Птолемея смотрели на этих пресмыкающихся как на посланцев богов. Птолемей как правитель Египта заявлял о том, что он наследует престол царства Обеих земель у Александра как человек, похоронивший великого завоевателя, хранитель его могилы. Такой рассказ, описывающий Птолемея как отважного, отме-

ченного богами воина, любимца Александра, повышал статус Птолемея как в Египте, так и в Греции.

Оправившись от ран и пройдя через Гедросию, Птолемей продолжил кровавую работу Александра. Когда Александр вернется в западные персидские провинции, именно Птолемею поручат проследить за возведением погребального костра для Калана, индийского мудреца и друга Александра. Когда умирает Гефестион, Птолемей снова выступает в роли Патрокла: вместе с новоявленным Ахиллом принимает участие в последнем кровавом походе против коссеев, племени, угрожавшего Александру. Война была короткой и жестокой и стала данью памяти Гефестиона. Арриан, похоже, восхищался Птолемеем не меньше, чем Александром. Вот что он говорит о карьере Птолемея как военачальника: «Поход свой Александр начал зимой, но не такой он человек, чтобы задержала его суровая погода или труднопроходимая местность, и то же самое можно сказать о Птолемее, сыне Лага, который некоторое время руководил экспедицией».

Судя по письменным свидетельствам, Птолемей до самой смерти Александра командовал важнейшими сражениями. Царь любил его и полностью ему доверял. Храбрый воин отвечал за специальные операции и был главным телохранителем Александра. Можно не сомневаться, став царем Египта, Птолемей искусно повысил свой статус и собственными мемуарами, и с помощью других людей. Идеологи-

ческая работа в описании былых событий заметна и в работах Арриана, Курция, Диодора и в «Романе об Александре». То, что все источники повторяют одну и ту же историю, указывает на общее ее происхождение, а именно: двор Птолемея в Египте. Описывая последние дни индийской кампании и раны Птолемея, Диодор пишет:

Раненые умирали, но больше всего Александр беспокоился о любимом им Птолемея, будущем царе. И тут произошло интересное, поразительное событие, некоторые приписывают его божественному провидению. Птолемея любили все — и за характер, и за доброту. За прекрасные свои деяния он получил поддержку. Царь увидел сон. Ему приснилась змея с растением во рту, и змея поведала ему, что растение целебное, и показала, где оно растет. Когда Александр проснулся, он отыскал растение, размял его и приклеил к ране Птолемея. Приготовил он также и настойку из этого растения и велел Птолемею пить ее. Больной быстро поправился.

Описывая жизнь Птолемея после смерти Александра, Диодор, должно быть, пользовался теми же источниками, и Птолемей представлен в них как лучший друг Александра, хитроумный полководец и отважный воин, которого все любили. Тем не менее здесь есть парадокс. Примечательно то, что сам о себе Птолемей не говорит, а это он мог бы сделать, чтобы подчеркнуть свою близость к царю. Птолемей, не-

сомненно, в высшей степени талантливый полководец, но одновременно он отвечал за безопасность царя. Вскоре после смерти Гефестиона Птолемея повысили в должности, он стал дегустатором царя и непосредственно отвечал за то, что царь ел и пил. Следовательно, ответственность за угощение на пиру у Мидия ложится на Птолемея.

О том, что это действительно было так, можно прочесть в надежном источнике: Афиней ссылается на Харета, распорядителя двора Александра.

Дегустаторов блюд называли медиаторами, они ели царскую пищу, чтобы царя не отравили. Должность эта была высокая и почетная. По крайней мере Харет пишет в третьей книге «Истории», что медиатором Александра был сам Птолемей.

Получается, что Птолемей командовал у Александра разведкой, собирал информацию и должен был знать все, будь это чудодейственное лекарство или слухи о том, что Гермолай с пажамы замышляют убийство Александра. Царь настолько его к себе приблизил, так доверял, что даже поручил ему дегустацию своей еды и питья. И не Иолл, а Птолемей должен был распоряжаться вином и едой Александра. К тому же, принимая во внимание психологическое состояние Александра в 323 году до н. э. и серьезную возможность заговора, Птолемей обязан был быть рядом с царем на пирушке Мидия и должен был проверять еду, которую больному Александру приноси-

ли в купальню. Тем не менее примечательно то, что сам Птолемей ни разу — ни в отрывках, ни в работе Арриана — не упоминает о присутствии своем рядом с Александром в то судьбоносное время. Верно то, что история Птолемея утрачена, однако Арриан читал ее, он же был страстным поклонником как Птолемея, так и Александра, тем не менее он молчит о последних днях жизни великого завоевателя. Та же завеса молчания скрывает такие значительные события, как роковая ссора Клита с Александром или поджог царем Персеполя. Еще важнее то, что Птолемей присутствовал на пирушке Мидия. Он должен был находиться рядом с царем последние десять дней его жизни, тем не менее он ни разу не говорит ни о лечении, ни о слухах о предательстве, ни о том, что случилось сразу после смерти Александра. Птолемей помалкивает об очень многих вещах, одновременно акцентируя то, что он преданный друг и отличный командир и при этом человек, не вмешивающийся в дворцовую политику Александра.

Я думаю, что отсутствие информации о близких отношениях с царем имеет свою причину: если Александр был убит, то какую роль сыграл при этом Птолемей? Был ли это промах телохранителя или же он явился пособником? Я твердо уверен в последнем.

Птолемею исполнился тридцать один год, когда умер его биологический отец Филипп. Птолемея выслали из Македонии, и к убийству Филиппа он вряд ли имел отношение. Если же соучастником цареубийства был Александр, а для такого предполо-

жения имеются серьезные основания, то Птолемей подозревал, должно быть, единокровного брата в совершении преступления. Обстоятельства, окружавшие смерть Филиппа, в высшей степени подозрительны, в особенности то, что трое личных телохранителей Александра нагнали и закололи Павсания. Диодор пишет, что Птолемей после смерти Александра «был исключительно враждебно настроен к Пердикке». Вскоре Птолемей и этот влиятельный военачальник вступили друг с другом в отчаянную схватку. У Птолемея наверняка были предположения относительно участия Александра, Олимпиады и других придворных из их окружения в убийстве Филиппа, а потому он вынашивал, согласно македонским обычаям, план кровной мести.

Птолемей был уже не так молод, когда Александр вступил на трон. Он был старше юных приближенных Александра и младше консервативных македонцев вроде Клита, Антипатра и Пармениона. На мой взгляд, Птолемей симпатизировал Клиту. Когда Клит вступил в конфликт с царем, то, по свидетельству Аристобула, Птолемей схватил Клита, вытащил его из палатки в холодную темную ночь и даже вывел за пределы лагеря, стараясь увести от опасности. Квинт Курций таких подробностей не сообщает, но и он рассказывает, что Птолемей был в числе людей, вступившихся за Клита. Аристобул, однако, был ближе всех к той исторической эпохе, и его описание требует тщательного анализа. Мы видим, что Птолемей лишь недавно получил повышение и сделался лич-

ным телохранителем царя. Применив силу, он вытаскивает из палатки Клита, немолодого, грубого человека, с медвежьей силой. Клит — один из главных военачальников Александра, и он вне себя от гнева, к тому же пьян. Птолемей выталкивает его из палатки в холодную ночь. Клит вряд ли позволил бы «щенку» Александра такую вольность по отношению к себе, тем более что он разгорячился от вина и кипел от злости. Следовательно, до этого у него были приятельские взаимоотношения с Птолемеем и к царскому телохранителю он относился как к другу. Возможно, у них были сходные интересы, и оба, должно быть, с неприязнью воспринимали возмужавшую увлеченность Александра традициями восточной деспотии. Симптоматично, что Птолемей ни разу не одобрил приверженность Александра к персидским обычаям и нравам, не изображает он себя и страстным защитником царского авторитаризма.

Еще один важный инцидент свидетельствует о консервативных взглядах Птолемея. Описывая поджог Персеполя, Птолемей — пером Арриана — говорит об этом поступке как о результате стратегического решения, демонстрирующем подрыв могущества Персии. Полное уничтожение огромного зала аудиенций описано им почти как священный, символический акт, как наказание царя царей за все грехи, совершенные им против греков. Плутарх, однако, рассказывает другую историю. Он отмечает, что Александр был пьян, что подбила его на поджог Таис, афинская куртизанка, которая стала любовницей

Птолемея и родила ему троих детей. Таис, должно быть, получило «добро» от любовника и действовала по его наущению. Она выражала мнение консервативных македонцев, таких как Птолемей, желавших ударить в сердце Персии и уничтожить ее культуру огнем и мечом. Таис — интересная историческая фигура. Будучи афинской куртизанкой, она, вероятно, встретила Александра, когда тот приехал в Афины после великой победы при Херонее. Таис явилась в македонский дворец вместе с другой гетерой, Гликерой, любовницей Гарпала. Взаимоотношения Таис с Александром, а потом с Птолемеем вызывают разного рода толки. Ее участие в поджоге Персепolia отражает настроения македонян. Историки, кроме Плутарха, проигнорировали ее высказывание. Подначивая Александра устроить поджог, Таис заявила: «Я ужасно устала бродить по Азии». Это замечание наводит на размышления: выходит, что уже в 330 г. до н. э., за четыре года до индийского восстания, некоторым людям из близкого окружения Александра кочевая жизнь страшно надоела. Таис была таким человеком, но, что еще важнее, ее настроения разделял и Птолемей.

Начиная индийскую кампанию, Александр понимал нежелание своей армии двигаться на восток. Он пытался подбодрить ее зажигательными речами, пробовал лести и подкуп, но все это быстро прекратилось. Армия отказалась наотрез, и Кен — о нем рассказывает в своих записках Арриан — выступает с речью в защиту солдат и получает горячую под-

держку соратников, царь же, напротив, преисполняется гнева. Птолемей являлся одним из главных военачальников. Он должен был присутствовать на том собрании. Думаю, речь Кена, какой мы ее знаем в изложении Арриана, была передана Птолемеем. В кратком изложении македонский манифест звучит следующим образом: войска Александра, включая командиров, совершили слишком много военных походов. Они хотели домой. Если царь желает продолжить экспедицию, пусть собирает новую армию. Птолемей нигде не оспаривает содержание этой речи. Обычно он такие вопросы излагает безучастно, здесь же он уделяет большое внимание словам Кена и поддержке, которую оказали ему все, кроме Александра. Вскоре после собрания Кен умирает. В своей речи Кен говорит о планах Александра идти войной против скифов, обогнуть Каспийское море и направить экспедиционные войска против ливийских городов-государств и Карфагена. Об этих планах Александра стало известно лишь много позже. Когда он совсем уж было собрался осуществить их, этому помешала его безвременная смерть в Вавилоне. Таким образом в речи Кена отражены мысли Птолемея о планах Александра, к которым тот приступил лишь три года спустя. Короче, отношение Птолемея к политике, отразившееся в поступке Таис, можно охарактеризовать следующим образом: Персия должна быть наказана, царь должен быть верен македонским традициям; армия прошла слишком большой путь, пора

бы уже почить на лаврах и насладиться плодами победы.

После смерти Александра на собрании военачальников, обсуждавших проблему престолонаследия, взгляды эти обнародовали. Примечателен отчет о собрании в изложении Курция. Несмотря на близость к Александру, продекларированную Птолемеем, и заявление, что, получив трон в Египте, он стал законным наследником великого завоевателя, Птолемей был единственным военачальником, отвергавшим саму идею о том, что дети Александра, рожденные им от персидской принцессы, имеют право на македонский трон. Речь Птолемея в этом отношении резко отличается от манифестов других полководцев. Привожу точку зрения Курция.

В Вавилоне телохранители царя созвали во дворец ближайших его друзей и полководцев. За ними последовала толпа солдат, желавших узнать, к кому перейдет власть Александра. Многие военачальники, стиснутые толпой, не смогли войти во дворец, поэтому глашатай объявил, что не пропустит никого, кроме тех, кого сам выкликнет. Но его распоряжений плохо слушались. Среди собравшихся раздавался горестный вопль, притих и снова возобновился, затем все постарались сдержать слезы, и наступила тишина.

Явилось царское кресло, на котором находились диадема, одежда и оружие Александра, Пердикка по-

ложил на то же кресло перстень, переданный ему накануне царем. Собрание, увидев все эти регалии, вновь возрыдало.

Заговорил Пердикка: «Вот перстень. Царь скреплял им важные государственные решения и передал его мне. Я вам его возвращаю. Хотя нельзя себе представить, чтобы разгневанные боги могли послать нам другое несчастье, равное тому, что испытываем мы все сейчас. И все же величие совершенных Александром дел доказывает, что боги прислали нам на землю своего представителя, чтобы он занялся человеческими делами, а когда он исполнил великие свои деяния, боги быстро забрали его назад. А потому, поскольку остались от него только обычные останки смертного, мы должны прежде всего воздать должное его имени и телу, не забывая при этом, в каком городе и среди кого мы находимся и какого царя и вождя лишились. Нам теперь, друзья мои солдаты, надобно обдумать, как удержать победу. Нам нужна голова. Одна ли голова или много голов — это решить в вашей власти. Вы же понимаете, что войско без вождя — все равно что здоровый человек без мозгов. Известно, что Роксана шестой уже месяц беременна, помолимся же, чтобы родила она сына, чтобы, когда он вырастет, боги помогли ему править царством. Теперь же вы решайте, кто им будет управлять». Так говорил Пердикка.

Настал черед Неарха. «Никто не поспорит, — сказал он, — против царского величия кровных наследников Александра... Но неужто будем ждать не ро-

дившегося еще царя и не замечать уже существующего. Какие же мы после этого македонцы? Есть у царя сын от Барсины [Геракл], ему и надо передать диадему». Речи его никто не одобрил. Солдаты зашумели и долго стучали копьями, и, поскольку Нерарх настаивал на своем мнении, дело чуть не дошло до потасовки.

Поднялся Птолемей. «Конечно, сын Роксаны или Барсины достоин управлять македонским народом, — сказал он, — но не раздражим ли мы Европу тем, что, произнося имя будущего царя, всякий раз будем напоминать, что кровь его наполовину принадлежит покоренному народу? Стоило нам побеждать персов, чтобы служить им же? Вспомните, как законные их цари Дарий и Ксеркс со всеми их армиями и флотами напрасно стремились поработить нас. Я предлагаю следующее: пусть те, кого Александр допускал на свои совещания, сходятся всякий раз во дворце у трона Александра, когда появится необходимость совместного обсуждения. Будем подчиняться тому, что решит большинство, и исполнять это будут все вожди и военачальники». Некоторые согласились с Птолемеем, меньшее число — с Пердиккой.

Тогда заговорил Аристон: «Когда Александра спросили, кому он передаст царство, он сказал, что хочет, чтобы оно досталось наилучшему; сам же он признал за лучшего Пердикку, перстень-то он передал ему. При умирающем он был не один, и царь, обведя всех глазами, выбрал из толпы именно его.

Выходит, он хотел, чтобы высшая власть была передана Пердикке».

Никто не сомневался, что предложение Аристана справедливо. Итак, все предложили Пердикке выйти вперед и взять с кресла перстень царя. Тот колебался между сильным желанием и совестью. В голове он уже прикинул: чем сдержаннее он будет добиваться желаемого, тем настойчивее будут другие ему это предлагать. Итак, после долгих колебаний, не зная, как ему поступить, он все же отошел и стал позади своих товарищей.

Тогда один из вождей, человек твердого характера — Мелеагр, раздраженный колебанием Пердикки, выступил вперед и воскликнул: «Да не допустят боги, чтобы судьба Александра и величие его власти легли на эти плечи: не дадим страдать народу. Я не имею в виду более знатных, чем он, граждан. Да и ни к чему людям брать на себя ответственность против своей воли. Не имеет значения, будете вы иметь царем сына Роксаны, когда он народится, или Пердикку. Ведь он так или иначе захватит власть под видом опеки. Ему ни один царь не нравится, кроме того, кто еще не родился. Он месяцы высчитывает и даже предсказывает рождение сына, а вы еще сомневаетесь, готов ли он вам уступить? Если Александр и в самом деле оставил нам царем вместо себя этого человека, то я считаю: из всех его распоряжений именно это исполнять негоже. Эй, македонцы, что же вы не бежите грабить царскую казну? Наследником этих богатств, уж конечно, является народ».

Сказав так, Мелеагр прорвался сквозь ряды, а давшие ему дорогу устремились ему вслед за объявленной добычей.

Отчет Курция весьма примечателен, потому что он показывает Птолемея, занимающего по сравнению со всеми остальными бескомпромиссную позицию. Он не хочет иметь дела с персидскими правителями. На Персидскую империю он смотрит как на военный трофей. Царя царей он изображает как естественного врага Греции. Он выступает за создание регентского совета, но без Пердикки. Птолемей не согласен с большинством своих коллег. Можно было бы пренебречь текстом Квинта Курция, сказав, что это продукт богатого воображения историка поздней эпохи, однако отчет Курция верно отражает отношение Птолемея к сорокалетнему историческому периоду, последовавшему за смертью Александра. Птолемей попытался остаться в хороших отношениях со своими коллегами, однако централизованной власти не подчинился. По словам Диодора, Птолемей взял Египет как военный трофей. Он проделал большую работу, дабы доказать, что он по праву является наследником Александра и хранителем его тела, но он не проявлял никакого внимания к женам и детям Александра, не считая идеи возможного брачного союза с сестрой Александра Клеопатрой.

Греческий писатель Павсаний в «Описании Эллады» подтверждает мнение Курция. Павсаний заявляет, что несогласие Птолемея с передачей всех пол-

номочий единому центральному правителю вступила в противоречие со взглядами других властителей и Птолемей «был виновен» в последующем развале империи.

Птолемей сделался полновластным правителем Египта. Павсаний и Курций в своих трудах выражают удивление: как удалось Птолемею, не похожему на других военачальников, столь легко завладеть завидным призом, тем более что отношения с Пердиккой у него были враждебные: тот в течение полутора лет после событий в Вавилоне пытался отнять у Птолемея Египет. Фактически Египет был ключом к событиям июня 323 года до н. э. Птолемей не пророчил ни слова, как, впрочем, и все другие источники, о том, как он, такой же полководец, как и многие другие, сумел сделаться царем Египта. Не спору, в «Романе об Александре» есть рассказ о том, что Александр будто бы оставил завещание, согласно которому Египет отходил Птолемею, однако доказательства этому не существует. Мнение это распространял сам Птолемей.

Царство Обеих земель являлось большим призом. Это было суверенное государство, история которого насчитывала не одно тысячелетие. У него имелись естественные границы, которые легко было защитить. По словам Диодора, Египет являлся самой богатой провинцией Македонской империи и одной из немногих стран, которые приветствовали вторжение Александра и поддерживали его в борьбе против ненавистных персов. Египет оставался относительно

лояльным царю до окончания правления Александра. Более важным кажется то, что это была одна из немногочисленных провинций, в которой после смерти Александра не вспыхнула гражданская война. Да, приз был и легкий, и роскошный. У Египта имелся собственный македонский гарнизон и богатая казна. Самое главное, что управлял им не македонский соперник-военачальник, а корыстный наместник Клеомен из Навкратиса, греческой колонии в дельте Нила. Сместить Клеомена оказалось нетрудно. Человеком он был продажным, и за год до своей смерти Александр официально предупредил Клеомена, чтобы тот привел свои дела в порядок. Согласно всем доступным источникам, Птолемей вошел в Египет, где народ восторженно его приветствовал, сместил Клеомена и не встретил в царстве Обеих земель никакого сопротивления. И со стратегической точки зрения Египет был чрезвычайно важен для Македонской империи. В соответствии с Аррианом (а в основание своей книги он, по всей видимости, положил мемуары Птолемея), перед самой осадой Тира Александр созвал военный совет, на котором объяснил, как важно для них покорить Палестину и двинуться в Египет. Речь свою он заключил тем, что как только Египет окажется в их руках, реальной внешней угрозы у них почти не будет. Птолемей, должно быть, вспомнил эти слова, как, впрочем, и другие командиры, такие как Пердикка. Все это добавляет интриги к поставленному нами вопросу: как удалось Птолемею так быстро и без особых усилий захватить этот

ценный приз? Единственный ответ: Птолемея поддерживала другая мощная сила Македонской империи — Антипатр, наместник Македонии, виртуальный ее правитель, сын которого Кассандр находился в качестве посла в Вавилоне и видел умирающего Александра. Одним из постоянных политических и стратегических факторов, игравших большую роль на протяжении долгой кровавой борьбы за престолонаследие, была дружба Кассандра и Птолемея, а потом между новым египетским правителем и семьей Антипатра.

Я предполагаю, что альянс между ними был заключен сразу после выхода Александра из Гедросии и после устроенной им большой чистки в армии и в собственном окружении. И Птолемей, и Антипатр были напуганы. Они задумали заговор, целью которого являлось физическое устранение великого завоевателя. Для них это был единственный выход. В случае успеха они многое приобретали, в случае неудачи теряли все. Первые семена заговора были, должно быть, посеяны в Индии. Там армия дошла до изнеможения. Диодор, похоже, пользовался ранним историческим источником, когда описывал конфликт македонцев с Александром. В этот момент они выглядят армией побежденных, а ведь тогда они еще не испытали ужасов Гедросии.

Восемь лет провели они в тяжелых и опасных трудах... Среди солдат было много потерь, а конца войне все не предвиделось. Стерлись в непрерыв-

ных походах лошадиные копыта. В негодность пришло и вооружение, и воинское облачение, а греческой одежды совсем не осталось. Пришлось обратиться к чужестранным тканям, перешивали индийскую одежду. А тут еще сезон дождей начался. И стало быть, терпеть им их еще семьдесят дней под грохот не прекращающегося грома и сверкание молний.

Такая жизнь должна была серьезно повлиять на Птолемея — и тяготы полевой жизни, и рана, чуть не стоившая ему жизни. В 325 году до н. э., когда он подошел к западным провинциям Персии, Птолемей почти девять лет не вылезал из военных кампаний. Он вынужден был терпеть лишения и опасности, дойти до края света, и все из-за одержимости Александра утвердить веру в собственную непобедимость! Непокосимая эта уверенность стояла Александру большей части его армии. В течение двух лет, следовавших за выходом из Индии, появились новые опасения. Когда же Александр остановится? Великие греческие мыслители объявили о полном разрушении Персидской империи. Но в 323 году до н. э. Александра снова потянуло в поход — либо на северо-восток, против скифов, либо на запад — сражаться против мощных городов-государств Северной Африки. Какой толк от этого Птолемею? Повышение по службе? Но оно часто сопровождалось судом и наказаниями. Телега с награбленным добром? Но Александр в любой момент мог ее уничтожить. Персид-

ская жена, которая ему была не нужна? Он, кстати, после смерти Александра тут же от нее избавился. Вряд ли Александр собирался вручить Птолемею настоящий солидный дар, такой как провинция. Сорокалетний Птолемей был всего лишь доблестным наемником, ему приходилось исполнять и мрачные поручения. Кровь, пот и слезы Александра не трогали. Воины, осмелившиеся возражать Александру, очень скоро под разными предложениями исчезали, и список таких людей становился все длиннее. Все нараставшие психопатические приступы гнева царя обрушивались не только на рядовых солдат, но и на ближайшее окружение, Полисперхонта или Кассандра, не говоря уже о персидских сатрапах. Одного из них Александр казнил собственными руками. А как же будущее? Все больше военных походов, больше операций устрашения. Во время мятежа в Описе Александр закричал на македонцев, прыгнул с трибуны и потащил зачинщиков на расправу. Он велел убить каждого десятого человека. Александр становился с годами все безжалостнее, и Птолемей понимал, что царь никогда не забудет его молчаливое осуждение в Индии на реке Гидасп (Джелам). Александр вознамерился начать новые войны, планировал новые походы, приглядывался к клану Антипатра, хотел его уничтожить.

Нельзя сказать, чтобы в Вавилоне Кассандру оказали теплый прием. Тем временем — как пишет Курций — полководец Кратер вместе с 10 000 ветеранов шел в Македонию, имея секретный приказ не толь-

ко сместить Антипатра, но и убить его. Отношение Кратера к таким приказам — не предмет для спекуляций. Кратер зарекомендовал себя лидером антиперсидской фракции царского двора. Возвращался он в Македонию неспешно, к моменту смерти царя находился в Киликии; вероятно, Кратер должен был приветствовать любую задержку в предстоявшей ему борьбе с Антипатром. Когда Александр умер, Кратер прошел лишь половину пути до дома. Примечательно, что наместничества в наследство ему не досталось, и если Антипатр останется законным правителем Македонии, то выбора у Кратера не будет и придется подчиниться и передать войско в распоряжение Антипатра. Отставка Антипатра стала бы реальной угрозой для Птолемея. Если Антипатр падет, Александр руками Кратера будет держать под личным контролем Македонию, ее материальные и людские ресурсы, взаимоотношения различных кланов. Александр также усилит свое влияние на Грецию. В этом случае Птолемею некуда будет идти: судьба Гарпала убедительно это доказала.

Антипатр и Птолемей заключили тайный союз с целью решить свою «общую проблему» к началу лета 323 года до н. э. Александра надо удалить, прежде чем Кратер придет домой, в противном случае царь нанесет удар Кассандру или даже Птолемею. Кратер ушел, и представился удобный случай. Александр остался без близкого друга и преданного военачальника, отчего Гефестион, получивший повышение по службе, вознесся еще выше и в славе, и в статусе.

Арриан неприкрыто говорит о любви Александра к Гефестиону. Птолемей также не мог эту любовь отрицать, однако он, как обычно, хранит молчание. Ничего плохого о царском фаворите он не говорит, но и ничего хорошего тоже. Сообщая о смерти Гефестиона, отделяется несколькими строками. Очень вероятно, что Гефестиона тоже убили. Когда против правителя осуществляется заговор, необходимо ослабить или удалить охранников. Антипатр и Кассандр, должно быть, понимали это, поэтому они и вступили в альянс с Птолемеем. Кратер ушел, телохранитель Птолемей на их стороне, и, получается, единственное препятствие на их пути — Гефестион.

К 324 году до н. э. красивый, здоровый, но чрезвычайно заносчивый Гефестион сделался, по сути, заместителем Александра. Смерть фаворита летом 324 года до н. э. была скоропостижной и неожиданной. Первые симптомы болезни очень напоминали начало болезни Александра: сильный жар и нестерпимая жажда. Казалось тем не менее что Гефестион пошел на поправку. Александр так в это поверил, что пошел посмотреть соревнования атлетов, а врач Гефестиона отправился в театр. Гефестион встал с постели и объявил, что чувствует себя лучше. Он съел целую вареную курицу, выпил охлажденного вина и тут же почувствовал себя плохо. Александра вызвали к больному немедленно, однако все произошло так быстро, что Гефестион умер прежде, чем царь успел к нему добежать. Сведений у нас мало: очень высокая тем-

пература, изнуряющая жажда, вслед за этим значительное улучшение, неподходящая пища и питье и быстрый неожиданный конец. Возможно, Александр подозревал отравление. Обвинив во всем несчастного врача Главка, он распял его на кресте. Учитывая то, что умер Гефестион после ухода Кратера, а также неожиданное и резкое ухудшение состояния его здоровья и скоростный конец, я считаю, что фаворита могли отравить и приложил к этому руку Птолемей.

В книге «О ядах» А. С. Тейлор говорит о большой жажде как о характерном симптоме отравления мышьяком. Вот и Гефестион страдал от нее, однако он вроде бы начал поправляться: возможно, рвота способствовала очищению организма, но возвращение болезни было таким стремительным, что вино и съеденная больным курица вызывают сильное подозрение. И подозрение это переходит почти в уверенность, когда вникаешь в обстоятельства смерти царского фаворита. Гефестион настолько оправился, что Александр и врач со спокойной душой оставили больного. Когда Александр ухаживал за Птолемеем, он перенес свою постель в его палатку. Без сомнения, он сделал бы то же самое и для любимого им Гефестиона. Тем не менее Александр ушел, уверенный в том, что опасности нет, и эту его уверенность разделял злосчастный Главк. Гефестион также был полон оптимизма и заказал себе плотный обед. Птолемей официально отвечал за царскую пищу, а потому мог проследить и за едой Гефестиона.

Возможно, что именно Птолемей посоветовал Александру отправить Кратера домой с ветеранами, а сам заверил союзников из семейства Антипатра в том, что, пока Кратер доберется до Пеллы, ситуация радикально изменится. Если бы Гефестион (или даже Кратер) находился в Вавилоне, политическая ситуация после смерти Александра была бы непредсказуемой. Гефестион, которого Александр любил, как самого себя, непременно был бы назначен регентом или наместником. Он наверняка стал бы поддерживать Роксану и ребенка, рожденного после смерти отца. То же самое можно сказать и о Кратере — все говорит за то, что перед смертью Александр оставлял империю не самому сильному — «кратисто», а Кратеру. Отсутствовавший полководец ввиду смерти Гефестиона был бы естественным выбором Александра. Тем не менее к июню 323 года до н. э. человек, которого сам Александр называл «вторым Александром», был мертв, а Кратер, которого он же назвал «другом царя», был удален от источника реальной власти. Нет свидетельств того, что у Птолемея с Гефестионом были дружеские отношения. Разумеется, если бы фаворит остался в живых, было бы очень трудно удалить Александра, но если бы даже Александр и умер, Гефестион был бы главным препятствием. Он стал бы регентом или наместником, и при таком раскладе сомневаюсь, что Птолемей захватил бы власть в Египте.

К тому времени как Кассандр прибыл ко двору Александра, Гефестион был уже мертв, и секретные

переговоры между кланом Антипатра и Птолемеем могли продолжиться. Время пирушки у Мидия также было выбрано удачно. Не сохранилось свидетельств о планах Александра, однако он уже готовил новую экспедицию. Неарх собирался отчалить вместе с флотом для осуществления разведывательной операции. Неприязнь Александра к клану Антипатра росла день ото дня. Кратер приближался к Македонии, и военачальникам предстояло каждому выполнить свою задачу. Если Александр умрет, Птолемею понадобятся корабли, ибо путь из Вавилона до дельты Нила был долгим и трудным. Отряду Птолемея понадобится транспорт, ибо они с Антипатром считали необходимым, чтобы военачальники, такие как Неарх, были на месте, когда придется принимать решения в связи со смертью Александра.

События, последовавшие после конфликта царя с македонцами на собрании в Описе, потребовали от Птолемея срочных решений. Верно, что на пиру Александр и его сподвижники обменялись в знак примирения поцелуем, однако от планов своих царь не отказался. Он отправил на пенсию не только рядовых своих ветеранов, но и старших командиров, таких как Белый Клит, Горгий, Полидам и пр.

Затем Александр приступил к выполнению следующей части своего плана. Диодор говорит о персидских отрядах, способных служить противовесом македонской фаланге. Квинт Курций добавляет, что это был не просто противовес: персы на всех уровнях вытесняли македонцев. Не за горами было вре-

мя, когда обеда, на которых Александр пировал с македонцами и греками, стали бы редкостью. Птолемей чувствовал себя все менее защищенным. Некоторые источники, рассказывающие о мятеже в Описе, сообщают, что Александр казнил зачинщиков мятежа. Курций представляет другую картину — так называемые мятежники, в числе которых были и заслуженные воины-ветераны, отданы были персам, и те с согласия разъяренного царя даже не сочли нужным предать их достойной смерти, а надели на них цепи и утопили в реке. Квинт Курций описывает эту сцену.

Главные военные посты Александр распределил среди персидской знати... некоторые отряды персидской пехоты и конницы сделались «царскими»... он отобрал из них вооруженную свиту и сделал персов своими личными телохранителями. Когда варвары вели на казнь несколько македонцев, учинивших бунт, рассказывают, что один из них, старший и по званию, и по возрасту, будто бы обратился к царю. «До каких пор, — сказал он, — будешь ты наслаждаться видом казни, совершаемой по иноземному обычаю? Твоих солдат и твоих сограждан без суда и следствия тащат на казнь их же пленники. Если ты считаешь, что мы достойны смерти, то замени хотя бы палачей». Александр мог бы расценить его слова как дружеский упрек, если бы смог вынести правду, однако гнев его уже перешел в ярость. Он приказал

поколебавшимся было исполнителям казни топить в реке связанных пленников.

Такие изменения царской психики, судя по всему, глубоко повлияли на Птолема. Македонская часть армии была сильно ослаблена, а то, что осталось, «растворили» среди новонабранных восточных воинов. Персы получили высшие посты, и им поручили усилить охрану царя, таким образом, они вторглись в епархию Птолема. После усмирения в Описе процесс вытеснения македонцев не прекратился.

Тем временем Александр восстанавливал численный состав армии. С целью ассимиляции разных культур царь влил в македонские части лучших персидских солдат. Отобрав лучшую тысячу, создал отряд телохранителей. Затем сформировал еще один корпус из десяти тысяч копьеносцев и велел им охранять свой шатер.

То, что царь взял себе персидских телохранителей, не означало увольнения Птолема, просто Александр создавал параллельную систему. Это он проделал на всех уровнях гражданского и военного устройства.

Пирушка у Мидия совпала с прибытием послов из разных государств. Они поспешили засвидетельствовать Александру свое почтение. В большинстве своем они остались разочарованы. Царь не отказался от своих планов и издал два указа: один — о воз-

вращении беженцев, а согласно другому указу, все отныне обязаны были оказывать Александру божественные почести. Все это лишь усиливало недовольство и вызывало возмущение в греческих городах, таких как Афины. Смерть Александра сняла бы остроту конфликта. Прибытие послов тоже было весьма кстати: они тут же объявили бы своим согражданам и о смерти царя, и о декретах, которые издал бы вновь образованный совет регентов. Присутствие послов во время смерти Александра воспрепятствовало бы возможному хаосу. Квинт Курций заметил, что военачальники Александра смотрели на послов как на людей, призванных известить Ойкумену о смене власти.

Наконец, время пирушки у Мидия совпадало с планами Александра (и тайным планом Птолемея) относительно будущих военных кампаний. Если верить Арриану, Александр намеревался отправиться в плавание вместе с Неархом. Другие войска должны были передвигаться по суше и выйти на день раньше. В этом случае Птолемей пошел бы с сухопутными войсками, а это значит, что царя он не увидел бы еще много недель, месяцев, а то и никогда. Кратер шел к Пелле. Гнев Александра по отношению к Антипатру усиливался. Процесс внедрения персидских порядков не останавливался. Аравия и Северная Африка в соответствии с планами Александра должны были стать театром военных действий. Египет — вожделенная цель Птолемея — превратился бы

в военный лагерь, и его было бы не так легко захватить и еще труднее — удержать.

Итак, смерть Александра в Вавилоне являлась насущной необходимостью, однако ее следовало окружить знамениями и предсказаниями авгуров. Ничто не скрывает так успешно хитрый замысел человека, как объяснение какого-либо события капризом судьбы или — еще лучше — волей богов. Такой контекст вокруг смерти Александра намеренно был создан в 323 году до н. э.

Знамения, явившиеся Александру в Вавилоне, не следует рассматривать как некий феномен, на который обращают внимание задним числом, как это обычно бывает, когда рассуждают о смерти великих людей. Когда по прошествии времени смотришь на предзнаменования, невольно воспринимаешь их как пророчества, но ведь хорошо спланированные знаки судьбы могут воздействовать и на сознание потенциальной жертвы, и на людей, эту жертву окружающих. Их можно представить как знак судьбы, как действие некоего мстительного божества и как завесу, за которой скрывается злой человеческий умысел. Плутарх рассказывает о предзнаменованиях, обступивших Александра, стоило ему приехать в Вавилон, и о том, как все это глубоко на него повлияло. Они явно подводили его к мысли о смерти. У царя к тому же больше не было моральной поддержки Гепестиона или Кратера. Смерть фаворита, несомненно, обострила тревогу Александра, погрузила в

депрессию и натянула нервы, и он попытался прогнать тревогу делом — быстрым смертоносным нападением на племена коссеев. Конечно, военная активность могла успокоить его душу, однако предзнаменования и прорицания авгуров подействовали на Александра и он стал очень много пить. Перспектива частной пирушки показалась ему чрезвычайно привлекательной: уж очень хотелось успокоить расшатанные нервы и покрепче уснуть.

Смерть Александра выглядит театрально. Кажется, что драматическое нагнетание обстановки выстроено умелым специалистом, ну а кто лучше стоявшего на страже царских покоев Птолемея годился на роль такого режиссера? Некоторые события и в самом деле были пустой случайностью, например диадема, что слетела под порывом ветра с головы Александра, когда тот плыл на корабле по Евфрату. Другие «знамения», похоже, были подстроены. Халдеев, например, могли подкупить, можно было и ворон собрать, подмешать им в пищу наркотик, а потом выпустить, вот птицы и попадали на землю. Прорицание Аполлодора, гадавшего о судьбе царя по печени с изъямом, перекликается с жертвоприношением в трагедии Еврипида, где подобным же образом авгур предсказывал несчастье. Жертвоприношение Аполлодора проанализировал его брат Пифагор. Позже он предсказал и смерть Пердикки. Главный соперник Птолемея умер лишь несколько лет спустя, и убили его на Ниле свои же люди. Пифагор делал подобные прорицания и относительно еще од-

ного врага Птолемея, старого Антигона Одноглазого, которого убили через пару десятилетий после смерти Александра во время кровавой битвы за империю. Сообщив царю о предсказании, Аполлодор обратился к человеку, отвечавшему за безопасность царя, Птолемею, сыну Лага. Он же был ответственным и за возведение погребального костра для Калана, брахмана, сгоревшего по своей воле на костре. Он же перед смертью сказал, что встретит Александра в Вавилоне. Не существует письменных свидетельств о том, что такие предсказания являлись работой Птолемея. Однако имя его непременно связывается с каждым прорицанием, как и с самым удивительным из всех знамений: это случай со сбегавшим пленником, который забрел в царские покои и уселся на трон.

Александра очень расстроил этот эпизод. Согласно Арриану, он опасался, что против него готовят заговор. И Александр был недалек от истины. Пленника он с пристрастием допросил, после чего велел казнить. Если заключенные сбегают и свободно разгуливают, стало быть, плохо работает охрана, а отвечает за нее Птолемей. Он, однако, всегда мог переложить вину на кого-то другого, тем более что последнее время обязанности по охране царя он делил с ненавистными ему персами.

Версия этой истории у Плутарха еще интереснее. Он заявил, что человек, усевшийся на трон, назвал себя Дионисом, то есть именем бога, который, по мнению Александра, гневался на него за то, что он

уничтожил Фивы. Царь считал, что и Клита он убил по злему наущению Диониса. У Плутарха имеются и другие интересные подробности. Пленник будто бы сказал Александру, что он видел сон, в котором бог Серапис сказал ему, что нужно делать. И снова греко-египетский бог играет роль в событиях, связанных со смертью Александра. Я уже говорил, что культ Сераписа был введен Птолемеем после 301 года до н. э. Можно сделать вывод, что Плутарх нашел эту историю в рассказах о возникновении Египта Птолемея. Это уже больше чем совпадение: рассказ об усевшемся на царский трон пленнике тесно связан с религиозным культом, который ввел человек, отвечавший на тот момент за безопасность царя и впоследствии захвативший египетский престол. Кто такой был этот несчастный «Дионис», можно только гадать, но простота, с которой он отвечал на поставленные ему вопросы, доказывает, что, скорее всего, он был слабоумным. Человеком этим легко манипулировали, а Птолемей его допрашивал. Был он не первым и не последним орудием, которое использовали в заговоре, будь то убийство Филиппа Македонского или видного политика современной эпохи. Поспорить можно и с тем, что этот «Дионис» действительно был посланником богов, предупреждавших Александра. В конце концов, когда Клит был убит, Александр быстро согласился с умозаключением Аристандра: мол, все это было проделкой злопамятного бога. Если можно возложить вину за убийство Клита на богов, почему бы нам не осудить Александра?

Книга Квинта Курция делает историю этого предзнаменования еще более таинственной, потому что в ней содержится параллельная история, произошедшая во время одной из кампаний Александра. Царь со своим войском был ночью в горах, когда усталый македонский солдат из арьергарда прибред в лагерь еле живой от холода. Квинт Курций сообщает подробности.

Случайно один македонский солдат, еле держась на ногах, все же добред с оружием в руках до лагеря. Увидев его, царь, гревшийся у зажженного костра, встал и, сняв оружие с окоченевшего и терявшего сознание воина, усадил его на свое место. Глядя на него, Александр сказал: «Сознаешь ли ты, воин, насколько лучше жить под моей властью, нежели под властью персидского царя? Ведь там казнили бы севшего на царский трон, а для тебя это оказалось спасением».

Контраст между двумя этими историями бросается в глаза, как и мораль. Александр во время похода — настоящий македонский лидер: ни статус, ни ритуал не имеют для него значения, главное — здоровье солдат. Другое дело Вавилон: здесь Александра соблазняет Персия с ее обычаями и моральными установками — человека, усевшегося на его трон, подвергают пыткам и казнят. В Вавилоне на Александра кто-то влияет, играет его настроениями, тревожит и изводит, и царь пускается в запой, лишь бы заглушить

поселившуюся в душе тоску. Интриган коварен, он разыгрывает сцены, напоминающие Александру, как сильно он изменился, человек этот, словно хищник, играет со своей жертвой, прежде чем нанести смертельный удар. Птолемей подходит под это описание: ссылка на Сераписа и тот факт, что Птолемей отвечал за безопасность царя, и эпизод с солдатом, замерзшим во время похода, доказывающий, что Птолемей был рядом с Александром в те дни, раз он запомнил тот инцидент.

Интересно, что, говоря о предзнаменованиях, Арриан ни разу не ссылается на Птолея, служаку-солдата и лояльного командира. Источником для рассказов об Аполлодоре и Калане и о человеке, усевшемся на царский трон, послужил для Арриана сплетник Аристокл, который, как я уже упоминал, стал позднее секретарем Кассандра в доме Антипатра. Он был близким другом Птолея, правителя Египта.

Убийство Александра расцвечено еще более драматичными подробностями, аллюзиями на прошлые события и ссылками на любимого драматурга Александра — Еврипида. Птолемей был не только настроен на убийство, он наслаждался самим процессом его подготовки. В последних днях жизни царя отражались как в зеркале события прошлых лет. Для начала проследим, как обстоятельства смерти Александра напоминают обстановку, в которой за тринадцать лет до этого погиб его отец Филипп. В 336 году до н. э. Филипп, как и Александр в 323 году, стоял на пороге

новых военных кампаний. Филипп, как и его сын, достиг наивысшего могущества, и подданные со всей Греции спешили к нему, чтобы засвидетельствовать свою преданность и почтение. В 336 году до н. э. Филипп взял себе новую жену и ждал появления ребенка, то же было и у Александра тринадцатью годами позже. Филипп, как и Александр, умер в присутствии Пердикки и Леоннаты. Двое близких друзей Филиппа — Парменион и Аттал — отсутствовали в момент его гибели. У Александра в 323 году не было защиты в лице Гефестиона и Кратера. Филипп, как и Александр, готовился принимать божественные почести. Филипп не подозревал, что жить ему осталось совсем недолго, не думал этого и Александр. Гибель Филиппа, как и смерть Александра, окутана тайной. Кончину Александра окружают и другие драматические подробности. Кризисные моменты жизни Александра сопровождают строки Еврипида, например загадочное высказывание Александра перед смертью Филиппа. Во время спора с царем Клит процитировал строки из «Андромахи» Еврипида, как сделал Каллисфен незадолго до своего падения. Приехав в Вавилон, Александр услышал, что у жертвенного животного печень оказалась с изъяном. Такой же эпизод имеется в одной из трагедий Еврипида. В соответствии с одним из источников, Александр умер, провозгласив тост в честь Диониса, бога, который преследовал его. Более того, пил он чашу за чашей вместе с Протеем, племянником Клита, которого он жестоко убил, цитируя опять же строки из «Андро-

махи», трагедии, которую помянул Клит перед самой своей смертью. Какое тут напрашивается заключение? Птолемей, убийца Александра, испытывал удовольствие от процесса подготовки смерти царя. Он пользовался символикой и воспоминаниями, взятыми из прошлого Александра. Птолемей, ученик Аристотеля, обладал хитростью, возможностями и мотивами для осуществления убийства. Испанская поговорка: «Мечь — это блюдо, которое лучше всего подавать холодным» прекрасно сочетается с намерениями Птолемея, которые он успешно осуществил.

Осторожно и тщательно проведенная Птолемеем подготовка убийства, в том числе и цитирование строк Еврипида и другие психологические моменты, вызывает вопрос: существовала ли вражда между великим завоевателем и его талантливим стратегом? Если Птолемей был незаконнорожденным сыном Филиппа (или даже только подозревал это), то он должен был быть натренирован в умении скрывать свои чувства, иначе он просто не пережил бы убийственной ревности Олимпиады и подозрительности Александра. Должно быть, Птолемей уверил Александра в том, что никакой угрозы от него не исходит и все его помыслы направлены на служение царю. Тем не менее кровная связь Птолемея с Филиппом объясняет, почему ему не давали независимого командного поста вплоть до 330 года. Только тогда Птолемей появляется на политической арене и выступает в роли лояльного подчиненного, высоко оценен-

ного Александром за умение обращаться с македонскими солдатами.

Птолемей входил в число учившихся вместе с Александром в академии в роще Миезы. Филипп сослал его вместе с другими сподвижниками Александра, но после убийства Филиппа молодой царь быстро вызвал Птолемя к себе. Не существует сведений, которые говорили бы об отношении Птолемя к Филиппу, за исключением того, что у Птолемя, кажется, были тесные связи с Клитом. Восхищение Клита Филиппом стоило ему жизни. Известно также, что Птолемей ненавидел Пердикку, участника заговора против старого царя. Очень похоже, что у Птолемя имелись мысли относительно убийства Филиппа и участия в заговоре Александра. И мысли эти были не самого приятного свойства, однако Птолемя отличал прагматизм, и он не позволял себе оказывать открытое противодействие царю.

Были и другие, личные обстоятельства, заставившие Птолемя действовать. Историк Павсаний описывает Птолемя как «большого любителя женщин». Мы знаем, что позднее он женился на Евридке, сестре Кассандра. Она родила ему четверых детей. Затем, следуя полигамной традиции Македонии и Египта, он женился по любви на Беренике, прислужнице Евридки. Первой женой Птолемя была афинская куртизанка Таис. Возможно, она сыграла главную роль в решении Птолемя устроить заговор против Александра. Таис — загадочная личность, но несколько письменных свидетельств, которыми мы

располагаем, говорят о ней как о женщине сильной и властной. Плутарх упоминает о ее участии в поджоге Персеполя. На тот пир женщины явились в масках в поисках любовников, в их числе была и Таис. Говорится, что она была «уроженкой Аттики и любовницей Птолемея». На пиру в Персеполе Таис привлекла внимание Александра лестью и веселым нравом. Она сказала тогда, что ей пришлось пережить тяжелые условия военного похода Александра. Таис произнесла речь, в которой призвала «сжечь дворцы гордых персидских царей, как в свое время Ксеркс сжег Афины». Речь ее вызвала восторженные аплодисменты, и Александр немедленно повел своих гостей смотреть на пожар Персеполя. Плутарх вместе с тем намекает, что Таис была любовницей Птолемея. Очевидно, она вместе с другими женщинами присоединилась к македонскому двору после визита Александра в Афины, куда он приехал в 336 г. до н. э., после великой своей победы при Херонее. Вот что пишет Афиней:

Разве не Александр Великий взял с собой Таис, афинскую гетеру? Клеарх говорит, что она предложила сжечь дворец в Персеполе. Эта Таис после смерти Александра вышла замуж за Птолемея, первого царя Египта, и родила ему сыновей — Леонтиска и Лага, а также и дочь.

Судя по этой цитате, Таис была любовницей не Птолемея, а Александра, и взаимоотношения ее с

Птолемеем начались после смерти Александра. Возможно ли, что Птолемей злоумышлял против Александра и желал его смерти, потому что был влюблен в знаменитую афинскую гетеру, на которой впоследствии женился? Такая возможность не исключена, однако же придворные Александра находились под строгим наблюдением, и ни один любовный роман не остался бы без внимания.

Более вероятно, что сначала Таис была любовницей Александра, а потом, когда он встретил Барсину, была им отставлена. Позднее он женился на Роксане и двух дочерях Дария.

В 308—307 годах Птолемей посетил Афины. Сопровождал его старший сын Лаг. Лаг принял участие в гонках колесниц, и это кажется в высшей степени невероятным: ведь если Лаг родился сразу после смерти Александра, в 322 году до н. э., то к прибытию в Афины ему должно было исполниться четырнадцать лет. Для управления колесницей он был слишком юн и слаб и уж тем более не мог участвовать в гонках. Поэтому следует предположить, что Лаг родился до смерти Александра, и из этого следуют две возможности. Первая: к 323 году Птолемею было около сорока пяти лет. У него, возможно, имелся ребенок, а то и два, а он все еще был наемником, хотя и знаменитым. Если бы в это время с ним что-нибудь случилось, то Таис и два его сына остались бы ни с чем. Отцовство и обязательства, с ним связанные, являлись сильной помехой к участию в кампаниях великого завоевателя. Семья делала Птолемя уязвимым.

Александр уже доказал, когда расправился с Парменионом, что родство с запятнавшим себя человеком может быть источником серьезной опасности даже для невинного. Во время преследования семейства Пармениона Александр использовал в качестве посланника македонского военачальника Полидаманта. Он был отправлен в Экбатаны с приказом казнить Пармениона, причем Полидаманта предупредили, что его собственная семья будет находиться в заложниках, до тех пор пока задание царя не будет выполнено. Птолемей, вероятно, понял, что Александр всегда готов ударить по родственникам своей жертвы, как уже было в случае с Аминтой, Линкестидом и Клеандром.

Таис, должно быть, тоже была заинтересована в смерти Александра. Старое клише: «Нет ничего страшнее оскорбленной женщины» подходит к этому случаю как нельзя лучше. Если верить Афиней, Таис оставила комфортную жизнь в Афинах и последовала за Александром. Она была еще с царем и оказывала на него значительное влияние, когда в 330 году до н. э. он сжег Персеполь. Позднее Александр оставил Таис — сначала ради Барсины, а потом Роксаны. Затем он женился еще на двух персидских царевнах, а Таис, прошедшую не через одни руки, передал Птолемею. У Плутарха Таис — не в пример персидским царевнам — женщина не пассивная и послушная, а независимая, крепкая физически и морально. Она выдерживает военные кампании, трудности армейской жизни, нешуточные опасности: ведь в любой

момент ее могли убить, унижить, забрать в плен. Она — уроженка Афин, а потому питает глубокую ненависть к Персидской империи. Таис обладает силой убеждения, коль скоро, будучи уверенной в том, что персидские дворцы должны быть стерты с лица земли, она убеждает в этом и Александра. Приняв все вышесказанное к сведению, нетрудно заключить: вряд ли Таис смиренно согласилась с тем, что царь заменил ее четырьмя персиянками.

Рассказывая о женитьбе Александра на Роксане, Квинт Курций говорит об отношении македонца к такому браку. «Итак, царь Азии и Европы женился на женщине, представленной ему на праздничном пиру, на котором побежденные предлагали себя в распоряжение победителей. Друзья испытывали тайный стыд, оттого что Александр избрал себе тестя среди вассалов».

Вероятно, Квинт Курций описывал чувства Птолемея и его любовницы Таис. Неудивительно, что на следующий день после смерти Александра Птолемей отказывается преклонить колено перед сыновьями Александра, рожденными от персидской царевны. За каждым великим человеком стоит великая женщина. Птолемей попросту провозгласил то, что чувствовала Таис, и такое отношение к персам Птолемей сохранил до конца своей политической карьеры. Ни разу и ни в какой форме не предложил он никакой помощи или услуги Роксане и ее маленькому ребенку. Их жестоко игнорировали, как и персидскую жену Птолемея, которая исчезла из истории сразу после

смерти великого завоевателя. Таис проявила себя как женщина с исключительно сильной волей, она оказала значительное влияние на военачальников и политиков, таких как Александр и Птолемей. Отвергнутая Александром ради четырех персиянок, Таис не одобрила и Птолемея, вынужденного жениться на персиянке. Произошло это в 324 году до н. э. в Сузах на устроенной Александром большой свадебной церемонии. Таис затаила в душе большую обиду на Александра. Афиней утверждает, что они с Птолемеем поженились только после смерти Александра, и это наводит на мысль, что царь наложил запрет на брак ведущих своих военачальников с афинскими куртизанками. Таис, как и будущий ее супруг, во всех отношениях выигрывала от убийства Александра.

Тут, разумеется, напрашивается вопрос: если Птолемей и, возможно, Таис хотели смерти Александра и планировали его убийство, то как им это удалось, ведь они сильно рисковали, поскольку Александр с дотошностью параноика отслеживал возможные заговоры и угрозы своей жизни. Ответ весьма прост. По мнению Элиана, Александр считал Птолемея хитрецом, но Птолемей был прирожденным политиком, макиавеллиевской фигурой, а Александр и ближайшее окружение явно его недооценивали. Квинт Курций говорит о поведении сподвижников Александра: «После смерти Клита свободы слова не стало, улыбочивые лица выражали неизменное согласие. О преданности деспот судит по выражению лица под-

данного». Птолемей умел придать своему лицу нужное выражение.

Лучшим доказательством недооценки будущего правителя Египта являются действия Пердикки после смерти Александра. Пердикка, как и Птолемей, находился на службе у великого завоевателя по меньшей мере тринадцать лет. В Вавилоне благодаря поддержке, оказанной Птолемею семьей Антипатра, Пердикка вынужден был согласиться на то, чтобы передать сатрапию Египта Птолемею. Однако же, согласно источникам, Пердикка намеревался вернуть Египет, надеясь, что его союзник Клеомен в этом ему поможет. Пердикка также надеялся, что указ Александра, запрещающий рекрутировать наемников, помешает Птолемею и тот не возьмет в Египет ненавистных персов. Македонская армия была серьезно ослаблена выходом из пустыни, а после и уходом ветеранов, к тому же находилась она под командованием Пердикки.

Пердикка думал, что долго удерживать Египет Птолемею не удастся. Об этом упоминает и Диодор, и Павсаний. Павсаний пишет: «На самом деле он [Пердикка] планировал забрать Египет у Птолемея». Птолемей и сам это понимал. «После смерти Александра... Птолемей перебрался в Египет и убил Клеомена, которого Александр назначил сатрапом этой страны. Птолемей считал его другом Пердикки, а потому и не верил в его преданность». Византийский патриарх Фотий, подытоживая ныне утраченную

работу Арриана, описывает события, произошедшие после смерти Александра, и заявляет, что Пердикка, вторгшись в Египет, выставил много обвинений против Птолемея. В чем эти обвинения состояли, неизвестно, однако Пердикка явно недооценил Птолемея. Тот захватил Египет, казнил друга Пердикки, расхитил сокровищницу и, не обращая внимания на указ Александра от 324 года до н. э., немедленно принялся набирать наемников, включая и известного авантюриста Офела. Затем Птолемей подкупил высокопоставленных македонцев и получил тело Александра, перехитрил Полемона, сподвижника Пердикки, и доставил тело великого завоевателя в Мемфис.

Во время неудачного вторжения Пердикки в Египет Птолемей продемонстрировал прекрасные дипломатические способности. Птолемей заманил Пердикку вместе с его войском в болотистую местность возле Нила, а сам в это время вел тайные, но весьма успешные переговоры со старшими командирами Пердикки. В результате Пердикка был казнен. На страницах истории Птолемей остался хитрым политиком, умевшим скрывать свои замыслы и большие амбиции за простодушной улыбкой. Он обвел всех — и Пердикку, и Александра с его сотоварищами. Птолемей — это Яго при дворе Александра и Макиавелли в одном лице.

И наконец, вопрос о виновности Птолемея. Если он убил своего единокровного брата, то это убийство было результатом запланированного решения, ока-

завшего влияние на всю его дальнейшую жизнь. Конечно, Птолемей мог бы оправдать себя тем, что если бы не убил он, убили бы его. Если он размышлял над «Политикой» Аристотеля, то мог присовокупить сюда концепцию тираноубийства, согласно которой убийство тирана является воистину добродетельным поступком. Такие мысли могли посещать Птолемея, и, возможно, он исподволь заявлял о своей невинности.

Я уже ссылался на то, как в двух важных эпизодах, связанных со смертью Александра, упоминался египетский бог Серапис. Серапис — новое божество, продукт богатого воображения Птолемея. Представление об боге-целителе зародилось в Египте. Птолемей либо позаимствовал его в Синопе на Черном море, либо развил частный культ, имевший хождение в Мемфисе. Каково бы ни было его происхождение, поклонение Серапису явилось личным вкладом Птолемея в религию античного мира. Упоминания Сераписа в «Дворцовых дневниках», как и рассказ о заключенном, сбежавшем из вавилонской тюрьмы и усевшемся на трон Александра, не могут быть ни анахронизмом, ни ошибкой рассеянного писца или монаха. Очень возможно, что упомянут он намеренно. Когда Александр убил Клита, Аристандр тут же заметил, что смерть Клита была делом Диониса. Аристандр выдал клише, часто используемое правителями, которые хотят оправдать волей богов собственные неблагоприятные поступки. Очень похоже, что и Птолемей следовал тем же путем, потому и ссылался

на Сераписа. В «Дворцовых дневниках» Сераписа спрашивают, нужно ли приносить Александра в храм для излечения? Оракул дает ответ: лучше, если Александр останется там, где он находится сейчас. Получается, что бог не может и не станет ничего делать для больного царя, судьба его решена. Предупреждение в виде человека, забравшегося на царский трон, тоже сделано от лица Сераписа. Смерть Александра могла быть политической необходимостью, но могла быть и работой покровительствующего Птолемею божества: свершилось все, мол, не по желанию Птолемея, а по воле божества.

Птолемей, должно быть, сыграл главную роль на судьбоносном пиру 29 мая 323 года до н. э. В источниках все изложено ясно. Александр отправился на официальный пир. И уже собрался уходить, когда Мидий пригласил его на пирушку. Плутарх пишет:

Однажды после великолепного приема в честь Неарха и его спутников Александр принял ванну, как он делал обычно перед сном, и собирался уже было лечь, но, вняв просьбе Мидия, отправился к нему на пир.

Диодор пишет, что на пирушку Александра «позвал фессалиец Мидий, один из друзей царя». Арриан практически сообщает то же самое. Все эти тексты вкупе с «Памфлетом» из «Романа об Александре» производят впечатление, что вторая вечеринка оказалась для Александра сюрпризом, и от такого

приглашения царь, учитывая тревожное его настроение и любовь к вину, отказаться не мог. Однако же, принимая во внимание паранойю Александра, подозрительность и страхи, он, надо думать, был очень осторожен в отношении всего неожиданного. И наверняка с недоверием смотрел на таких людей, как виночерпий Иолл, ведь его отец был у него под подозрением, к тому же незадолго до пирушки Александр оскорбил брата Иолла, Кассандра. Птолемей — другое дело: лояльный командир, личный дегустатор. Что еще важнее, Мидий не устроил бы такой пирушки без одобрения дегустатора Птолемея, отвечавшего за безопасность Александра. Вполне возможно, что и сама идея вечеринки принадлежала Птолемею. Время выбрано им было удачно: дело не ждало, требовалось сделать все как можно быстрее. Птолемей добавил от себя несколько драматических штрихов: пригласил пьяницу Протея, племянника Клита, а за столом повернул разговор к пьесе Еврипида «Андромаха».

Дегустатор Птолемей должен был в тот вечер находиться рядом с царем, правда, он ни разу об этом не обмолвился в собственных воспоминаниях. Если судить по так называемым «Дворцовым дневникам», создается впечатление, что, когда царь заболел и умер, Птолемея поблизости не было. Ввиду статуса и роли Птолемея этого просто не могло произойти. Юстин пишет, что Александр пришел с «товарищем». Зная, как царь заботился о собственной безопасности, можно сказать с уверенностью, что этот таин-

ственный «товарищ» был его телохранителем и личным дегустатором, а именно Птолемеем, сыном Лага. Итак, все были готовы и заговор должен был осуществиться. Протей много пил, чаши снова и снова наполнялись вином. Птолемей, пользуясь царским доверием, подмешал к вину мышьяк. В древности мышьяк был известным ядом, а в восточных провинциях Персидской империи, как и в Пенджабе, территории, захваченной незадолго до этого армией Александра, на мышьяк смотрели как на афродизиак. Страбон, цитируя в своей пятнадцатой книге Онесикрита, говорит, что в Кармании, восточной провинции, в которую Александр вернулся после индийской экспедиции, были две горы — одна из соли, а другая из мышьяка.

Симптомы отравления мышьяком — сильная боль, шок, дискомфорт, неутолимая жажда и проблемы с кожей. Сильная боль может проявиться в течение часа, и весь организм испытывает при этом шок. Диодор Сицилийский описывает эти симптомы, отмеченные у Александра на пиру у Мидия.

Наполнив большой кубок вином, Александр осушил его в один прием. И вдруг закричал, словно пронзенный копьем [на мой взгляд, это воздействие мышьяка, который он принял раньше]. Друзья увели его под руки в его шатер.

Плутарх отмечает те же симптомы, правда, для того лишь, чтобы их отвергнуть. Арриан не столь ка-

тегоричен. Говоря об этом инциденте, он, похоже, цитирует неизвестный источник, возможно, тот же, что и Диодор: «Выпив вино, он почувствовал острую боль, и ему пришлось уйти с пирушки». Острое отравление мышьяком через несколько часов приводит к смерти. Один из способов борьбы с таким отравлением — вызов рвоты или очищение желудка. Большой объем выпитой воды также помогает вывести яд из почек, однако в большинстве случаев отравление мышьяком заканчивается летальным исходом. То, что Александр выпил много вина и его после этого тошнило, могло поспособствовать некоторому облегчению и притушить «острые» симптомы, которые в медицине обозначаются термином «подострые». Дж. Блайт в своем очень подробном труде о ядах перечисляет симптомы отравления мышьяком: «Язык обложен, сильная жажда... почти во всех случаях болевые ощущения... распространяющиеся по всему животу». Блайт пишет, что однократный прием мышьяка может и не привести к немедленной смерти, однако вызовет продолжительную болезнь с фатальным концом.

Однократный прием мышьяка может вызвать продолжительную и фатальную болезнь. Один из наиболее известных примеров — самоубийство герцога де Праслина, который намеренно принял в среду 18 августа 1847 года дозу мышьяка. Точное время приема яда установить не удалось, однако первые симптомы проявились в 10 часов вечера. Симптомы

обычные: рвота, после чего в течение нескольких последующих дней диарея, обмороки и чрезвычайно слабый пульс. В пятницу отмечалась ремиссия, однако при этом очень холодные конечности, слабая и прерывистая работа сердца, депрессия. В субботу появились слабая лихорадка без боли в животе, рвота, диарея; в этот день не было оттока урины. В субботу больной жаловался на сильное стеснение в горле и боль при глотании; отмечалась сильная жажда, язык ярко-красный, как и слизистая рта. Живот болезненный и вздутый, повышенная температура кожи, пульс частый и неровный — то сильный, то слабый. Для опорожнения кишечника приходилось прибегать к инъекциям, мочеотделение очень слабое; ночная бессонница. Герцог скончался в субботу 24-го в 4 часа 35 минут, на шестой день. Сознание сохранялось до последнего момента. При приближении конца дыхание сделалось затрудненным, тело чрезвычайно холодным, а пульс — очень частым.

Большая часть перечисленных симптомов наблюдалась и у Александра. Герцог, как и македонский царь, умер не сразу. Болезнь его длилась шесть дней, у Александра — немногим больше. Заметим, что у Александра было отличное здоровье. Рвота и вино, возможно, отдалили смерть, однако исход был одинаков.

Отравление мышьяком может быть разной интенсивности и проявляться в разных формах. Рвота мо-

жет принести временное облегчение, и мы это видим в записях «Дворцовых дневников», рассказывавших о болезни Александра. Та же картина наблюдалась и у Гефестиона. Тем не менее, с каким бы подозрением мы ни относились к дневникам, там написано, что царь съел больше пищи — как в свое время Гефестион — и почувствовал ухудшение состояния. А ведь за еду и питье отвечал Птолемей. На присутствие мышьяка как причину безвременной смерти Александра указывает еще более важное свидетельство.

Вплоть до конца XIX века мышьяк был главным орудием убийства. В отличие от чемерицы, которая имеет выраженный горький вкус и быстро воздействует на сердце, мышьяк трудно распознать на вкус, да и первые симптомы напоминают малярию или холеру. Жажда Александра, желание искупаться также указывают на отравление. У мышьяка, однако, есть большой недостаток, из-за которого в конце XIX и в начале XX века было проведено множество экспериментов, а именно: тело долго не разлагается. Два источника — Плутарх и Квинт Курций — указывают, что именно это произошло с трупом Александра, хотя в ту пору в Вавилоне стояла удушающая жара. Читаем Блайта:

...наблюдается удивительная сохранность тела. Это обстоятельство имеет большое значение, особенно если тело находится в условиях, при которых оно должно быстро разложиться. На память приходит

знаменитое дело: труп жены аптекаря Спейхерта (1876) был эксгумирован через одиннадцать месяцев после похорон. Гроб частично стоял в воде, однако труп превратился в мумию. В органах обнаружили мышьяк, кладбищенская земля мышьяка не содержала. Р. Кох [адвокат] не мог найти другой причины сохранности тела, кроме воздействия мышьяка. Это обстоятельство вместе с другими стало важным доказательством обвинения Спейхерта.

Будучи личным дегустатором царя, Птолемей имел все возможности отравить великого завоевателя. В последние дни жизни у Александра наступали моменты просветления, когда он мог распорядиться относительно престолонаследия, он, например, вручил Пердикке кольцо с государственной печатью. Тем не менее все источники указывают: во время болезни за покойми царя установили строгий надзор и людей к нему не допускали. Устроили консилиум, однако врачей смутили симптомы, что, впрочем, и неудивительно: в конце XIX века, в 1880 году, в нашумевшем деле Мэйбрика врачи не смогли определить настоящую причину болезни пациента, а это было отравление мышьяком. Так и здесь: памятуя о судьбе распятого на кресте Плавка за то, что тот год назад не смог вылечить Гёфестиона, врачи не решились действовать из страха ухудшить состояние Александра и обречь тем самым себя на смерть.

Птолемей все держал под контролем. Только под самый конец позволено было солдатам войти к уми-

рающему, однако было уже поздно. Интересно отметить: Юстин говорит, что простые солдаты подзревали заговор, и все источники пишут о волнении в войсках. Это объясняет поддержку такого подстрекателя, как Мелеагр. Птолемей, словно Яго, продолжал быть лояльным командиром. Верный подчиненный, который «может улыбаться, улыбаться и быть мерзавцем»¹. Его поступки отражают мнение сэра Гарингтона² о том, что государственная измена никогда не преуспевает, поскольку если бы она преуспевала, никто и не посмел бы назвать ее изменой.

Молчание Птолемея во время самого важного периода в его жизни, не говоря уже о последних днях его хозяина, невероятно красноречиво. Птолемей более озабочен тем, что должно произойти после смерти царя. Нет свидетельств о том, что, умирая, Александр считал себя жертвой заговора, хотя много спорят об его ответе на вопрос, кому он оставляет империю: «самому сильному» или «самому достойному»? Также и его высказывание о том, что военачальники устроят самые масштабные похоронные игры, можно расценить как ироническое замечание: Александр сам, мол, предсказывал, что вопрос о наследовании закончится кровопролитием.

¹ Шекспир. «Гамлет», I, V. Перевод Б. Л. Пастернака.

² Сэр Джон Гарингтон — английский поэт и государственный деятель времен королевы Елизаветы I, автор сборника «Эпиграммы», цитируется эпиграмма IV.5.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Эпилог

Но, может быть, ты спросишь: этот грех,
Как он созрел? Мне жены нашептали.

Еврипид. «Андромаха»

Александр умер в ночь с 9 на 10 июня 323 года до н. э. Единственный источник, свидетельствующий о том, что произошло впоследствии, и заслуживающий доверия, это — описание Квинта Курция. Он рассказывает об ощущении шока, охватившего город:

Сначала весь царский дворец огласился плачем, жалобами и причитаниями, а потом все словно застыло в каком-то оцепенении: печаль привела к размышлениям о будущем. Знатные юноши, бывшие его телохранители, не могли перенести всей глуби-

ны горя, не могли оставаться в стенах дворца. Как безумные бродили они по городу и наполняли его своим отчаянием и печалью, не прекращая жалоб, какие горе подсказывает в подобном случае. Македонцы, стоявшие вне дворца, смешались с варварами, и нельзя было отличить победителей от побежденных.

Квинт Курций продолжает описывать ночь молчаливого ужаса. Новость распространилась по всему городу и за его пределами.

В таких размышлениях застала их ночь и усилила их тревогу. Солдаты бодрствовали, не снимая оружия, вавилоняне — кто со стены, кто со своей крыши — смотрели вперед, чтобы лучше разглядеть. Никто не решался развести огонь. И так как видеть не было возможности, прислушивались к голосам и шорохам и в страхе, чаще в напрасном, метались по темным тропам, наталкивались друг на друга.

Персы, обрезав по своему обычаю волосы, в траурных одеждах вместе с женами и детьми искренне оплакивали его не как победителя и недавнего врага, а как законного царя своего народа. Привыкшие жить под властью царей, они признавали, что никогда не было у них более достойного господина. Печаль вышла из стен города и распространилась на ближайшую область, а затем молва о столь великом горе охватила и большую часть Азии по эту сторону Евфрата.

Мать Дария настолько была потрясена, что отказалась от пищи и изнемогала от горя. По словам Квинта Курция, полководцы Александра сделаны были из более прочного материала. На следующее утро они устроили совещание. Квинт Курций называет собравшуюся «девятку»: Пердикка, Леоннат, Аристон, Птолемей, Лисимах, Пифон, Селевк, Эвмен, Неарх. Все эти люди встречались друг с другом в последние дни жизни царя и в часы, следовавшие за его смертью. Они надеялись, что собрание пройдет спокойно, однако этого не произошло.

Обнаружилось отсутствие единства у высшего командования, вражда между вождями. Все это подтверждает предположение, что убийство Александра произошло не в результате хитроумных действий «порфиросных повелителей», а явилось плодом работы изощренного ума, готового воспользоваться хаосом и неразберихой, неизбежно последовавшими вслед за убийством. Умный Пердикка также предвидел это: он немедленно вернул перстень с печатью, которым Александр скреплял свои указы, и предложил собранию обсудить сложившееся положение.

Ораторы предлагали резко отличавшиеся друг от друга стратегии. Пердикка, Неарх и Аристон выступали против Птолемея. Личный телохранитель Александра, близкий друг, возможно, и единокровный брат через несколько часов после смерти хозяина порицал царя, возражая против объявления престолонаследником будущего ребенка Александра от Роксаны и даже высказывался против назначения

Пердикки наместником. Птолемей твердо стоял на своем: ни один перс не может быть допущен к власти. Властные полномочия должны принадлежать совету регентства. Конечно, и он, и Кассандр поддержат это. Такое поведение являлось логическим следствием заговора между Птолемеем и семьей Антипатра, целью которого являлось удаление Александра и раздел империи. Птолемею и Антипатру не нужны были цари, особенно такие, в жилах которых текла персидская кровь. Не хотели они и чтобы первенство, а впоследствии и власть, передали Пердикке. Рассказ Курция доказывает, что расположения к Птолемею никто не испытывал. Пердикка в тот день одержал победу, но Птолемей впоследствии потребует себе отступные.

После выступления Аристона собрание заколебалось: он порекомендовал передать власть Пердикке. То, что произошло после, оказалось полной неожиданностью. Один из вождей — Мелеагр — заявил, что Пердикка не годится. Не сохранилось сведений о том, что в то время существовал заговор, однако выявился раскол между конницей и фалангой — ветеранами-пехотинцами, основой македонской армии. Мелеагра я уже упоминал, это он возражал Александру, когда царь одаривал индийского принца Таксила. В тот раз Александр заметил ему, что завистливый человек — худший враг самому себе. Вероятно, возражения Мелеагра против назначения Пердикки в изложении Курция действительно имели место. Его обуяли жадность и страх при мысли, что Пердикка

может «разграбить царские сокровища». Мелеагр выражал консервативное отношение македонской пехоты, не желавшей прихода к власти Пердикки.

Мелеагр говорил, что регента или наместника им не нужно, незачем ждать, когда персидская царица родит сына. У них уже есть македонский царевич, плоумный сын Филиппа Арридей. Он был провозглашен царем под именем Филиппа III. Придворные возражали и предлагали сделать Пердикку регентом и опекуном пока еще не рожденного сына Роксаны. Мелеагр поднял бунт. В той самой комнате, где лежало тело Александра, началась потасовка. Мелеагр попытался арестовать Пердикку, однако тот сумел выбраться из дворца, с помощью конницы заблокировал все входы в Вавилон и прекратил поставку продовольствия пехоте Мелеагра. Затем Пердикка вместе с последователями развернул широкую кампанию, стараясь с помощью подкупа ослабить позицию Мелеагра. Филипп Арридей был лишь номинальной фигурой, вскоре бунт был подавлен, и наступило перемирие.

Затем Пердикка составил план мести. Он решил провести обряд очищения всей армии в соответствии с македонским обрядом.

Цари Македонии традиционно очищали свою армию. В открытое поле приводили войско, разрезали на две части собаку и клали половинки животного на некотором расстоянии друг от друга. Затем между ними проходило войско, с одной стороны конница, с другой — пехота.

Пердикка, однако, воспользовался этим обрядом не только для очищения армии, но и для ее объединения, удалив всех инакомыслящих. Зачинщиков бунта арестовали и бросили под ноги слонам. Бунту тут же был положен конец. Мелеагр попытался найти убежище в храме, однако его поймали и убили.

Роль Птолемея в этих драматических событиях, очевидно, ограничилась речью, в которой он высказался против еще не родившегося царя, наполовину перса, а также против назначения сатрапом Пердикки. Из документов следует, что Птолемей объединился с Пердиккой против Мелеагра, однако выбора в тот момент у Птолемея не было. Если бы он принял сторону фалангитов, то ему пришлось бы отказаться от обязанностей военачальника.

Возможно, во время этих напряженных дней или сразу после них военачальники обратились к вопросу о разделе империи. Нет документов, свидетельствующих о том, что они намеревались превратить захваченные территории в независимые владения, хотя Птолемей наверняка с самого начала тайно вынашивал такую идею. Александра не стало, явного наследника нет, и Птолемей не хотел благословлять преемника. Он немедленно отрекся от своей персидской жены и теперь имел право признать супругой Таис. Более важным для него было то, что он мог теперь выйти из бесконечной войны. Жизни его ничто не угрожало, у него была власть, он мог действовать по своему усмотрению, почивать на лаврах и наслаждаться плодами победы. Но нет сведений, почему

Птолемею, пусть и крупному военачальнику, но в какой-то степени аутсайдеру, да и к тому же враждебно настроенному в отношении Пердикки, отдали Египет, самое богатое и удачно размещенное со стратегической точки зрения суверенное государство, аннексированное Александром.

К 323 году до н. э. Египет был царством, история которого насчитывала по меньшей мере 2000 лет. Страна обладала богатыми природными и людскими ресурсами и четкими границами, была наиболее процветающей и дружественной из всех, завоеванных Александром в персидской войне земель. Совершенно очевидно, что Пердикка Птолемею не доверял и намеревался Египет у него отнять. Птолемей никак не мог утверждать, что Египет ему подарил Александр. Курций ссылается на оставленное Великим завоевателем завещание только для того, чтобы такое предположение опровергнуть. В гл. 83 кн. 20 Диодор Сицилийский также упоминает составленное Александром завещание. Документ этот будто бы хранился на острове Родос. Но если даже завещание и существовало, то оно тут же исчезло и диадохи, последователи Александра, ни разу на него не сослались.

На мой взгляд, Птолемею отдали Египет в качестве вознаграждения. Это был прямой результат тайного его альянса с домом Антипатра, целью которого было устранение Александра и удовлетворение интересов обеих сторон. В 323 году до н. э., после смерти Александра, Антипатр стал самым сильным правителем. Пердикка мог обладать властными полномочиями, но

Антипатр одиннадцать лет был регентом в Македонии. Он подавил бунты, одержал выдающуюся победу над спартанцами, выпроводил Олимпиаду и сделался законным правителем. Благодаря своему статусу он стал полновластным хозяином родной земли со всеми ее ресурсами. Пердикке и прочим ничего не оставалось другого, кроме как признать это, они признали Антипатра «хозяином Европы» с довольно расплывчатой оговоркой, что своей властью он должен поделиться с Кратером. Птолемей, и находившийся в то время в Вавилоне Кассандр высказались решительно против такого предложения. Так как несчастный Кратер с десятью тысячами ветеранов все еще был на полпути к дому, его предполагаемое партнерство с Антипатром осуществить было невозможно. Кратер смирился с этим обстоятельством и явился вместе со своим войском в полное распоряжение Антипатра. Теперь у Антипатра была надежная военная опора, а его сын Кассандр стал официальным послом в Вавилоне. Кассандр и Антипатр настояли на том, чтобы их тайному союзнику Птолемею отдали Египет: надо же было вознаградить его за все то, что тот сделал. Пердикка покорился, хотя в душе верил, что уберет Птолемея и захватит Египет.

Внешнюю политику Египта, проводимую Птолемеем, характеризуют четыре особенности: дружба и сотрудничество с Антипатром и Кассандром; соблюдение нейтралитета со стороны Египта в отношении внешних споров; решительный отказ от участия в борьбе за власть в других частях Македонской импе-

рии; неугасимая ненависть к Пердикке. Военные сослужили Птолемею хорошую службу. Он предстал сыном великого Филиппа, братом Александра, видным полководцем и стратегом, членом военного совета и македонцем, не желавшим иметь ничего общего с персидскими обычаями.

Птолемей во многом напоминал Филиппа — и жизненнолюбим, остроумием, и хлебосольством. В «Моралиях» Плутарх высказывается по поводу щедрого, хотя и весьма своеобразного гостеприимства Птолемея.

Птолемей, сын Лага, часто ел и спал у друзей своих, а когда самому ему случалось угощать их, он у них же брал для этого и столы, и покрывала, и посуду, потому что сам ничего не имел, кроме самого необходимого; царю, говорил он, более пристало обогащать не себя, а других.

Диодор хвалит Птолемея за отвагу и честное отношение к друзьям. Птолемей старался привлекать под свои знамена каждого македонца, недовольного собственным вождем. В их число входили такие полководцы, как Селевк, он пошел за ним, потому что «пошел слух о доброту Птолемея, о его гостеприимстве и дружеском отношении к тем, кто пришел к нему за поддержкой». Выйдя из тени великого завоевателя, Птолемей оправдал характеристику Александра: он и в самом деле был очень хитер. Птолемей заявил о себе как об отличном переговорщике, умевшим подкупить людей. Воевал он неохотно, зато всегда готов был воз-

наградить, польстить и подкупить, все это очень роднило его с Филиппом Македонским.

В Вавилоне диадохи решили два важных вопроса: погребение Александра и временный отказ от планов великого завоевателя. Пердикка ознакомил бездействовавшую в данный момент македонскую армию с планами Александра, и воины, еще не оправившиеся от того, что с ними произошло, и представляя, что их может ждать впереди, наотрез от этих планов отказались. Пехота была сыта по горло и войной, и славой, а командиры их не могли дождаться, когда им раздадут обещанные территории. Жребий был брошен. С формальной точки зрения власть досталась Пердикке, но диадохи знали, что это всего лишь вопрос времени: возникнут реальные противоречия, и начнется война.

Птолемей намерен был удержать то, что он завоевал. Вавилон он оставил в конце лета 323 года до н. э. и вывез свою казну, семью, войска и всех, кто пожелал последовать за ним в Мемфис, старую столицу Древнего Египта, «Белые стены», дом бога Пта¹. Новый город в дельте Нила, основанный Александром и носящий его имя (Александрия), был все еще не достроен и уязвим: его могли атаковать и с моря, и с дороги, тянувшейся из Синая в Ханаан. Птолемей с

¹ Пта (Птах) — в египетской мифологии бог города Мемфис, «творец всего сущего», покровитель искусств и ремесел. Изображался обычно в виде человека, закутанного в погребальные пелены.

легкостью завладел царством. Александр оставил в Египте гарнизон, который приветствовал македонского героя, а сами жители смотрели на него как на законного наследника престола Александра в Египте. До Птолемея ими управлял коррумпированный администратор, греческий наместник Клеомен из Навкратиса. Клеомен перед самой смертью Александра был обвинен в серьезной коррупции и злоупотреблениях властью. Он был греком и не пользовался авторитетом у македонских солдат и гражданского населения. Птолемей, недолго думая, казнил Клеомена, захватил казну, насчитывавшую 8000 талантов, а в ответ обрел преданность македонского гарнизона. Птолемей пришел к египтянам поистине *Сотером*, что значит по-гречески «спаситель».

Новый сатрап ни в коем случае не почил на лаврах: он знал, что время не терпит, и стал готовиться к грядущим сражениям, которые, в чем он не сомневался, уже готовили против него. Диодор подчеркивает важные политические акты нового сатрапа: захват казны, умиротворение гражданского населения, набор наемников, приглашение союзников и тесное сотрудничество с семейством Антипатра. Птолемию помогло усиление неразберихи и разлада в Греции и Азии. В течение полутора лет Птолемей находился в обстановке тревожного ожидания, в то время как диадохи, маневрируя, заключали друг с другом разные блоки и союзы. Антипатру пришлось столкнуться с серьезными выступлениями в Греции и с растущей оппозицией партии Пердикки. При поддержке Кратера Анти-

патр осуществлял секретные переговоры с Птолемеем. Возможно, именно в этот период поползли первые слухи относительно смерти Александра. Появился «Памфлет» в «Романе об Александре», описывавший убийство Великого завоевателя кланом Антипатра. Произошло это, возможно, не без участия Пердикки, желавшего опорочить семейство Антипатра, который мало чем мог на это ответить, за исключением наказания отдельных лиц, признанных виновными в распространении подобных историй. В качестве примера можно привести несчастного Гиперида из Афин. Птолемей не обращал на это внимания. Эти истории не могли ему повредить: если осуждали Антипатра и его семью, то это были их проблемы. Кассандр и его отец не могли о нем ничего рассказать, в противном случае они еще больше повредили бы самим себе. Птолемей, бывший телохранитель и доверенное лицо царя, хранил молчание. В тот период его больше интересовало формирование собственных вооруженных сил и распространение влияния в Северной Африке, а также захоронение праха Александра в Египте.

Как только царь умер, в соседней комнате начались препирательства из-за наследования, и всем было не до тела Александра. Птолемей, должно быть, был озабочен тем, что тело не разлагается. Плутарх отмечает этот феномен, как и те люди, которые, согласно Квинту Курцию, пришли во дворец, чтобы забальзамировать тело. Об особенности мышьяка сохранять тело тогда не знали, а потому приписали это явление божественной природе Александра.

Уладив дела с фалангой, диадохи решили перевезти тело покойного царя домой и похоронить его там с большими почестями. Под словом «домой» они понимали царский некрополь в Вергине, в Македонии, где был похоронен Филипп и его родители. Военачальнику Арридею (не полоумному брату Александра, а другому) приказано было организовать погребение. Тело Александра рассматривалось как священная реликвия, а потому на того, кто владел им, переходила часть славы. Римский писатель Элиан рассказывает довольно странную историю, которая не только подчеркивает тот факт, что тело Александра не разложилось, но и почтение, с которым отнеслись к праху.

Александр, сын Филиппа и Олимпиады, утверждавший, что он сын Зевса, лежал в Вавилоне мертвый. В то время как его последователи спорили о престолонаследии, он лежал, ожидая погребения, на которое рассчитывают даже нищие, так уж суждено природой: всех мертвых нужно хоронить. Однако его не хоронили тридцать дней, пока Аристандр из Тельмесса — то ли по божественному вдохновению, то ли по другой причине — не вошел в македонское собрание и не сказал, что из всех царей, которые известны в истории, Александр самый счастливый и в жизни, и в смерти. Боги сказали ему, что земля, которая примет его тело, бывшее ранее обиталищем его души, будет счастлива и непобедима.

Услышав это, знать принялась спорить, каждый хотел увезти тело к себе домой, чтобы реликвия га-

рантировала безопасность и благополучие его земле. Но Птолемей, если верить слухам, выкрал тело и поспешно уехал вместе с ним в Александрию, в Египет. [Элиан ошибается, считая, что все произошло за несколько недель, а может, и дней.] Македонцы никак на это не среагировали, за исключением Пердикки. Тот пустился вдогонку. Волновало его не столько тело Александра, сколько предсказание Аристандра. Когда он нагнал Птолемея, началась яростная борьба за обладание прахом. Напоминало это эпизод с «призраком», описанный Гомером [Илиада 5.449]. Там Аполлон, сотворив обманчивый призрак, спасает Энея. Птолемей перехитрил Пердикку. Он сделал муляж тела Александра, нарядил его в царскую одежду и уложил в одну из персидских колесниц, украшенную серебром, золотом и слоновой костью. Подлинное тело Александра выслано было раньше, без всякого шума и формальностей, по малоизвестному маршруту. Пердикка захватил красивую колесницу с муляжом, решив, что дело сделано. Слишком поздно он обнаружил, что его обманули, однако пускаться в погоню было уже поздно.

Описание Диодора не столь драматично и гораздо ближе к истине. Он описывает похоронный corteж и воздает хвалу Птолемею, который устроил засаду и захватил его.

В этом году Арридей, которому было поручено отправить домой тело Александра, завершил работу

по изготовлению колесницы, на которой должны были отправить царское тело. Так как катафалк был достоин славы Александра, ценой своей он превзошел все остальные похоронные экипажи. На него было истрачено много талантов, все поражались, сколь великолепно он был устроен. Я считаю, что следует его описать. Сначала был изготовлен гроб из чеканного золота, труп обложили дорогими благовониями, препятствующими разложению тела. Укрыли гроб золотой материей. Сверху положили великолепный пурпурный плащ, отороченный золотом. Рядом поместили оружие, красота и достоинства которого находились в полной гармонии с достижениями Александра. Подготовили крытую колесницу, в которой должны были доставить гроб с телом покойного. На колесницу установили свод шириной восемь и длиной 12 кубитов¹. Свод этот был покрыт золотой чешуей со вставками из драгоценных камней. Под крышей, по периметру, проходил золотой карниз, украшенный барельефами в виде оленьих голов. К головам были прикреплены золотые кольца шириной в две ладони, в кольца была продега многоцветная гирлянда. С концов гирлянды, на кистях, свешивались большие колокола, звон их был слышан издалека. В каждом углу свода стояло по золотой статуе Ники с трофеем в руке. Опирался свод на золотую колоннаду с ионическими ка-

¹ Кубит — древнеримская мера длины, соответствует примерно 0,5 м.

питателями. С внутренней стороны колоннады была пропущена позолоченная сеть. Сплетена она была из шнуров толщиной в палец, а на ней крепились четыре соединенные друг с другом картины. Высота каждой картины равнялась высоте колонны.

На одной картине была изображена колесница, украшенная барельефами, а в колеснице сидел Александр с великолепным скипетром в руках. Колесницу окружали вооруженные когорты, македонские и персидские, телохранители и солдаты в боевом вооружении. На другой картине — боевые слоны, впереди индийские погонщики, а позади — вооруженные македонцы. Третья картина изображала конницу, выстроенную в боевом порядке. На четвертой картине корабли подготовились к морскому бою. Вход в колесницу охраняли золотые львы. Золотой акант, обвивая каждую колонну, поднимался к капители. Посередине крыши колесницы билось на ветру красное знамя с вышитым на нем золотым оливковым венком. Солнечный луч падал на знамя, и оно ярко загоралось, так что на расстоянии казалось, будто вспыхивает молния.

Корпус колесницы покоился на двух осях с насаженными на них четырема персидскими колесами. Ступицы и спицы колес позолотили, а соприкасающийся с землей обод сделали из железа. Выступающие части осей в форме львиных голов изготовили из золота, и каждая голова удерживала в пасти копье. Посередине оси установили специальный упор, смягчавший толчки при движении. Тащили колес-

ницу специально отобранные мулы, самые крупные и сильные. Головы их украшены были позолоченными коронами, с которых свешивались золотые колокольчики, на шеях — упряжь из драгоценных камней. Шестьдесят четыре мула, разделенных на четыре упряжки, по очереди сменяли друг друга.

Вот так была устроена и украшена колесница. Красоту и величие ее трудно описать словами. Слух о ней привлек множество зрителей. В каждом городе, через который она проходила, все население высыпало на улицы и, словно зачарованное, сопровождало ее дальше. Вместе с колесницей шли дорожные рабочие и механики, готовые устранить малейшую помеху. Охраняли колесницу солдаты.

Арридей потратил на эту работу почти два года, а закончив, перевез тело царя из Вавилона в Египет. Птолемей, однако, желая воздать почести Александру, пошел вместе с войском встречать царя в Сирию. Он решил не посылать его к Амону в Сиву, а устроить могилу в знаменитом городе, основанном самим Александром. Птолемей подготовил там мавзолей, достойный славы Александра, впечатляющий и своими размерами, и архитектурным решением. Похоронив его там, принеся жертвоприношения и почтив как богочеловека, Птолемей заслужил благодарность не только людей, но и богов. Милосердие Птолемея и благородство сердца привлекли к нему людей со всей Александрии. Они с большой охотой включились в кампанию против Пердикки, хотя вполне сознавали, что подвергаются большо-

му риску. Они боролись на стороне Птолемея. Боги чудесным образом спасли его от большой опасности, вознаграждая за силу духа и честность по отношению к друзьям.

Хотя источники противоречат друг другу, ясно, что Птолемей захватил тело Александра и силой, и подкупом, и обманом. Пердикка пытался предотвратить это, но Птолемей его перехитрил. Птолемей не сразу перевез тело царя в Александрию, которая могла быть подвергнута нападению, а сначала доставил его в Мемфис. Как свидетельствует Квинт Курций:

После двухлетнего перерыва тело Александра было наконец перевезено Птолемеем в Мемфис, в Египет, а оттуда через несколько лет в Александрию. Имени и памяти царя там воздаются великие почести.

Все эти рассказы демонстрируют присущую Птолемею изворотливость. Он зарекомендовал себя как прирожденный политик, отличный переговорщик, умеющий подкупить влиятельных военачальников. К тому же он был смелым командиром и правителем, готовым ответить за последствия собственных поступков. Кража тела Александра была блестящим ходом. Птолемей сумел провести и тонкую пропагандистскую кампанию, и утвердил свой авторитет у македонцев. Он одним невероятным маневром перехитрил Пердикку и, завладев священным прахом

Александра, воспользовался им для привлечения на свою сторону македонцев. Кражу можно было объяснить попыткой Птолемея предстать в качестве наследника Александра, однако Птолемей никогда не тешил себя мечтами об империи. Во время переговоров он решительно отвергал такое предположение. Только когда его интересам начинали угрожать, он вступал в военный конфликт с диадохами. Скорее всего предпринятая Птолемеем кража имеет прагматические и политические мотивы. Во-первых, он хотел держать при себе прах убитого им человека, чтобы скрыть свою вину и предотвратить дальнейшие расследования обстоятельств смерти Александра. Во-вторых, Птолемею не нужна была никакая империя: ему был нужен Египет, и священной обязанностью фараона являлся уход за могилой своего предшественника. В Древнем Египте это было непременной составной частью ритуала престолонаследия. В подтверждение можно привести много примеров, самый известный из них — история Аи, фараона восемнадцатой династии, которого со всеми царскими регалиями изобразили рядом с погребением знаменитого предшественника Тутанхамона.

Какие бы цели Птолемей ни преследовал, но ему пришлось иметь дело с последствиями. Пердикка намеревался вернуть важную провинцию империи Александра, которую два года назад вавилонским знойным летом вынужден был выпустить из своих рук. Пердикка надеялся, что Клеомен подчинит Птолемея, однако просчитался, недооценив противни-

ка. Дело дошло до объявления войны. Пердикка хотел сокрушить Антипатра в Европе, а Птолемея — в Египте. Союзник Пердикки Эвмен занялся Антипатром у Геллеспонта, а Пердикка повел свое войско в Египет. Его наступление закончилось провалом. Птолемей дал достойный отпор Пердикке, армия которого понесла страшные потери при попытке переправиться через кишевший крокодилами Нил.

Птолемей деловито подкупал командиров Пердикки и вскоре (321 г. до н. э.) после ужасной переправы через Нил Пердикка был убит воинами, возглавляемыми Пифоном. Птолемея тут же пригласили врага в лагерь, где он немедленно отблагодарил Арридея и Пифона, поспособствовав назначению их временными регентами детей Александра Македонского. Птолемей до конца своего царствования старался придерживаться такой политики. Он остался в стороне от яростных схваток претендентов на власть. Его больше интересовало сохранение влияния в землях, которые традиционно имели тесные связи с Египтом: острова Средиземноморья, Ливия и города-государства Северной Африки, а также Финикия и Сирия. Он продолжил свое сотрудничество с кланом Антипатра, женился на Евридике, сестре Кассандра, которая родила ему четверых детей. Когда Антипатр мирно скончался в своей постели, Птолемей и Кассандр остались в дружеских отношениях и вместе выступали против Антигона Одноглазого, еще одного полководца Александра, которому удалось пережить крах империи.

Птолемей стал царем и основал династию, просуществовавшую до времен императора Августа. Птолемей не только защищал внешние интересы государства, но и старался улучшить жизнь новых подданных, называвших его Сотером (Спасителем). Он основал знаменитый музей и библиотеку и привлек к себе ученых, которым покровительствовал. Античный мир по праву гордился Александрией. Здесь были не только школа жизни и академия, но и великолепный мавзолей Великого завоевателя, стоявший там, где Канопская дорога сходилась с улицей Сема. Сема стала впоследствии местом погребения правителей династии Птолемеев и местом паломничества. Мраморный мавзолей Александра был окончательно завершён преемником Птолемея и дожил до времени правления Аврелия, то есть до конца III столетия нашей эры.

Птолемей оказался выдающимся правителем, основателем великой династии. Кровавую схватку диадохов он наблюдал со стороны. Выжили в этой схватке Кассандр, Селевк и Антигон, а Эвмен, Кратер, Полисперхонт, Леоннат, Пифон и прочие, жившие мечом, от меча и погибли. Птолемей видел, как погибла семья Александра. Олимпиада до самого конца боролась с ненавидевшим ее Кассандром. Она вынуждена была признать свое поражение, но позже была убита, такая же судьба выпала Роксане и подросшему сыну Александра.

Умер Птолемей в 282 году до н. э. Он пережил многих своих современников. Согласно легенде, неза-

долго до смерти Птолемей отрекся от престола в пользу своего сына и удовольствовался положением старого воина. Если это верно, то восьмидесятилетний старик вернулся в прошлое. Возможно, поэтому он и написал мемуары, где изобразил себя лояльным придворным, грубовато-простодушным македонцем, преданно следующим за Великим завоевателем. Птолемей хотел оправдаться, хотя бы в собственных глазах. Представляю, как в благоухающую египетскую темную ночь Птолемей выпивал кубок вина во дворце и шел к мавзолею взглянуть на гробницу Александра. Сидя там, он вспоминал, должно быть, жаркий вечер в Вавилоне и судьбоносный пир, где, подняв кубок с отравленным вином, царь процитировал Еврипида и провозгласил в последний раз тост за здоровье Птолемея, официального своего дегустатора. Возможно, что и Птолемей Сотер ответил ему тостом и даже процитировал мрачные стихи хора, которыми Еврипид заканчивает трагедию «Андромаха»:

*Многовидны явленья божественных сил,
Против чаянья, много решают они:
Не сбывается то, что ты верным считал,
И нежданному боги находят пути:
Таково пережитое нами.*

ИСТОЧНИКИ

Главные источники

Свое внимание я намеренно сосредоточил на главных источниках. Я прилежно изучил все исторические документы, но попытался уйти от предвзятости, создающей «идеальный» образ Александра, и дал «голосам времени» говорить самим за себя. Я также хотел ограничиться убийством Александра и мотивами, которые за этим убийством стояли.

Аристотель. Современник Александра и его учитель. Философ и ученый, ученик Платона. Самые знаменитые работы Аристотеля — «Политика» и «Этика».

Арриан Флавий. Жил в I—II столетии новой эры при римском императоре Адриане, преуспевал в качестве военного и государственного служащего. Исторический трактат Арриана об Александре основан на мемуарах Птолемея и Аристобула. Они дошли до на-

ших дней лишь во фрагментах. Одно время работу Арриана считали главным источником сведений о жизни Александра, сейчас историки к его трактату относятся чуть сдержаннее. Преклонение Арриана перед Великим завоевателем несомненно, возможно поэтому факты из жизни Александра он приводил с выбором. Вторая работа Арриана, «Индия», написана под сильным влиянием записок командующего флотом Неарха, человека, сильно увлеченного собственной карьерой.

Афиней из Накратиса. Грек из Египта. Прославился сочинением «Пирующие ученые». Афиней собирал любую информацию о выдающихся людях античного мира. Интересовали его как добродетельные личности, так и те, кто пользовался скандальной известностью. В своей книге он буквально перескакивает с одной темы на другую. Рассказывает о знаменитых афинских куртизанках, цитирует высказывания государственных деятелей и солдат. Тем не менее многие фрагменты, которые удалось ему собрать, представляют большую ценность и часто дополняют сведения из других источников.

Геродот. Жил около 450 г. до н. э. Работы его с точки зрения историка и географа являются ценным источником информации.

Гомер. Греческий поэт, автор эпических поэм «Илиада» и «Одиссея».

Демосфен. Современник Александра, афинянин, оратор и демагог, стоявший в жесткой оппозиции к

Македонии. Он участвовал в сражении при Херонее и был вечной занозой для рода македонских царей.

Диодор Сицилийский. Жил около 45 г. до н. э., сицилиец. Автор 40 книг «Исторической библиотеки». На мой взгляд, время правления Александра Диодор осветил наиболее объективно. Всю XVII книгу он посвятил периоду 336—323 гг. до н. э., а книга XVIII — неоценимый источник знаний о борьбе за власть, разгоревшейся после смерти Александра. Вполне понятно, что с датами и хронологией Диодор обращался не слишком бережно, но, на мой взгляд, он беспристрастен и в своей работе пользовался источниками, которые остались только во фрагментах, например записками Иеронима из Кардии, непосредственно участвовавшего в борьбе за престолонаследие.

Еврипид. Жил в пятом столетии до новой эры. Любимый драматург Александра, автор трагедии «Андромаха».

Исократ. Современник Филиппа Македонского, оратор и публицист, яростный противник Персидской империи.

Квинт Курций. Римский писатель первого столетия новой эры. Его «Историю Александра» (некоторые части отсутствуют) историки часто осмеивали, считая ее слишком эмоциональной и недостаточно точной. Не так давно Курция «реабилитировали». Правда, Курций пишет историю, рассматривая ее с точки зрения римского политика своего времени. Тем

не менее он сообщает важную информацию о времени правления Александра и особенно о событиях, произошедших после смерти Великого завоевателя.

Клавдий Клавдиан. Считается последним классическим поэтом Рима. Жил около 400 г. н. э.

Ксенофонт. Солдат, историк, жил в четвертом столетии до новой эры. Автор драматического рассказа о знаменитом инциденте во время персидской войны (поход Десяти тысяч), а также «Киропедии».

Павсаний. Грек, живший во втором столетии новой эры. Путешественник и неисправимый сплетник. Сохранились важные фрагменты сочинения Павсания «Описание Эллады».

Плутарх из Херонеи. Жил около 100 г. н. э. Современник Арриана, верховный жрец Аполлона в дельфийском святилище. Жил во времена императора Адриана. Сочинение Плутарха «Жизнеописание Александра» написано в том же духе, что и работа Арриана, хотя под конец, как и в других произведениях, заметны сомнения Плутарха в отношении оценки Александра, так, например, он пишет о пьянстве Великого завоевателя и тяжелом его нраве. Сочинение Плутарха «Жизнеописание Эвмена» также имеет непреходящее значение.

Псевдо-Каллисфен — это имя дано неизвестному автору произведения, впоследствии названного «Роман об Александре». Сочинение это можно найти во многих вариантах. Появилось оно в конце второго столетия новой эры, хотя часть его, касающаяся смерти Александра, которую Робин Лейн-Фокс ок-

рестил «Памфлетом», следует отнести ко времени, наступившему вскоре после смерти Александра. «Памфлет» использовали в своих целях соперничавшие друг с другом претенденты на престол.

Страбон. Грек, жил в первом веке новой эры. Автор «Географии», повествующей о людях и странах античности.

Корнелий Тацит. Жил в первом столетии новой эры, историограф, написал множество трудов, среди них наиболее известна «История».

Фотий. Византийский патриарх, составил «Библиотеку великих произведений историков и философов», в том числе краткое изложение работы Арриана, посвященной смерти Александра. Особенно полезны сведения, касающиеся начала правления Птолемея в Египте.

Элиан. Жил около 200 г. н. э. Римский писатель. Элиан — прирожденный сплетник. Его «Пестрые рассказы» и в самом деле коллекция слухов из разных источников. В подборе материалов не прослеживается методики, однако книга — богатый источник анекдотических свидетельств.

Юстин. Римский историк, живший в третьем столетии новой эры. Он провел тщательное исследование работы Помпея Трога «История Филиппа», созданной за 200 лет до него, во время правления Августа. Историки Юстина высмеивали, однако большая часть им написанного подтверждается другими источниками, особенно Диодором Сицилийским.

Другие фрагменты. Большая проблема, препятствующая изучению правления Александра Великого, заключается в том, что мы не располагаем реальными правдивыми материалами того времени. На мой взгляд, после смерти Александра ввели цензуру. Тогда его сподвижники делили империю и боролись за власть. Я упоминал в своей работе, что к 323 г. до н. э. у Александра не было недостатка в биографах, историках, комментаторах, очевидцах событий. Зато после 323 г. до н. э. в глаза бросается осторожность в высказываниях и публикациях, посвященных периоду его правления и особенно — смерти. Многие современники Александра, такие как Аристокл, писать стали лишь после того, как ушли из жизни многие последователи Великого завоевателя. Большая часть их воспоминаний дошла до нас лишь во фрагментах. Это «История Александра Великого», «Утерянная история Александра Великого». В этих работах приводится подробное описание ценных источников, существующих либо самостоятельно, в виде фрагментов, либо в работах других авторов, таких как Арриан.

Вот они:

Калисфен Олинфский — племянник Аристотеля и официальный историк Александра, казненный Александром под предлогом измены.

Эфипп Олинфский — член свиты Александра, настроенный несколько враждебно по отношению к Александру и македонцам. Его работы существуют лишь в фрагментарной форме.

Мидий из Лариссы — высокопоставленный командир во флоте Александра. Позднее участвовал в борьбе за престолонаследие, человек, который мог бы многое рассказать нам. Согласно источникам, Мидий был льстецом. Он пригласил Александра на роковой пир в Вавилоне в конце мая 323 г. до н. э.

Онесикрит — высокопоставленный морской командир. Воспоминания его о морских экспедициях существуют лишь во фрагментах.

Неарх Критский — командующий флотом Александра, прославившийся исследованиями северной оконечности Индийского океана. Он также оставил записки, которыми воспользовались многие историки.

Аристобул — архитектор и инженер в армии Александра. Оказывается, он писал свои записки еще при жизни Александра, однако опубликовал их лишь в 285 г. до н. э., через тридцать восемь лет после смерти Александра.

ПРИЛОЖЕНИЕ

© К. Королев, 2005

Действующие лица эпохи

АГИС

Спартанский царь Агис III, правил в 338—331 гг. до н. э., инициатор восстания против Александра Македонского в 333 г. до н. э. Агису удалось склонить большинство пелопоннесских государств к отделению от Македонии, но в битве при Мегалополе он был побежден регентом Македонии Антипатром.

АЛЕКСАНДР

Македонский царь Александр III, позднее, в I в. до н. э., названный Великим (род. в 356 г. до н. э. в Пелле, ум. 13 июня 323 г. до н. э. в Вавилоне), сын царя Филиппа II Македонского и Олимпиады. Воспитанный Аристотелем, он в 20 лет взял власть в Македонии. Александр предполагал укрепить свое господство в Греции и расширить его в Азии. В 334 г. Александр после тщательной подготовки начал поход против персов, царство которых к тому времени начало распадаться. Причиной войны явилось в первую очередь

стремление ликвидировать персидское влияние в Средиземноморье и Малой Азии, обеспечив Македонии мировое военное господство.

После окончания военной кампании владения Александра Македонского простирались от Дуная, Адриатики, Египта и Кавказа до Инда. Внезапная смерть Александра от лихорадки помешала осуществлению планов покорения Аравии и Северной Африки. Описание жизни Александра сделал один из его военачальников — Птолемей, а Аристобул описал его походы. Окутанные ореолом славы и возвышенные биографом царя Каллисфеном до божественных деяния Александра вызывали восхищение современников и потомков.

АНТИГОН I ОДНОГЛАЗЫЙ

Полководец Александра Македонского, один из диадохов (греч. Монофтальм, ок. 380—301 гг. до н. э.). Будучи наместником Фригии, Ликии и Памфилии, основал вместе с сыном Деметрием Полиоркетом собственное государство в Малой Азии (в 306 г. до н. э. принял царский титул). В 301 г. до н. э. Антигон потерпел поражение при Ипсе от Лисимаха и Селевка, что привело к окончательному расчленению империи Александра Македонского.

АНТИГОН II ГОНАТ

Македонский царь (ок. 319—239 гг. до н. э., прозвище произошло, очевидно, от названия города Тонн, где Антигон родился, царствовал 276—239 гг. до н. э.), внук Антигона I. Боролся против Пирра Эпирского и Птолемея III за гегемонию в Северной и Центральной Греции, возро-

дил Македонское царство, фактически утратившее свою независимость к началу его правления.

АНТИГОН III ДОСОН

Племянник Антигона II (греч. «желающий дать, но не дающий», ок. 263/262—211 гг. до н. э.), регент, затем в 227—221 гг. до н. э. царь Македонии. В 224 г. до н. э. захватил Пелопоннес. Ахейский союз вынужден был передать ему верховное командование в войне против спартанского царя Клеомена III, которого Антигон победил в 222 г. до н. э. в битве при Селассии.

АНТИГОНИДЫ

Ближневосточная царская династия, потомки Антигона I Одноглазого. Вели непрерывные войны с государствами Эллады, а также с Селевкидами и Птолемеями. Последним из Антигонидов был македонский царь Персей, свергнутый римлянами и взятый в плен в 168 г. до н. э.

АНТИОХ I СОТЕР

Сын Селевка I Никатора (324—261 гг. до н. э.), в битве при Ипсе командовал конницей союзников, с 281 г. — царь Сирии. Воевал с Антигоном Гонатом и кельтами, продвижению которых в Малую Азию в 278 г. он сумел воспрепятствовать (отсюда прозвище Сотер — «спаситель»).

АНТИОХ II ТЕОС

Сын Антиоха I (греч. «бог», ок. 278—246 гг. до н. э.), царь с 261 г. до н. э., противодействовал египетской экспансии в Малую Азию.

АНТИОХ III ВЕЛИКИЙ

Правнук Селевка I (242—187 гг. до н. э.), царь с 223 г. до н. э., продолжил войну против Египта, предпринял попытку распространить свою власть на восточные и западные территории. На востоке после захвата в 209 г. Мидии и Бактрии ему удалось расширить свои владения вплоть до Индии. На западе он столкнулся с упорным сопротивлением римлян и в 191—190 гг. до н. э. потерпел два чувствительных поражения при Фермопилах и Магнесии. В результате ему пришлось отказаться от своих притязаний на территории к западу от Тавра и заплатить дань победителям (Арамейский мир 188 г. до н. э.).

АНТИПАТР

Македонский полководец при Филиппе II и Александре III (ум. в 319 г. до н. э.). Во время похода последнего в Азию Антипатр являлся наместником Македонии. В 331 г. до н. э. подавил восстание спартанцев под началом Агиса.

АППИАН

Греческий историк из Александрии (ок. 100 — ок. 170 гг. н. э.). Из написанной Аппианом «Истории Рима» (24 книги) сохранилось менее половины книг, в том числе «Сирийские войны» и «Македонские войны», где описаны события эпохи диадохов.

АРАТ СИКИОНСКИЙ

Крупный политический деятель и стратег Ахейского союза (271—213 гг. до н. э.). В 224 г. до н. э. вступил в союз с Антигоном III Досоном против Спарты, чтобы противостоять спартанскому царю Клеомену III. В 221 г. до н. э.

союзники одержали победу над спартанцами при Селла-сии, что означало конец спартанского господства.

АРИСТОТЕЛЬ

Стагирит (384—322 гг. до н. э.), древнегреческий философ, ученый-энциклопедист, основатель перипатетической школы; происходил из семьи врачей при дворе македонских царей. Семнадцати лет от роду Аристотель вступил в Академию Платона, где пробыл в течение 20 лет как слушатель, преподаватель и равноправный член содружества философов-платоников. После смерти Платона в 347 г. до н. э. Аристотель оставил Афины по политическим соображениям, путешествовал, затем стал учителем Александра Македонского. В 335 г. до н. э. основал учебное заведение в Ликее (Афины). Обучение происходило во время прогулок, благодаря чему оно получило название «Перипата». После смерти Александра Македонского Аристотеля преследовали за промакедонскую ориентацию, и он отправился в свое владение в Халкиде, где вскоре умер.

АРРИАН

Флавий Арриан, из Никомедии в Вифинии (ок. 95—175 гг.), римский императорский офицер, консул, наместник Каппадокии. Арриан был учеником Эпиктета, чьи философские беседы записал и издал. Кроме того, Арриан писал трактаты, например об Индии («*Indika*»); более всего известен как автор жизнеописания Александра Македонского («*Anabasis Alexandri*»). Жизнеописание, составленное Аррианом, ныне признано как наиболее достоверный источник по истории того периода.

АРТАКСЕРКС I ЛОНГИМАН (Долгорукий)

Персидский царь (вступил на престол в 464 г. до н. э., ум. в 424 г. до н. э.), сын Ксеркса I. В 455 г. завоевал Египет. Флот Артаксеркса был побежден афинскими морскими силами в сражении близ Саламина на Кипре в 449 г. до н. э. В 449—448 гг. до н. э. заключил с греками так называемый Каллиев мир.

АРТАКСЕРКС II

Персидский царь (годы правления 404—358 гг. до н. э.), сын Дария II, соперничал со своим братом Киросом. В 394 г. до н. э. одержал победу над спартанцами при Книде. В 387 г. до н. э. на своих условиях заключил со Спартой так называемый Анталкидов мир.

ГЕРОДОТ ИЗ ГАЛИКАРНАСА

Греческий историк (ок. 484—425 гг. до н. э.), из области Кария, «отец истории» (Цицерон). Геродот предпринимал продолжительные путешествия и хорошо знал прибрежные малоазиатские области с прилегающими к ним островами, часть Передней Азии, Египет, Кирену, сирийско-финикийское побережье с Кипром, Понт, а также Геллеспонт, Фракию и Македонию. Геродот оставил после себя записанное на ионийском диалекте «Изложение событий», которое в Александрии было разделено на 9 книг; во II в. н. э. каждая книга была названа именем одной из девяти муз. «История» Геродота — ценнейший источник сведений о древнем Средиземноморье и греко-персидских войнах.

ДАРИЙ III КОДОМАН

Последний царь (336—330 гг. до н. э.) из династии Ахеменидов. Потерпел поражение от Александра Македон-

ского при Иссе и Гавгамелах. Убит своим подданным Бесом. После смерти Дария персы признали своим царем Александра.

ДЕМЕТРИЙ ПОЛИОРКЕТ

Один из главных участников войн диадохов (ок. 337—283 гг. до н. э.), македонский царь в 306—286 гг. до н. э. (с перерывами) из династии Антигонидов, сын Антигона Одноглазого,

ДЕМЕТРИЙ ФАЛЕРСКИЙ

Государственный деятель и философ-перипатетик (ок. 360 — ок. 280 гг. до н. э.), в 317—307 гг. до н. э. абсолютный правитель (эпимелет) Афин; с 297 г. до н. э. при дворе Птолемея Сотера, один из основателей Александрийской библиотеки и Мусея.

ДЕМОСФЕН

Афинский оратор и политический деятель (384—322 гг. до н. э.), идейный вождь борьбы против Филиппа Македонского, в котором видел опаснейшего врага греческой свободы (три «филиппики» 351, 344, 341 гг. до н. э. и три «олинфские речи» 349—348 гг. до н. э.). После поражения союзных войск афинян и фиванцев в битве при Херонее (338 г. до н. э.), в которой Демосфен принимал личное участие, произнес траурную речь в честь павших в битве. В 330 г. до н. э. афиняне удостоили его почетного золотого венка. Несколько лет спустя Демосфен оказался замешан в афере с подкупом и вынужден был бежать из Афин (324 г. до н. э.). После смерти Александра Македонского вернулся в Афины, но после захвата города македонянами был

осужден на смерть и принял яд, чтобы не попасть в руки преследователей.

ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ

Историк эпохи эллинизма (ок. 90–21 гг. до н. э.), автор «Исторической библиотеки», из которой 1–5-я и 11–20-я книги сохранились полностью. Его украшенное анекдотами, хронологически не всегда точное, но интересное изложение ранней истории до времен Цезаря (включая историю Египта, Ассирии, Индии, Мидий, о-вов Западного и Восточного Средиземноморья) служит главным источником сведений о событиях III–II вв. до н. э.

ИСОКРАТ

Афинский оратор и публицист (436–338 гг. до н. э.). Средство преодоления политического кризиса Афин Исократ видел в единстве Греции под предводительством Афин и призывал к нему. Позднее Исократ в противоположность Демосфену выступал в поддержку Филиппа Македонского в надежде, что Филипп возглавит объединенную Грецию в походе против персов.

КАЛЛИСФЕН

Греческий историк (ок. 370 г. до н. э., ум. до 327 г. до н. э.), внучатый племянник Аристотеля; принимал участие в Персидском походе Александра Македонского как историограф. В своих записях возвеличил деяния царя и прославил его как борца за «единую и победоносную Элладу». Причиной разрыва с царем стал отказ Каллисфена признать в Александре бога; за это Каллисфен был казнен. Его сочинение послужило основой для создания ле-

генды об Александре. До нас дошел роман об Александре, автором его традиция считает Каллисфена (или Псевдо-Каллисфена). Этот роман был переведен более чем на 30 языков, переложен в стихах и пересказан в прозе.

КАССАНДР

Один из диадохов, сын Антипатра, вытеснил из Македонии Полисперхонта, правившего с 317 до 298 г. до н. э. В 306 г. до н. э. Кассандр принял царский титул. В 316 г. до н. э. отдал приказ о казни матери Александра Македонского Олимпиады, в 310 г. до н. э. — об убийстве жены Александра Роксаны и ее сына. В честь жены Кассандра назван основанный им город Фессалоника (ныне Салоники).

КИР II ВЕЛИКИЙ (Старший)

Персидский царь (царствовал с 558 по 529 г. до н. э.). Основал персидскую державу, захватил Мидию, Лидию и Вавилонию. Согласно античной традиции, Кир II был смел, добр и терпим к покоренным народам. Жизнь Кира описал Геродот. В романе «Воспитание Кира» («Киропедия») Ксенофонт представил его идеалом правителя.

КИР МЛАДШИЙ

Сын Дария, брат Артаксеркса II, наместник (сатрап) Лидии, Великой Фригии и Каппадокии. Со своим войском пошел против брата, чтобы завладеть тронem, и погиб в битве при Кунаксе в 401 г. до н. э.

КЛЕОМЕН III

Спартанский царь (царствовал с 235 по 222 г. до н. э.), умер в 219 г. до н. э. в Египте. После победы Спарты над

Ахейским союзом продолжил реформаторскую деятельность Агиса IV, действуя политическими мерами. Клеомен III провел преобразования не только конституционно-правового характера, но и реорганизовал армию по македонскому образцу и перестроил систему воспитания юношества в соответствии с принципами Ликурга. Стремясь воспрепятствовать распространению власти Спарты над всем Пелопоннесом, стратег ахейян Арат и македонский царь Антигон Досон заключили союз против Клеомена и разбили его при Селласии в 221 г. до н. э. Клеомен бежал в Египет и там покончил с собой.

КРАТЕР

Македонский полководец, командир телохранителей Александра Македонского. В 328 г. до н. э. завоевал Бактрию, отличился и в Индийском походе, особенно во время возвращения войск Александра из Индии. После смерти царя Кратер стал стратегом Македонии. В 321 г. до н. э. пал в битве с Эвменом Кардийским.

КТЕСИЙ КНИДСКИЙ

Придворный лекарь (ок. 400 г. до н. э.) персидского царя Артаксеркса II, автор труда в 23 книгах, первые 6 книг содержали историю Ассирии и Мидии, следующие — историю Персии. Произведение это больше похоже на роман, нежели на историческое сочинение. Ктесий писал и об Индии: его книги полны сказочных историй, однако для греков это было первое собрание подробных сведений об индийцах. Оба труда сохранились лишь в отрывках у более поздних авторов.

КУРЦИЙ РУФ КВИНТ

Древнеримский историк и ритор I в., автор «Истории Александра Македонского». Две первые книги, в которых, предположительно, излагались события от воцарения Александра до его похода в глубь Малой Азии, утрачены. Сочинение Курция грешит авторскими домыслами, его никак нельзя отнести к надежным источникам.

ЛИСИМАХ

Полководец Александра Македонского (361—281 гг. до н. э.), после смерти которого получил в правление Фракию. В 315 г. Лисимах вступил в коалицию с Селевком, Птоломеем и Кассандрой и стал воевать против Антигона. Война привела к повторному переделу наследия Александра Македонского, в результате которого Лисимах присоединил к своим владениям побережье Геллеспонта. В 306 г. провозгласил себя царем. В 303—301 гг. до н. э. вместе с прежними союзниками вел успешную борьбу в Малой Азии с Антигоном и его сыном Деметрием Полиоркетом, в результате которой присоединил к своей державе ряд областей Малой Азии. В 287—286 гг. в союзе с царем Эпира Пирром вытеснил Деметрия из Македонии. Лисимах погиб в борьбе с Селевком, его войско было разбито, а государство распалось

НЕАРХ

Соратник Александра Македонского (ум. ок. 312 г. до н. э.), с 334 г. до н. э. — правитель Ликии и Памфилии, участник похода в Индию. В 325 г. до н. э. на обратном пути Александра из Индии командовал флотом, впервые совер-

шившим плавание из Индии в Месопотамию. Его описание путешествия (*перипл*) не сохранилось, но известно, что периплом Неарха широко пользовались Арриан и Страбон.

ОЛИМПИАДА

Дочь молосского царя Неоптолема I, жена Филиппа II Македонского и мать Александра (375–316 гг. до н. э.). После смерти сына она боролась против диадохов, особенно против Антипатра и Кассандра; приказала убить одного из наследников Александра, Филиппа III. Осажденная Кассандром в Пидне, она по решению македонского войска была казнена в 316 г. до н. э.

ПАРМЕНИОН

Полководец Филиппа II и Александра Македонского, занимал после царя наиболее высокое положение в македонской военной табели о рангах. Александр приказал убить Пармениона из страха мести за гибель его сына Филоты, казненного Александром в 320 г. до н. э.

ПЕРСЕЙ

Последний царь Македонии (ок. 213–166 гг. до н. э.), в войне против Рима, организовав и возглавив антиримскую коалицию, одержал несколько побед, но в 168 г. до н. э. в битве при Пидне войско Персея было разбито; взятый в плен Персей был увезен в Италию и погиб в заключении.

ПЛУТАРХ

Древнегреческий писатель (ок. 46 г.— после 119 г.), происходил из старинного состоятельного рода. Из огромно-

го писательского наследия Плутарха (250 трудов) сохранилась примерно одна треть. В 46 «Сравнительных жизнеописаниях» содержатся 23 пары биографий выдающихся греков и римлян, в том числе Александра, Деметрия Полиоркета, Эвмена.

ПОЛИБИЙ

Древнегреческий историк, политик и командующий конницей ахейцев (ок. 200—120 г. до н. э.). Во время войн Рима против Македонии вначале занимал нейтральную позицию, но вскоре, хотя и довольно сдержанно, начал симпатизировать римлянам. После победы Рима под Пидной был обвинен своими противниками во враждебном отношении к Риму и вместе с тысячей других представителей ахейской знати увезен в Италию и интернирован в Риме на 16 лет как заложник. Автор «Всемирной истории» в 40 книгах (полностью сохранились первые пять), охватывающих период начиная с 264 г. до н. э. (Пунические войны). Исторический труд Полибия содержит достоверные сведения из истории Средиземноморья; как бывший военный, он прекрасно разбирался в стратегии и тактике, посему его труд, наряду с сочинением Арриана, признается одним из главных и достоверных источников по истории военного дела в античности.

ПОР

Индийский царь. В 326 г. до н. э. Александр Македонский одержал над Пором победу у реки Гидасп. Впоследствии был убит македонским сатрапом, сторонником царя Сандракотта.

ПТОЛЕМЕИ

Македонско-греческая правящая династия в Египте с 323 до 30 г. до н. э. Птолемей постоянно стремились расширить свое политическое и экономическое могущество, вели войны против Селевкидов и Антигонидов, чтобы упрочить положение Египта в эллинистическом мире. В 30 г. до н. э. Египет стал римской провинцией.

ПТОЛЕМЕЙ I СОТЕР («Спаситель»)

Один из полководцев Александра Македонского (ок. 367/366—283 гг. до н. э.). С 323 г. до н. э. — сатрап Египта, с 305 г. до н. э. — царь. После смерти Александра был назначен сатрапом Египта, который превратил в централизованное государство. Присоединил к Египту Кирену (298 г. до н. э.). Портовый город Александрия при Птолемее I превратился в столицу страны (основание Александрийского мусейона и библиотеки). Птолемей I Сотер был автором исторического труда, сохранившегося во фрагментах в «Анабасисе» Арриана.

ПТОЛЕМЕЙ II ФИЛАДЕЛЬФ («Любящий сестру»)

Сын Птолемея Сотера (308—246 гг. до н. э.), с 285 г. до н. э. — царь. Укрепил, несмотря на потерю Кирены, политическое и экономическое положение Египта в эллинистическом мире. Женился, согласно египетской традиции, на собственной сестре Арсиное II и выступал, как и его отец, поборником науки, искусства и культуры.

ПТОЛЕМЕЙ III ЭВЕРГЕТ («Благодетель»)

Сын Птолемея II (ок. 284—221 гг. до н. э.), с 246 г. до н. э. — царь. Под его властью государство Птолемеев дос-

тигло наибольших размеров (повторное завоевание Кирены, поход против Сирии до Евфрата).

ПТОЛЕМЕЙ IV ФИЛОПАТОР («Отцелюбец»)

Сын Птолемея III (240?—204 гг. до н. э.), с 221 г. до н. э. — царь. Успешно завершил войну с Сирией в 217 г. до н. э.

САНДРАКОТТ (Чандрагупта) МАУРЬЯ

Правитель Северной Индии, основатель династии и государства Маурьев. Правил ок. 322 — ок. 300 гг. до н. э. (по другим данным, с 314 или 312 по 292 или 290 гг. до н. э.). Склонял Александра Македонского к походу против империи Нандов. После ухода Александра из Индии (325 г. до н. э.) Чандрагупта возглавил борьбу индийцев против македонского владычества, а затем захватил престол Магадхи. Он владел всей Северной Индией, а по мирному договору с Селевком I получил также значительную часть современного Афганистана и Белуджистана. При Чандрагупте начали развиваться торговые, культурные и дипломатические связи Индии со странами Средиземноморья.

СЕЛЕВК I НИКАТОР («Победоносный»)

Полководец Александра Македонского (ок. 356—281 гг. до н. э.), основатель царства Селевкидов. С 323 г. до н. э. — сатрап, в 305—304 гг. до н. э. принял царский титул. В результате победы над Антигоном Одноглазым при Ипсе (301 г. до н. э.) завоевал Сирию. В 281 г. до н. э., победив Лисимаха при Курупедионе, Селевк захватил многие области Малой Азии; благодаря этому его государство почти достигло размеров царства Александра Македонского. Селевк предпринял поход на Македонию, но в 281 г. до н. э. был убит.

СЕЛЕВКИДЫ

Наследники Селевка I, которым около 100 лет удавалось держать под контролем обширную территорию от Малой Азии до Индии. Царство Селевкидов не было единым с географической и этнической точек зрения, но благодаря своему выгодному расположению (побережье Средиземного моря, Месопотамия, Малая Азия, торговые пути) обладало хорошим экономическим потенциалом. Однако войны и освободительные движения покоренных народов расшатали основы царства, и в 64 г. до н. э. Сирия стала римской провинцией.

СТРАБОН

Греческий географ и историк (ок. 64–63 г. до н. э.— ок. 20 г. н. э.), происходил из знатной семьи. Автор «Географии» в 17 книгах. Труд Страбона интересен не только с географической, но и с исторической, мифографической и культурно-исторической точек зрения.

ФИЛИПП II МАКЕДОНСКИЙ

«Отец новой Македонии» (382–336 гг. до н. э.), с 359 г. до н. э.— регент, ок. 355 г. до н. э.— царь Македонии, заложил основу македонского господства в Греции. По примеру Фив, где он был у Эпаминонда заложником, Филипп реорганизовал македонское войско, завершил объединение Македонии в единое государство, ввел единую монетную систему. С помощью регулярной боеспособной армии вел завоевательную внешнюю политику. Завоевав Фракию, Филипп получил золото и серебро и начал чеканку золотых монет (т. н. филиппики), что позволило продол-

жить захват соседних государств. При помощи дипломатии, подкупа и значительного военного превосходства Филиппу удалось в 357 г. до н. э. захватить богатое в сырьевом отношении фракийское побережье от Пидны до Геллеспонта, в 352 г. до н. э. завладеть Фермопилами, что означало контроль над Центральной Грецией, в 348 г. до н. э. — разрушить Олинф, в 343 г. до н. э. — заключить мирный договор с персами. Благодаря этим успехам многие греческие политики увидели в Филиппе «учредителя порядка», который сможет положить конец системе малых государств и дать возможность начать войну против персов, чтобы вывести Грецию из социально-политического кризиса (Исократ, Эсхин и др.).

ФИЛИПП V МАКЕДОНСКИЙ

Главный противник Рима на Западе (238—179 гг. до н. э.), с 221 г. до н. э. — царь Македонии, в 216 г. до н. э. заключил союз с Ганнибалом против Рима, но в 197 г. до н. э. побежден Квинкцием Фламинином у Киноскефал.

ФОКИОН

Афинский государственный деятель (402—318 гг. до н. э.), сторонник Македонии и противник Демосфена; после поражений под Херонеей (338 г. до н. э.) и Аморгосом (322 г. до н. э.) вел переговоры с Македонией и возглавлял правление в Афинах в период македонского владычества.

ЭВМЕН ИЗ КАРДИИ

Личный секретарь Александра Македонского (362—316 гг. до н. э.), после смерти царя выступал за сохранение

целостности его царства. В 321 г. до н. э. получил должность стратега в Малой Азии и установил в войсках культ Александра.

ЭМИЛИЙ ПАВЕЛ МАКЕДОНИК

Древнеримский полководец, политический деятель и ритор (228—160 гг. до н. э.). В 182 г. до н. э. — претор в Дальней Испании; покорил племя лигуров. В 168 г. до н. э. одержал победу в Третьей Македонской войне над Персеем при Пидне.

ЭПАМИНОНД

Беотийский государственный деятель и полководец. В 379 г. до н. э. вместе с Пелопидом основал Беотийское федеративное государство и реорганизовал войско (гражданское ополчение, создание ударных отрядов, священная дружина, «боевой союз друзей», вооружение длинными копьями), что послужило возвышению Фив как третьей политической силы в Греции (после Спарты и Афин). В 371 г. до н. э. разгромил спартанцев при Левктрах. В 362 г. до н. э. Эпаминонд победил антифиванскую коалицию при Мантинее, но и сам пал в битве. Эпаминонд впервые применил так называемый косой боевой порядок, при котором усиленное в глубину левое крыло фаланги начинает наступление, врезаясь клином в ряды противника, в то время как правый край — более слабый — остается позади.

Античные источники в русских переводах

- Аристотель*. Политика. Афинская полития. М., 1997.
- Арриан*. Поход Александра. М., 1962.
- Геродот*. История в девяти книгах. Л., 1972.
- Гомер*. Илиада. Л., 1990.
- Демосфен*. Речи. В 3 т. М., 1994.
- Еврипид*. Трагедии. Т. I, II. М., 1999.
- Иосиф Флавий*. Иудейская война. Минск, 1991.
- Исократ*. Речи.—ВДИ. 1965. № 3, 4; 1966. № 1–4; 1967. № 1, 3, 4; 1968. № 1–3.
- Квинт Курций Руф*. История Александра Македонского. С приложением сочинений Диодора, Юстина, Плутарха об Александре. М., 1993. В Приложении опубликованы: *Диодор*. Историческая библиотека. Книга XVII; *Юстин*. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historia Philippae»; *Плутарх*. Александр; *Плутарх*. Об удаче и доблести Александра.
- Ксенофонт*. Анабасис. М., 1994.
- Ксенофонт*. Греческая история. СПб., 1993.
- Нонн Панополитанский*. Деяния Диониса. СПб., 1997.
- Павсаний*. Описание Эллады. Т. I, II. 1994.
- Плутарх*. Застольные беседы. Л., 1990.
- Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. I, II. М., 1994.
- Полибий*. Всеобщая история. Т. I–III. СПб., 1995.
- Прокопий Кесарийский*. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., 1993.
- Страбон*. География. М., 1994.
- Тит Ливий*. История Рима от основания города. Т. I–III. М., 1989–1993.
- Фукидид*. История. М., 1993.

Рекомендуемая литература на русском языке

- Бенгтсон Г.* Правители эпохи эллинизма. М., 1982.
- Бертельс Э. В.* Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М.; Л., 1948.
- Бикерман Э.* Хронология древнего мира. М., 1976.
- Болдырев А. В., Боровский Я. М.* Техника военного дела.— Эллинистическая техника. М.; Л., 1948.
- Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И.* Александр Македонский и Восток. М., 1980.
- Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. Т. I—IV. СПб., 1993.
- Дройзен И. Г.* История эллинизма. Т. I, II. М., СПб., 2003.
- Жебелев С. А.* Александр Великий. Пг., 1922.
- Ковалев С. И.* Александр Македонский. Л., 1937.
- Конолли П.* Энциклопедия военного искусства. Древняя Греция и Рим. М., 2001.
- Королев К. М.* Македонский гамбит. М., СПб., 2002.
- Костюхин Е. А.* Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М., 1972.
- Латышев В. В.* Очерк греческих древностей. Т. I, II. СПб., 1997.
- Левек П.* Эллинистический мир. М., 1989.
- Тарн В.* Эллинистическая цивилизация. М., 1949.
- Уилер М.* Александр Великий. СПб., 1900.
- Уилер М.* Пламя над Персеполем. М., 1972.

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ СМЕРТЬ БОГА

Предисловие	5
Хронологическая таблица	7
Главные персонажи	14
Пролог. Май 323 г. до н. э. Вавилон	18
Глава первая. Бог	22
Глава вторая. Вавилонские предзнаменования	75
Глава третья. Смерть бога	105
Глава четвертая. Александр. Пьяная свобода?	120
Глава пятая. Мотив	171
Глава шестая. Заговорщики?	227
Глава седьмая. Птолемей — убийца?	235
Глава восьмая. Эпилог	296
Источники	318
Приложение	
Действующие лица эпохи	327
Античные источники в русских переводах	345
Рекомендуемая литература на русском языке	346